

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**
№ 6 (44) 2013
ISSN 1996-0522

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ**Философия**

- С.В. Борисов – д.ф.н., профессор
(г. Челябинск, Россия)
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
Виктория Лезьер, д.ф.н., профессор
(г. Форкалькеире, Франция)
А.В. Павлов – д.ф.н., профессор
(г. Тюмень, Россия)
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
(г. Москва, Россия)
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С.Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
(г. Челябинск, Россия)
А.В. Понеделков – д.полит.н., профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
О.Ф. Русакова – д.полит.н., профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
Грегори Саймонс – доктор, профессор
(г. Упсала, Швеция)
А.Ю. Сунгуров – д.полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Е.В. Грунт – д.ф.н., профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
Н.Б. Костина – д.с.н., профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
Сабина Лисица, доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
(г. Москва, Россия)
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
А.Б. Сергеев – д.ю.н., профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

- О.В. Артемова – д.э.н., профессор
(г. Челябинск, Россия)
Т.Ю. Савченко – к.э.н., доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С.С. Загребин – д.и.н., профессор
(г. Челябинск, Россия)
А.Н. Лукин – к. культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
(г. Челябинск, Россия)
Д.В. Тимофеев – д.и.н., доцент
(г. Челябинск, Россия)
С.С. Смирнов – д.и.н., профессор
(г. Челябинск, Россия)

Главный редактор

доктор политических наук,
профессор С.Г. Зырянов

Заместитель главного редактора

доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция

- А.Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С.Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии
Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии
А.В. Ильиных – зав. рубрикой
государства и права
Т.Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономики и управления
С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры
Д.В. Тимофеев – зав. рубрикой истории
А.В. Павлов – ответственный
за международные контакты

Ответственный секретарь

кандидат философских наук А.А. Бобрин

СОЦИУМ**О.П. Иванов, С.Г. Зырянов**

Новый социальный заказ к системе
высшего профессионального образования..... 5

М.В. Каширина

Фальсеоинтеракция как особая форма
социального взаимодействия 11

Н.В. Киселёва

Роль когнитивных факторов и установок
в социологической оценке эффективности
деятельности органов местного
самоуправления 17

Н.Б. Костина, О.И. Власова

Молодое поколение об устойчивости и
изменчивости трудовой деятельности:
опыт эмпирического исследования 22

О.А. Тарасова

Анализ брачно-семейных стереотипов
современного российского студенчества 28

ВЛАСТЬ**Ю.Г. Ершов**

Проблемы конституционализма в
современной России 33

С.Г. Зырянов

20 лет формирования политической и
социальной базы Конституции России –
предварительные итоги 39

А.Ю. Сунгуров

Общественные советы
как институты мониторинговой демократии?
Опыт Краснодарского края 48

Грэгори Саймонс

Национальный брендинг и внешняя
политика России 55

Г.В. Косов, Г.В. Станкевич

Религиозный фактор в политическом
процессе: опыт восточных политий
(исламская проекция) 67

В.А. Нехамкин

Альтернативы российской монархии в 1917 г.:
опыт философско-исторического анализа 73

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**А.Д. Магденко, А.А. Алимов**

Мировое сообщество: конституционный
статус России и вопросы международно-
правовой защиты 79

В.А. Воропанов

Развитие системы отбора и подготовки
кадров государственной гражданской
службы в Российской империи в первой
половине XIX в. 84

ИНФОРМАЦИЯ для ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 139.

Ваше материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:
(351) 771-42-30

E-mail: siv@rane74.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

Журнал выходит 6 раз в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Подписано в печать 10.12.2013 г.

Формат 70×108¹/₁₆

Усл. п. л. 8,75. Тираж 1000 экз.

Заказ № 3228.

Издание подготовлено к печати
и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

Цена свободная

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

А.М. Орехов, Ф.Н. Ахмедов

Экономическая идеология:

опыт интерпретации 90

Ю.А. Коблова

Динамика трансакционных параметров

информационно-сетевой экономики 96

КУЛЬТУРА

Л.А. Зелезинская, А.С. Чупров

Проданный смех 103

С.Н. Рымарович

Генезис и смысловая детерминация

феномена дома 107

ИСТОРИЯ

Г.С. Смирнов

Врачебно-трудовая экспертиза

в системе социальной защиты населения

(на примере Южного Урала) 113

С.И. Панькин

Политическая платформа повстанческого

движения на Южном Урале в 1920–1922 гг. 118

Н.А. Родионов

Государственная политика в сфере

выявления и использования топливно-

сырьевых источников на Урале

(1920–1930-е гг.) 123

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

А.В. Павлов

Современность и критика..... 128

**Scientific journal
«SOCIUM and POWER»**

№ 6 (44) 2013
ISSN 1996-0522

Founded by

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch of
the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

S.V. Borisov – Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
Yu.G. Ershov – Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer, Doctor of Science (Philosophy)
(Folkarkeyre, France)
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)

V.D. Popov – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

S.G. Zyrianov – Dr. Sc. (Political
Science), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Ponedelkov – Dr. Sc. (Political
Science), Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova – Dr. Sc. (Political
Science), Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons – Doctor of Science
(Philosophy), professor
(Uppsala, Sweden)

A.Yu. Sungurov – Ph.D. in Political
Science, Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

E.V. Grunt – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
N.B. Kostina – Dr.Sc. (Sociology), Professor
(Yekaterinburg, Russia)

Sabina Lisitza, doctor, professor
(Areal, Israel)

Law

V.G. Grafskiy – LL.D, Professor
(Moscow, Russia)

S.V. Kodan – LL.D, Professor
(Yekaterinburg, Russia)

A.B. Sergeev – LL.D, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

O.V. Artyomova – Dr. Sc.
(Economics), Professor
(Chelyabinsk, Russia)

T.Yu. Savchenko – Cand. Sc.
(Economics), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

S.S. Zagrebin – Dr. Sc. (History), Professor
(Chelyabinsk, Russia)

L.B. Zabanova – Dr. Sc. (Cultural
Studies), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural
Studies), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

S.V. Nechaeva – Cand. Sc. (History),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev – Dr. Sc. (History), Assistant, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

S.S. Smirnov – Dr. Sc. (History), Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov

Editorial board

A.N.Lukin – Head of Philosophy Dept
S.G. Zyrianov – Head of Political Science Dept
E.V. Grunt – Head of Sociology Dept

A.V. Ylynykh – Head of Law and State Dept
T.Yu. Savchenko – Economics and management

S.S. Zagrebin – Head of Cultural Studies Dept
D.V. Timofeev – Head of History Dept

A.V. Pavlov – International Relations

Executive editor

Cand. Sc. (Philosophy) A.A. Bobrik

SOCIUM

O.P. Ivanov, S.G. Zyrianov

New requirements to the system of higher
professional education 5

M.V. Kashirina

Falseinteraktsiya as a special form of
social interaction 11

N.V. Kiseleva

The role of cognitive factors and directives
in social evaluating the effectiveness of the
activity of self-governing authorities 17

N.B. Kostina, O.I. Vlasova

Social assessments of stability and variability
of labour activity made by the young
generation: experience of empirical research 22

O.A. Tarasova

Analysis of the sex-role stereotypes
among contemporary students 28

POWER

Yu.G. Ershov

Problems of constitutionalism in modern Russia 33

S.G. Zyrianov

20 years of forming political and social
basis of Constitution of Russia: preliminary results 39

A.Yu. Sungurov

Social councils as institutes of surveillance
democracy? Experience of Krasnodar krai 48

Gregory Simons

Nation Branding and Russian Foreign Policy 55

G.V. Kosov, G.V. Stankevich

Religious factor in the political process: the
experience of east polities (muslim case) 67

V.A. Nekhamkin

Alternatives of Russian monarchy in 1917:
the experience of philosophical and
historical analysis 73

STATE AND LAW

A.D. Magdenko, A.A. Alimov

World community: constitutional status of Russia
and aspects of the international legal protection 79

V.A. Voropanov

The development of the system of selecting and
training the personnel for state civil service
in the Russian Empire in the first period
of XIX century. 84

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIMUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIMUM AND POWER» journal is included in **the list of leading reviewed scientific journals and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIMUM AND POWER» scientific journal are located at page 140

Please send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv@rane74.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Certificate of Registration
PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 10.12.2013.
Format 70x108^{1/16}
Reference sheet area 8,75. Issues – 1000.
Order № 3228.

This edition has been designed and printed at 454080, Chelyabinsk, Sverdlovskiy prospekt, 60.

Free price
**Subscription index
in Russia
46536**

ECONOMICS AND MANAGEMENT

A.M. Orekhov, F.N. Akhmedov

Economic ideology: the experience of interpretation 90

Y.A. Koblava

Dynamics of transaction parameters of information and network economics 96

CULTURE

L.A. Zelezinskaya, A.S. Chuprov

Sold Humour103

S.N. Rymarovich

Genesis and conceptual determination of the phenomenon of home107

HISTORY

G.S. Smirnov

Medico-labour examination in the system of social protection of population (on the materials of the Southern Urals)113

S.I. Pankin

Political platform of insurgent movement of the Southern Urals in 1920–1922118

N.A. Rodionov

Government and regional policy towards the exploitation and use of the sources of fuel and raw materials in the 1920-s–1930-s 123

DISCUSSIONS AND DEBATES

A.V. Pavlov

Modern times and criticism128

УДК 304.44

НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ К СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Иванов Олег Петрович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заместитель директора по развитию, кандидат технических наук, г. Челябинск, Россия.
E-mail: oliva77@yandex.ru

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, директор, доктор политических наук, профессор, г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@rane74.ru

Аннотация

Показано влияние новых технологий на жизнь общества в сферах экономики, социума, политики. На основе анализа новых реалий и тенденций их развития сформулированы принципы построения системы высшего образования.

Ключевые слова:

миссия образования, шестой технологический уклад, геополитика, борьба за ресурсы, новый тип человека, устойчивое развитие, точка бифуркации, принципы современной высшей школы.

Мир, в котором мы живем, становится все более сложным и изменчивым. На решение новых задач жизнь отводит все меньше времени. При этом цена ошибок возрастает и часто приобретает катастрофический характер. Подготовка новых поколений к жизни в этих условиях не может оставаться прежней.

Важнейшей составной частью миссии системы образования любой страны является подготовка новых поколений к жизни, личностному развитию и эффективной профессиональной деятельности в будущем мире. Сегодня в школу приходят дети, которые через 10–15 лет войдут во взрослую жизнь, а через 20 – 30 лет многие из них выйдут на ключевые позиции в мире политики, экономики, науки и культуры, в других сферах деятельности человека.

Если оглянуться назад лет на 30, то из того прошлого крайне трудно, если не невозможно вообще, было предугадать все то, что происходит сегодня. Но заглядывать в будущее и видеть перспективы, особенно в системе образования, просто необходимо, иначе мы будем готовить новое поколение к жизни по старым меркам, в условиях вчерашнего дня, что, вероятно, и для учащихся и для общества в целом принесет больше вреда, чем пользы.

Первый шаг в направлении создания человека – эффективного работника будущего – это формирование системы образования, адекватной происходящим в мире технологическим изменениям. На смену пятому технологическому укладу сегодня приходит шестой, в основе которого лежат: биотехнологии, нанотехнологии, проектирование живого, развитие человека, новое природопользование, робототехника, новая медицина, высокие гуманитарные технологии, проектирование будущего и управление им, технологии создания и уничтожения социальных объектов. Новые технологии окажут принципиальное влияние на развитие экономики и социума.

В процессах становления и закрепления новых мировых экономических и политических реалий, формирования новых перспектив развития одних стран и сообществ, упадка других, в возникновении и становлении новых форматов социально-экономических систем главную роль будут играть искусство предвидеть будущее и практическое умение использовать все новые возможности конкурентной борьбы за ресурсы, необходимые для развития [5]. Борьба за ресурсы – главный мотив в развитии отдельного человека и раз-

личных сообществ людей с целью само-реализации и расширения экспансии во внешний мир.

Что происходит сегодня, какие появляются новые тенденции в развитии социума, как они повлияют на жизнь отдельных людей, развитие стран и как нужно осуществлять подготовку профессионалов нового поколения к жизни в новых условиях – вот главные вопросы, которые рассматриваются в данной статье.

Обострение борьбы за ресурсы

Темпы социально-экономического развития человечества на базе новых технологий сегодня очень высоки и продолжают расти. В этих условиях ключевым вопросом развития любой страны является доступ к необходимым ресурсам. Часть этих ресурсов страны могут продуцировать сами, другие тем или иным способом извлекать из внешней среды. Говоря о ресурсах, мы имеем в виду не только природные ресурсы, но также трудовые ресурсы и человеческий капитал, технологические и информационные ресурсы, финансовый капитал и другие виды необходимых для жизнедеятельности людей ресурсы. Имея приоритетный доступ к актуальным для проживаемого отрезка времени ресурсам, страна может наращивать свой социально-экономический потенциал, что, в свою очередь, обеспечивает ей ускоренное развитие и придает дополнительные возможности получения доступа к еще большему и более качественным ресурсам. Так в развитии человеческого общества работает положительная обратная связь, и эту закономерность никто не сможет отменить.

История существования человечества – это история борьбы за ресурсы.

В конкурентной борьбе противодействующими сторонами являются не только отдельные страны, но и блоки стран, цивилизации, сформированные на принципиально различных религиозных платформах, определивших свой собственный специфический менталитет, мораль, мир ценностей. Крупнейшими из них, по мнению А. Владимирова [4], являются Западная, Китайская, Русская Православная и Исламская цивилизации. Наиболее активной сегодня является политика, прово-

димая цивилизацией Запада, концепция социально-экономического развития которой сегодня во многом утрачивает свою силу. В основу политики Запада заложены приоритеты собственного выживания и развития за счет использования ресурсов остального мира. Откровенно конфронтационную политику по отношению к Западу демонстрирует более молодая и агрессивная Исламская цивилизация.

Положение России в этой диспозиции трудно назвать завидным, несмотря на принадлежащие стране огромные природные ресурсы. С одной стороны, это благо, с другой – постоянный предмет притязаний других стран. Тем более, есть сильнейший аргумент: если владелец ресурсов не может самостоятельно эффективно использовать их, ему надо «оказать помощь», а еще лучше – взять эту заботу на себя.

Конкурентная борьба за ресурсы в форме экономической экспансии [6] становится сложной, многовариантной и многоходовой «игрой», в которой побеждает не только экономический потенциал, но, прежде всего, совокупный интеллект «игрока» [1].

Формирование человека нового типа: появление *homo sapiens.net*

Развитие технологических возможностей человека идет заметно быстрее развития его сознания, интеллекта. В свое время В. Вернадский [2] в своем учении о ноосфере* считал предпосылками для ее возникновения:

1. Формирование человечества как единого сообщества людей планеты Земля.
2. Преобразование средств связи и обмена: по сути, развитие всепланетных систем связи, создание единой для человечества информационной системы.
3. Открытие новых источников энергии: сегодня мы можем говорить об использовании огромнейших ресурсов ядерной и термоядерной энергии.
4. Подъем благосостояния трудящихся, равенство всех людей, победа демократий и доступ к управлению широким народным масс
5. Исключение войн из жизни общества.

В своих трудах В. Вернадский предполагал, что в процессе развития общества

*Ноосфера (греч. νόος – «разум» и σφαῖρα – «шар») – сфера разума; сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития.

люди все более широко будут вовлекаться в научную деятельность. В результате человечество превратится в новую мощную геологическую силу, преобразующую планету. В. Вернадский предполагал, что в целях своего сохранения неизбежно человечество должно будет взять на себя ответственность за развитие биосферы, превращающейся в ноосферу, а это потребует от него не только новых знаний, но и определенной социальной организации и новой, экологической и одновременно гуманистической этики.

Свою известную работу «Несколько слов о ноосфере» [3] В. Вернадский опубликовал в 1944 г. С тех пор в жизни людей произошли огромные изменения. Так и не осознав себя частью природы, ноосферы, человек в различных сферах своей жизнедеятельности все более полно входит и осознает себя частью всемирных коммуникационных сетей. Поколение сегодняшних 20-летних настолько глубоко вошло в эту сеть, что заметная и все более растущая часть этого поколения находит существование в информационной сети самодостаточным. Сеть предлагает виртуальный мир, который можно выстроить по собственному желанию психологически более комфортным, чем это предлагает реальная жизнь.

Информация и знания становятся ключевым ресурсом, определяющим потенциал развития человека, отдельной семьи, отдельного предприятия, региона и страны, человечества в целом. Это порождает совершенно новые эффекты в социально-экономической жизни социума:

- происходит интеграция (глобализация) финансовых и экономических рынков, благодаря которой появляется возможность создания мощнейших трансконтинентальных, в том числе и виртуальных, коммерческих структур, практически не имеющих материальных активов;
- средства производства в форме технологий проектирования различных систем, создания, переработки и транспортировки информации все более становятся неотъемлемым ресурсом работника. Ключевые средства производства находятся в его собственной голове и памяти личного домашнего компьютера, подключенного к всемирной паутине;
- производственные отношения, построенные на принуждении и эксплуатации, постепенно, но неизбежно заменяются партнерскими отношениями владельцев принципиально различных и дополняющих друг друга производительных сил;

- реальным фактом становится массовая миграция людей как в физическом смысле этого слова, так и в смысле миграции интеллекта в сетях мировых коммуникаций.

В итоге все это приводит к «дематериализации» экономической деятельности. Приоритетным становится производство смыслов, идей и инновационных разработок на их основе. Объемы финансовых сделок уже сегодня превышают объемы торговли материальными товарами в 7 раз. Эти тенденции сохранятся и далее.

Таким образом, не только теоретически, но и реально на практике появились принципиально новые технологические и социальные условия в развитии производительных сил и производственных отношений. А это, по меньшей мере, требует задуматься об адекватности доминирующей ныне парадигмы конкурентно-рыночной экономики. Новый тип человека *homo sapiens.net* не может иметь условий для эффективной деятельности и собственного развития в условиях существующей экономической парадигмы. И он рано или поздно ломает ее.

Во что все это выльется?

Формирующиеся радикально новые условия жизни людей подвели человечество к новой точке бифуркации. Возможны несколько путей дальнейшего развития человеческого сообщества как относительно позитивных, так и негативных.

Негативный вариант предполагает дальнейшее ускоренное технологическое развитие человечества, что в условиях неадекватно низкого уровня нравственности еще более усилит и ожесточит борьбу за новые блага потребления и необходимые для этого все более истощающиеся природные ресурсы.

Позитивным вариантом, который с позиций традиционного менталитета многие также отнесут к негативным, заключается в том, что в отдаленной перспективе на планете Земля перемешаются, сольются, а в итоге исчезнут традиционные этносы и государства.

Позитивный вариант развития человечества можно рассматривать, но и он отнюдь не сводится к отказу от радикальных перемен. Они неизбежны: радикальные изменения условий жизни человечества неизбежно требуют радикальных изменений в структурах организации этой жизни.

Ресурсы планеты Земля и устойчивое развитие человечества

Устойчивое развитие сложной социально-экономической системы – это процесс изменений, в котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения укрепляют нынешний и развивают будущий потенциал для удовлетворения потребностей человека. Этот принцип предполагает интеграцию ресурсов планеты Земля с целью максимально эффективного их использования во благо всего человечества.

В настоящее время со стороны правительств государств практически невозможно осуществлять контроль за перемещением по территории страны и за её границы информационных и интеллектуальных ресурсов. В этой ситуации задача сохранения статус-кво государственных структур упирается в необходимость решения двух проблем: организация эффективного контроля за перемещением через границы государств людей, а также организации контроля со стороны правительств за использованием находящихся на территории страны природных ресурсов.

С одной стороны, сохранение этого режима противоречит принципу интеграции ресурсов планеты Земля и максимально эффективного их использования во благо всего человечества. С другой стороны, ликвидация пограничного контроля со стороны правительств и устранение государственного контроля за использованием находящихся на территории государства природных ресурсов равносильно устранению самого понятия «государство», как такового.

Каким образом эти задачи в ближайшем будущем могут быть решены? В пользу государств, как общественных структур, или в пользу сообщества «человечество»? Конечно, решение этих задач военными или им подобными способами хотелось бы исключить. Но если рассматривать исключительно варианты мирной, эволюционной трансформации, то и здесь можно увидеть немало проблем. Кроме того, эти процессы, особенно в начальной стадии развития, приведут к хаосу в процессах миграции, а также в организации добычи и распределения природных ресурсов.

Исключить возникновение социального хаоса, негативные результаты проявления которого по своим последствиям равносильны негативному варианту развития

человечества, возможно только в случае тщательной проработки и решения целого континуума сложнейших организационных вопросов.

А есть ли другие варианты?

Известная концепция «золотого миллиарда» ориентирует на кардинальное решение вопроса о сокращения численности населения Земли в 6 раз за примерно 40 лет. Почему? Понятие «золотой миллиард» появилось в результате объединения 2-х крупных идей современной западной культуры. Одна идея – представление о «золотом веке» существования человечества. Другая идея – пессимистическое признание ограниченности ресурсов Земли и невозможности распространения этого благоденствия на все нынешнее население планеты [7]. В этом случае действует простая логика: ограничение численности населения – ограничение потребностей в ресурсах – ограничение конкуренции за ресурсы – устойчивая и бесконфликтная жизнь ограниченного количества людей.

Однако, как показывает история, есть и другие сценарии решения этой задачи. Например, дефицит ресурсов компенсировался эффективностью их использования и ростом производительности труда. Не имея достаточных собственных природных ресурсов, Япония с населением около 130 млн человек на площади 372 тыс. кв. км при известных природно-климатических проблемах, после поражения во Второй мировой войне, благодаря освоению новейших научных достижений, трудолюбию и организованности народа, в течение 20-ти лет развития по инновационному пути стала второй по величине ВВП страной мира, лидером технологического прогресса, обеспечив высокий жизненный уровень населения.

Решение проблемы ограниченности ресурсов следует искать в более полном и эффективном использовании интеллектуального потенциала человека, в повышении производительности труда, в развитии духовной сферы, ресурсосбережении, охране и улучшении окружающей среды.

Нельзя сказать, что в этом направлении сегодня ничего не делается. Ставятся вопросы о сокращении нерационального использования ресурсов окружающей среды. Однако это трудно осуществить в условиях растущей конкуренции, целевых ориентиров бизнеса, направленных на рост прибыли.

Таким образом, в обозримой перспективе реальным вариантом развития челове-

ства является ослабление регулирующих позиций государств, дальнейшая глобализация экономики и перемещение центра принятия стратегических решений в крупные транснациональные корпоративные структуры.

В этом меняющемся мире ключевым фактором успеха как для страны, так и для отдельного человека будут его знания, умения работать с информацией, понимание смыслов и закономерностей развития окружающих его процессов и явлений.

Мы в ответе за тех, кого учим

Философия, миссия и стратегические цели образовательных учреждений должны быть ориентированы на подготовку выпускников, способных адаптироваться и вести активную деятельность в меняющемся обществе. Сразу же следует констатировать, что технологический прогресс все более сокращает потребность в рабочей силе низкой квалификации. Эта потребность не исчезнет, но будет существенно минимизирована. Конкуренция за «умные» рабочие места будет постоянно расти. Найдут ли достойную работу выпускники наших вузов? Смогут ли они понять неизбежность и сущность тех задач, которые перед ними поставит жизнь? Можем ли мы учить новое поколение постарому и быть уверенными в его успешном будущем? Чему и как следует учить? Как организовать учебный процесс? Высшая школа России пытается найти ответы на эти вопросы, но зачастую, как и прежде, «генералы готовятся к уже прошедшей войне».

Авторы не ставят своей целью изложение развернутой программы развития системы высшего образования в стране, но считают необходимым сформулировать принципы, которые могут быть заложены в её основу с учетом ожидаемых изменений в технологиях, экономике, социуме и геополитике.

1. Государственные вузы готовят специалистов по установленным федеральным стандартам, выдавая государственный диплом. Негосударственным вузам целесообразно дать право вести образовательный процесс по собственным программам, но при этом разрешить им выдавать исключительно свои дипломы. Это создаст здоровую конкуренцию двух сегментов российских вузов.

2. Систему профессионального образования надо выстраивать так, чтобы она открывала возможность непрерывного обучения на протяжении всей жизни человека с активным использованием технологий E-learning в открытом образовательном

пространстве не только в России, но и в международном масштабе.

3. Важнейшей целью обучения является формирование у выпускников профессиональных компетенций, которые в совокупности с лидерскими качествами и умением креативно мыслить сделает их конкурентоспособными в выбранной сфере профессиональной деятельности. При этом одной из задач вузов является помощь своим выпускникам в трудоустройстве, прежде всего на российском рынке труда.

4. Базовая парадигма деятельности современного вуза – научить человека учиться. Востребованным является выпускник, свободно ориентирующийся в мире информации, способный использовать ресурсы современных информационных технологий с целью быстрого поиска и конструирования необходимой информации, регулярной актуализации своих профессиональных знаний. Для решения этой задачи вузы переводят в сетевой режим большую часть своих образовательных программ.

5. Системное мышление, проектный подход и умение работать в команде становятся доминирующими в концепции практико-ориентированного обучения. Образовательные программы региональных вузов необходимо ориентировать на специфику социально-экономического развития регионов.

6. Развитие современной системы высшего образования России будет идти по двум основным направлениям. Первое – укрупнение вузов для подготовки специалистов массовых профессий. Второе – формирование системы малых и средних вузов, миссия которых заключается в подготовке по индивидуальным образовательным траекториям уникальных специалистов, ориентированных на создание новых знаний в только еще зарождающихся секторах развития технологий, экономики, социума.

7. Преподавателям, ведущим специальные дисциплины, необходимо регулярно участвовать (проходить стажировку) в реальной практической работе по своей специальности. Только успешный преподаватель, являющийся самодостаточным в сфере своей профессиональной деятельности, может передать студенту необходимые компетенции и сформировать у него психологию успешного профессионала.

8. Целесообразно создать систему профессиональных стандартов и обеспечить соответствие им образовательных стандартов. Дополнительным приложением к диплому должен стать паспорт освоенных выпускником компетенций.

9. Образовательный процесс необходимо сочетать с воспитательным процессом, формирующим у выпускников вузов активную гражданскую позицию и патриотизм.

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998.

2. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста / АН СССР; Ред. колл. А.Л. Яншин, С.Р. Микулинский, И.И. Мочалов; сост. М.С. Бастракова и др. М.: Наука, 1988.

3. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере. Впервые опубликовано в журнале "Успехи современной биологии", 1944 год, № 18, вып. 2. Электронная версия подготовлена по изданию в книге: В.И. Вернадский. Научная мысль как планетное явление. Отв. ред. А.Л. Яншин, Москва, "Наука", 1991.

4. Владимиров А. Доклад на Общественном форуме «Народное собрание России, как народная инициатива», 2010 г. URL: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Doclad_041110.htm (дата обращения: 20.11.2013 г.).

5. Иванов, О. Бифуркация 2008–2012 и кризис-менеджмент [Текст] / О. Иванов // Челябинский гуманитарий: сб. науч. тр. / Акад. гуманитар. наук. Челябинск, 2009. № 3.

6. Иванов, О. Мировой кризис (или бифуркация 2008–2012 гг.) [Текст] / О. Иванов // Экономические и юридические аспекты развития регионов: сб. науч. тр. / Челяб. ин-т экономики и права им. М.В. Ладосина. Челябинск, 2009.

7. Кара-Мурза С. Концепция «золотого миллиарда» и новый мировой порядок. URL: http://burkina-faso.narod.ru/kara/oro_1.htm (дата обращения: 20.11.2013 г.).

1. Bzhezinskij Z. Velikaja shahmatnaja doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy). M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1998 (Russian).

2. Vernadskij V.I. Filosofskie mysli naturalista / AN SSSR; Red. koll. A.L. Janshin, S.R. Mikulinskij, I.I. Mochalov; sost. M.S. Bastrakova i dr. M.: Nauka, 1988 (Russian).

3. Vernadskij V.I. Neskol'ko slov o noosfere. Vpervye opublikovano v zhurnale "Uspehi sovremennoj biologii", 1944 god, № 18, vyp. 2. Jelektronnaja versija podgotovlena po izdaniju v knige: V.I. Vernadskij, Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie, Otv. red. A.L. Janshin, Moskva, "Nauka", 1991 (Russian).

4. Vladimirov A. Doklad na Obshhestvennom forume «Narodnoe sobranie Rossii, kak narodnaja iniciativa», 2010 g. URL: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Doclad_041110.htm (data obrashhenija: 20.11.2013 g.) (Russian).

5. Ivanov, O. Bifurkacija 2008–2012 i krizis-menedzhment [Tekst] / O. Ivanov // Cheljabinskij gumanitarij: sb. nauch. tr. / Akad. gumanitar. nauk. Cheljabinsk, 2009. № 3 (Russian).

6. Ivanov, O. Mirovoj krizis (ili bifurkacija 2008-2012 gg.) [Tekst] / O. Ivanov // Jekonomicheskie i juridicheskie aspekty razvitija regionov: sb. nauch. tr. / Cheljab. in-t jekonomiki i prava im. M.V. Ladoshina. Cheljabinsk, 2009 (Russian).

7. Kara-Murza S. Koncepcija «zlotogo milliarda» i Novyj mirovoj porjadok. URL: http://burkina-faso.narod.ru/kara/oro_1.htm (data obrashhenija: 20.11.2013 g.) (Russian).

UDC 304.44

NEW REQUIREMENTS TO THE SYSTEM OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

Ivanov Oleg Petrovich,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Director of Development, Candidate of Technical Sciences, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: oliva77@yandex.ru

Zyrianov Sergey Grigoryevich,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Director, Doctor of Political Sciences, Professor, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: director@rane74.ru

Annotation

The authors show the influence of new technologies on social life in the spheres of economics, society, and politics. On the basis of the analysis of new reality and the tendencies of their development the authors formulate the principles of building the system of higher education.

Key concepts:

Educational mission, the sixth technological mode, geopolitics, struggle for resources, new type of a human being, stable development, point of bifurcation, principles of modern high school.

УДК 316.74; 316.772.2

ФАЛЬСЕОИНТЕРАКЦИЯ КАК ОСОБАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Каширина Мария Валерьевна,

Хакасский государственный
университет им. Н.Ф. Катанова,
ассистент кафедры социологии,

Россия, г. Абакан.

E-mail: ProstoVerner@mail.ru

Аннотация

Любое социальное взаимодействие – информационный контакт, который может содержать как истину, так и ложь. В статье предлагается терминологический и методологический анализ освоения проблемы эмпирического исследования таких фальсеоинтеракций – социальных взаимодействий, когда ложь является взаимно ожидаемой и взаимно устраивающей.

Ключевые понятия:

социальное взаимодействие,
ложь,
фальсеоинтеракция.

«Социальное взаимодействие» является фундаментальным, обобщенным понятием, центральным для целого ряда социологических теорий. Наиболее общепризнанной и устраивающей нас является версия, согласно которой *социальное взаимодействие – это «процесс непосредственного или опосредованного взаимодействия социальных субъектов (акторов) друг на друга. Это процесс обмена действиями между двумя и более акторами»* [4, с. 125]. Сущность социального взаимодействия заключается в том, что лишь во взаимодействии с другими людьми человек может удовлетворить подавляющее большинство своих потребностей, интересов, ценностей. Да и само по себе взаимодействие является основной жизненной потребностью человека.

Все социальные явления (социальные отношения, процессы, изменения, социальная структура, статусы, роли и пр.) возникают в результате социального взаимодействия. Оно складывается из отдельных, направленных друг на друга социальных действий. Поэтому социальное взаимодействие предполагает взаимные действия как минимум двух акторов. При этом действие может быть инициировано самим актором (индивидом, группой) и рассматриваться как «вызов», а может быть ответной реакцией на действия других – «ответ на вызов».

Интеракция как регулярный, устойчивый взаимообмен акторов социальными действиями является главным, приоритетным предметом социологического анализа. Но в исследованиях социальных взаимодействий, проводившихся в последнее время, заметный акцент ставится на формальной стороне дела – кто, кому, как передает информацию и как избежать искажения этой информации в процессе коммуникации. Поэтому, как правило, в структуре социального взаимодействия выделяют: акторов, как «адресатов» и «адресантов» информации и действий; проводников, выступающих в качестве инструментов социального обмена, и сами акты (действия). Но смыслодержательное наполнение взаимодействий часто остается за пределами исследовательского внимания.

Отчасти это объяснимо: содержание взаимодействия почти всегда может быть выражено каким-либо текстом, анализ которого не вполне отвечает компетенциям классической социологии. Денотации и, особенно, коннотации – епархия социо-

лингвистики и, далее, всего комплекса языкознания. Лишь в последние десятилетия социология впрямую занялась исследованием речевых актов.

Ещё более проблематичным для перспектив социологического исследования выглядит логическая природа текстовых репрезентаций социальных взаимодействий. Логика видит в таких репрезентациях такие феномены, как истина и ложь.

Феномен лжи рассматривается во многих науках – психологии, педагогике, философии, логике и др. И рассматривается ложь в этих науках то как психологическое намерение, то как козни Дьявола, то как безличное значение. Но ложь, помимо прочего, это ещё и социокультурный феномен. Лжет всегда кто-то (Лжец) и кому-то (Адресат лжи). Вне социальной жизни ложь существовать не может.

Истина, если понимать её как соответствие действительности, понимается логикой «как бы» сама по себе. В логике любая высказанная мысль по умолчанию, и пока не доказано обратное, понимается как истина или претензия на неё. В реальной действительности высказывание истины, как правило, есть поступок или даже подвиг. Но понятий поступка и подвига в учебниках по логике нет. В качестве поступка истинное суждение – полномочный элемент предметной области социологии.

Аналогичная ситуация и с феноменом лжи. Ложь всегда порождена человеком в силу каких-то социальных причин. Конечно, встречаются случаи, когда ложь обусловлена причинами, находящимися вне социальной реальности, то, что называют патологической лживостью, а на людей наклеивается ярлык патологических лгунов, или Мюнхгаузенов. Но это предмет психологии или даже психиатрии. В поле нашего интереса лежит ложь как социальная норма, её социальная детерминация.

Привнесение в проблематику лжи положений теории речевых актов разнообразит и расширяет наше проблемное поле. Напомним, высказывания, в том числе обоюдные, здесь понимаются как прагматические акты, успешные или без-

успешные по своей природе, а вовсе не истинные и ложные. Под ложью теперь можно понимать не только речевые акты, но и социальные действия, и социальные взаимодействия. В этой транскрипции ложь (как текст) является частным случаем лжи как действия. Чаще всего здесь применяется термин «имитация» – в случае, когда каждая из сторон готова поступиться содержанием, смыслом взаимодействия, ради сохранения формы.

Например, сдача преподавателю купленной или скаченной из Интернета курсовой работы студентом, с репутацией «двоечника», за полд своего умственного труда. Она может сопровождаться текстом: «Это честно написанная мною работа», а может и не сопровождаться; для совершения действия это несущественно. В свою очередь преподаватель может сопроводить прием курсовой работы текстом: «Я уверен, что это твой аутентичный текст», а может и не сопроводить. Здесь также важен результат. И студент, и преподаватель сымитировали профессионально-этически безупречную ситуацию, хотя оба отлично понимали имитативность произошедшего.

Приведённый пример – отнюдь не выдумка. В 2012 г. автором было проведено пилотажное исследование в Хакасском государственном университете*. Результаты опроса показывают, что более чем для 70% студентов основным, и зачастую единственным, источником для написания рефератов и курсовых работ служит Интернет, причем не электронные библиотеки, а так называемые сайты-банки рефератов. Среди опрошенных студентов 70,3% знают о том, что студенты их вуза пользуются услугами специальных организаций по написанию студенческих работ, а 21,3% признались, что сами не раз обращались за помощью в такие организации. Основная масса опрошенных студентов (86%), которые пользуются услугами организаций или скачивают работу из Интернета, утверждают, что в большинстве случаев работа была затчена. Эти цифры в свою очередь подтверждают данные, полученные в ходе интервьюирования преподавателей. Все принявшие участие в опросе

* Исследование проводилось в 2012 г. на базе Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова. Тема исследования: «Самостоятельная работа студентов как фальсеологическая процедура». Методы исследования: анкетирование (22 преподавателя и 126 студентов), анализ бюджета времени (22 студента). Была построена двухступенчатая выборка: лотерейным методом были отобраны 5 институтов ВПО (1/3 от всех институтов) и опрошено 11–13% студентов и преподавателей с каждого института. Выборка составила 169 респондентов.

преподаватели были в такой ситуации, когда студент пытался сдать скаченную из Интернета работу. И в большинстве случаев (73%) преподаватели, ссылаясь на ограничения руководства, невозможность добиться от студента более качественной, выполненной им самим работы, и, наконец, экономию собственных сил и времени, принимали у студента эту работу, не требуя доработки. Сразу следует оговориться, что приведённые и приводимые ниже результаты исследований, проводившихся на базе одного университета, конечно, не дают нам основания делать выводы о всеобщности и глобальности такого положения дел. Однако мы фиксируем исследовательское внимание на том, что такого рода имитационные взаимодействия имеют место быть и достойны научного изучения.

Так, основу такого «ложного» взаимодействия составляет взаимная, подкреплённая обоюдной выгодой имитация должного поведения (в приведённом выше примере – имитация сдачи качественной, написанной самим студентом работы с одной стороны, и проверка и «отсев» некачественных курсовых работ – с другой стороны).

Ложь заключается в намеренном искажении действительности ради достижения желаемой цели или стремления избежать нежелательных последствий. Как форма социального взаимодействия ложь – многолика. Существует множество понятий, на первый взгляд синонимичных понятию «ложь», например, такие, как дезинформация, маскировка или заблуждение. Анализ соотношения этих понятий между собой уже не раз приводился в научной литературе и не является целью данной статьи.

Особым семейством ситуаций выступают случаи, когда ложь выгодна обеим сторонам коммуникации. Здесь, как в приведённом выше примере, она идет на «встречных курсах» при минимальном сопротивлении среды. Студент не испытывает мук совести, преподаватель не афиширует уличение студента в плагиате. Пределы приличий – первый показатель взаимовыгодности ситуации.

Но «ложь» – это ещё и стигмат. Оба знают, что ложь – это грех и лгать нехорошо. Соответственно, если мы говорим о том, что оба актора осознают ложность взаимодействия, то мы можем хотя бы предполагать о моральных переживаниях каждого из них. Осознание лжи в таких со-

циальных взаимодействиях, как правило, присуще как тому, кто лжет, так и тому, кто эту ложь принимает. И на первый взгляд, большая ответственность лежит всё же на том, кто лжет. Например, написание «липового» отчета – грех подструктуры организации. Но, с другой стороны, сама администрация зачастую не готова принимать отчеты с реальными цифрами и показателями. Тем самым получается, что создание ложного отчета – негласное требование администрации, что автоматически снимает моральную ответственность с работника. «Хочешь жить – умей вертеться!» – главное тому оправдание. Так, степень моральных переживаний, на наш взгляд, прямо пропорциональна мере ответственности за эту ложь, в случае, если она будет раскрыта. Кроме того, осознание аморальности такого взаимодействия не может быть постоянным, поскольку человек не может долго испытывать чувство вины.

Объяснением этому может служить механизм аксиологической эрозии. При его инициации люди либо смиряются с тем, что им приходится «лгать», и происходит искажение положительных ценностей, либо добровольно соглашаются на ложное взаимодействие, и в этом случае происходит полное вытеснение прежних ценностей «антиценностями».

Так ложь как содержание социального взаимодействия перестает осваиваться как проблема. Постепенно акторами такое взаимодействие будет осознаваться как взаимовыгодный обмен, что, безусловно, ведет к депроблематизации лжи как наполнения взаимодействия. Описанную форму социального взаимодействия мы и предлагаем определять понятием «фальсеоинтеракция».

В этом виде социального взаимодействия важно не только стремление «лжеца» исказить действительность ради достижения целей или во избежание негативных последствий, но взаимность этого стремления со стороны «адресата» лжи, который по сути дела добровольно принимает это искажение за саму действительность. Актёры, стремясь достичь каждый своей цели, лгут друг другу и позволяют лгать себе, демонстрируя свое поведение при этом как истинное.

Важнейшим компонентом социального взаимодействия является предсказуемость взаимных ожиданий или, иначе говоря, *взаимопонимание между актёрами*. Если актёры «говорят на разных языках»

и преследуют взаимоисключающие цели и интересы, то результаты такого взаимодействия вряд ли будут положительными.

В случае с фальсеоинтеракцией в качестве взаимных ожиданий выступает как раз ложь. Иными словами, «лжец» знает, что тот, кому он лжет, знает, что он лжет, и ожидает, что «адресат» лжи не станет говорить о том, что он знает об этой лжи. Взаимно, «адресат» лжи знает, что «лжец» знает, что он («адресат») знает, что ему лгут, и добровольно принимает эти «правила» фальсеоинтеракции.

Сущность фальсеоинтеракции, выраженная в терминах социолингвистики, состоит в противоречии денотативного (заявляемого) и коннотативного (подразумеваемого) слоев социального взаимодействия. Всякий раз, когда актер фактически делает одно, выдавая своё действие за другое, получается «фальсеоакция». Всякий раз, когда акторов как минимум двое, и их действия аналогичны и обращены друг на друга, получается фальсеоинтеракция. В этом качестве она является атомом социального.

Часто предикат «социальное, социальный» играет роль стандартного депроблематизатора. Придание социального характера депроблематизируемым феноменам – это не методологическая прихоть или иллюзия социолога; это – начало реального социогенетического процесса. Толерантность к подобным «нарушениям» неизбежно ведет не только к депроблематизации, но и к институционализации лжи. Общество «привыкает» к таким ложным, имитационным практикам, за которыми стоят крупные группы людей с уже сложившимися образами и формами поведения. Складывающийся на протяжении долгого времени неформальный образ действия прочно закрепляется и укореняется в сознании людей. Общество всё меньше и меньше фиксирует своё внимание на таких имитационных практиках, как на деструктивных, патологических. К примеру, масса студентов-шпаргалочников воспринимается уже скорее как норма, чем патология [3, с. 133], а списывание со шпаргалки – устойчивая социальная практика (по результатам опроса* 51% студентов оценивают подобные ситуации

как естественное положение вещей, позволяющее студентам сэкономить время и усилия; 72% опрошенных преподавателей и 36,4% студентов осознают, что подобное оценивание пагубно отражается на качестве образования специалистов, но при этом утверждают, что это всё же этого не избежать).

Ещё один фактор институционализации лжи – мощное «прикрытие» этой лжи со стороны начальства и/или даже обоснование её полезности. Начальство, как правило, вырабатывает некие формальные критерии для выявления качества процесса и результата работы. При этом зачастую формальные критерии не отражают в полной мере или вовсе не отражают реальное положение вещей. И одновременно с этим стремление к соответствию этим критериям, напротив, пагубно отражается на функционировании системы. Например, «сохранность контингента» – это формальный критерий качества работы вуза. Т.е. чем меньше студентов было отчислено, тем лучше работают преподаватели. Задача каждого преподавателя вуза – так объяснить, научить и заинтересовать студентов, чтобы каждый из них мог успешно сдать сессии, желательнее только на «хорошо» и «отлично». При этом упускается из виду то, что стремление вуза соответствовать этому формальному критерию порождает неформальную практику выставлять студентам незаслуженные, завышенные оценки [2, с. 175].

Регулярный обмен порождает в людях систему взаимных ожиданий; если ожидания лжи в интеракции взаимны и облегчают каждому из взаимодействующих достижение своих целей, то такая фальсеоинтеракция приобретает устойчивую форму.

Так, под «фальсеоинтеракцией», «фальсеологическим взаимодействием» мы будем понимать такое социальное взаимодействие, в основании которого лежит осознанность фальши (обмана, лжи) обеими сторонами взаимодействия, и одновременное принятие ими этих «правил игры». Особенность фальсеоинтеракции заключается в том, что это не просто имитационное взаимодействие, где один актер – лжец, а другой – реципиент лжи. Суть фальсеоин-

* Исследование проводилось на базе ХГУ им. Н. Ф. Катанова в апреле 2011г. Предметом исследования было отношение преподавателей и студентов высшего образования ХГУ им. Н. Ф. Катанова к экзамену как ложному взаимодействию. Была построена двухступенчатая выборка: лотерейным методом были отобраны 5 институтов ВПО (1/3 от всех институтов) и опрошено 13% студентов и преподавателей с каждого института. Объем выборки составил 143 студента и 22 преподавателя. Всего N=165.

теракции в негласном, взаимном согласии на ложное внутреннее наполнение взаимодействия и взаимной готовности соблюдать все формальные, внешние «правила» взаимодействия. Это своего рода фальсеоконвенция. И дело даже не только и не столько в расхождении должного и реального, сколько в сокрытии реального «под маской» должного обеими сторонами взаимодействия.

Теоретической основой изучения фальсеоинтеракций является теория Дж. Хоманса. Этот американский социолог считает, что в процессе взаимодействия каждая из сторон стремится получить максимально возможные вознаграждения за свои действия и минимизировать затраты. К числу важнейших вознаграждений Хоманс относит социальное одобрение. Взаимно вознаграждаемое взаимодействие имеет тенденцию к регулярности и перерастает во взаимоотношения на основе взаимных ожиданий. Если ожидания не подтверждаются, то мотивация к взаимодействию и обмену будет снижаться.

Между вознаграждением и затратами нет прямой пропорциональной зависимости, так как кроме экономической и иной выгоды действия людей детерминированы (обусловлены) множеством других факторов – культурой, моралью, религией и т.д. Например, желанием получить максимально возможное вознаграждение без должных затрат или напротив – желанием сделать добро, не рассчитывая на вознаграждение.

Каждый человек, по Хомансу, стремится к максимизации вознаграждения своих действий и минимизации затрат [5]. А одним из средств минимизации затрат является как раз ложь. Она, как правило, значительно облегчает путь к достижению цели – как эмоционально, так и организационно.

Здесь следует вернуться к высказанной выше идее о том, что истина энергетически более затратна, чем ложь. Для иллюстрации достаточно честно спросить супруга или супругу: «Скажи честно, изменял ли ты мне?». Правдивый ответ, в случае, если он утвердительный, гораздо труднее дается психологически и в дальнейшем грозит гораздо более серьезными последствиями, чем ложный. И в большинстве случаев фоновым ожиданием является именно последний вариант, что подтверждается данными исследований в русле социальной психологии [1, с. 25].

Регулярный обмен порождает в людях систему взаимных ожиданий; если

ожидания лжи в коммуникации взаимны и облегчают каждому из взаимодействующих достижение своих целей, то такая фальсеоинтеракция приобретает устойчивую форму.

Апелляция к теории речевых актов при изучении фальсеоинтеракций делает еще одной теоретико-методологической точкой опоры прагматизм (особенно в версии Дж. Дьюи), согласно которому критерий истины – эффективность. То есть, если взаимодействие приносит пользу, – оно истинно и правильно. Но понятие пользы здесь требует уточнения. Если мы говорим о достижении тактических целей, тогда фальсеоинтеракции можно назвать полезными. Списывающий студент на экзамене получает оценку, закрывающий на это глаза преподаватель «сохраняет контингент». Если же говорить о стратегических целях, то в этом случае становится видна мнимая полезность фальсеоинтеракции: оба актора не только получают вознаграждения, но и терпят издержки. Студент не получает знания, а преподаватель рискует репутацией. Не говоря уже о макросоциальном ущербе.

Таким образом, фальсеологическая интеракция – это особая форма социального взаимодействия, содержанием которого является ложь, а социально-демонстративным оформлением – «как бы истина». Как категорию социологической науки фальсеоинтеракцию следует рассматривать наравне с другими формами социальных взаимодействий и отношений – власти, зависимости и т.д.

Изобилие нюансов и подходов показывает, что изучение и исследование данной формы социального взаимодействия требует от исследователя высокого методического и технического мастерства, тщательной разработки инструментария.

Эмпирическое исследование фальсеоинтеракций предполагает выявление трёх ключевых моментов: 1) признание актором собственной лжи; 2) знание о лжи «со-взаимодействующего»; 3) принятие лжи за истину обеими сторонами взаимодействия. Зафиксировав наличие этих индикаторов во взаимодействии, мы можем говорить о синдроме фальсеологической интеракции. Более того, теоретико-методологические «точки опоры» позволяют надеяться на получение формализованного и валидного результата. Но выявление и фиксация синдрома фальсеоинтеракции – это не самоцель исследователя. Более важным для социолога является получение прак-

тического результата выявления фальсео-коммуникативного насыщения конкретной социокультурной среды, и ответ на вопрос: следует ли что-либо предпринимать, если да, то что именно? На данный момент, располагая весьма ограниченным массивом эмпирических данных, мы не можем делать фундаментальных выводов. Но, тем не менее, имеющиеся данные позволяют нам выдвинуть гипотезу о том, что фальсеоинтеракция имеет свой количественный порог, преодоление которого будет сигналом социальной депрессии. Но выявление таких пороговых значений – дело дальнейших исследований.

1. Воронина, Т.Д. Развод как социальный феномен в современной России: причины и последствия. Опыт регионального исследования / Т.Д. Воронина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология: Научный журнал. 2011. № 1 (13). С. 21–31.

2. Ибрагимов, Р.Н. Грех лжи: факт и объект / Р.Н. Ибрагимов, М.В. Вернер // Идеи и идеалы. 2011. № 4 (10). – Т.1. С. 170–176.

3. Ивонин, Ю.П. Трактат о шпаргалке / Ю.П. Ивонин // Идеи и идеалы: научный журнал. 2010. №1 (3) т. 1. С. 132–143.

4. Козырев, Г.И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль / Г.И. Козырев // Социс. 2005. № 8. С.124–129.

5. Хоманс, Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология / Дж. Хоманс [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18352507/> (дата обращения: 30.04.2013).

1. Voronina, T.D. Razvod kak social'nyj fenomen v sovremennoj Rossii: prichiny i posledstvija. Opyt regional'nogo issledovanija / T.D. Voronina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija: Nauchnyj zhurnal. 2011. №1 (13). S. 21–31 (Russian).

2. Ibragimov, R.N. Greh lzhi: fakt i ob#ekt / R.N. Ibragimov, M.V. Verner // Idei i idealy. 2011. № 4 (10). – T.1. S. 170–176 (Russian).

3. Ivonin, Ju.P. Traktat o shpargalke / Ju.P. Ivonin // Idei i idealy: nauchnyj zhurnal. 2010. № 1 (3) t. 1. S. 132–143 (Russian).

4. Kozyrev, G.I. Social'noe dejstvie, vzaimodejstvie, povedenie i social'nyj kontrol' / G.I. Kozyrev // Socis. 2005. № 8. S.124–129 (Russian).

5. Homans, Dzh. Social'noe povedenie kak obmen // Sovremennaja zarubezhnaja social'naja psihologija / Dzh. Homans [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18352507/> (data obrashhenija: 30.04.2013) (Russian).

UDC 316.74; 316.772.2

FALSEOINTERAKTSIYA AS A SPECIAL FORM OF SOCIAL INTERACTION

Kashirina Maria Valeryevna,
Khakas State University named after N.F.Katanov,
Assistant of the Chair of Sociology,
Abakan, Russian.
E-mail: ProstoVerner@mail.ru

Annotation

Any social interaction is an information contact, which can contain both truth and falsehood. The paper proposes a terminological and methodological analysis of the development of an empirical study of such problems as falseointeraktsy – social interactions, when the lie is mutually expected and mutually arranged.

Key concepts:

Social interaction,
lies,
falseointeraktsiya.

УДК 316

РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ ФАКТОРОВ И УСТАНОВОК В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Киселёва Наталия Викторовна,
Ярославский государственный
университет имени П.Г. Демидова,
аспирант кафедры социологии,
г. Ярославль, Россия.
E-mail: nkiseleva_polit@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена оценке органов местного самоуправления и влиянию когнитивных факторов на социальную оценку деятельности органов местного самоуправления. Цель работы – определить степень влияния когнитивных факторов на социологическую оценку эффективности деятельности органов местного самоуправления. В работе проанализированы результаты социологической оценки органов местного самоуправления Ярославской области.

Ключевые понятия:
местное самоуправление,
эффективность,
социальная оценка,
когнитивные факторы,
удовлетворенность.

Современный этап развития государственности в России характеризуется повышенным вниманием к проблеме эффективности государственной власти и управления, и прежде всего эффективности власти непосредственно на местах. В 2008 году Указом Президента РФ была внедрена система критериев оценки органов местного самоуправления, куда помимо статистически измеряемых показателей были включены и показатели «удовлетворенности населения».

Для определения уровня «удовлетворенности населения» качеством и доступностью муниципальных услуг используется социологический опрос. Результаты социологического опроса довольно субъективны, и по ним нельзя однозначно определить удовлетворенность населения. Поскольку в ходе интервью респонденты, во-первых, интерпретируют вопросы, определяют, какую информацию у них хотят узнать. Во-вторых, если речь идет о вопросе отношения или оценке, они могут сделать суждение на основе своего ранее сформированного отношения к тому или иному вопросу/ситуации/проблеме либо могут сформировать суждение на основе имеющейся у них информации, как правило, достаточно обрывочной и не полной. В-третьих, после того как частное суждение сформировано, респонденты доводят его до исследователя и при проведении данной процедуры некоторым участникам социологического опроса требуется отформатировать свой ответ, чтобы он соответствовал вариантам ответа в представленной анкете. Таким образом, на результаты социологических опросов оказывают влияние установки населения и когнитивные факторы. В связи с тем, что в нормативной базе недостаточно разъяснен порядок определения значений социологических индикаторов [5, с. 32–39], а нормативно закрепленные социологические критерии сформулированы без учета влияния установок и когнитивных факторов [1, с. 74], ценность получаемых значений социологических показателей ставится под сомнение.

Впервые вопросы влияния когнитивных факторов на ответы респондентов при проведении социологических вопросов начали активно обсуждаться в 70-х – 80-х годах XX столетия. В США и Германии в 1983 и 1987 годах соответственно были проведены первые международные конференции, посвященные данной проблематике. В настоящее время в отечественной и зарубежной социологии активно обсуждаются вопросы влияния установок и когнитивных

факторов на ответы респондентов, когнитивных и коммуникативных особенностей ответа на вопрос, когнитивного анализа опросного инструмента и т.д. С. Садмен, Н. Брэдберн в своей работе «Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструмента», придерживаясь научных теорий и работ социальных психологов, в самом общем виде сформулировали четыре основных фактора. В силу этих факторов мы всегда можем подозревать «эффект ответа» (смещение ответов, которое включает различия в ответах на атипичные вопросы, вызванные формой вопроса, контекстом и методами опроса): память, мотивация, коммуникабельность, знание [3, с. 81–97]. Это значит, что: а) респонденты могут забыть как информацию, так и период, к которому она относится; б) они могут быть заинтересованы в сокращении правды из опасения последствий или из-за желания представить себя в более выгодном свете; в) респонденты могут не понимать, о чем их спрашивают, и давать ответ в рамках собственного представления; г) они могут просто не знать ответа на вопрос, но дать его, не говоря о своем незнании [3, с. 81–97].

Представленные факторы оказывают влияние на ответы респондентов при опросах на любую тематику, в том числе и опросах, связанных с исследованием социально-демографического состава населения, где используются достаточно простые и однозначные вопросы. Проанализируем, оказывают ли приведенные выше факторы влияние на ответы респондентов при проведении опроса, нацеленного на определение социальной оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, и если да, то в какой степени (на примере Ярославской области).

Как отмечалось ранее, внедрение системы оценки органов местного самоуправления является важным этапом в развитии российской государственности, но еще более «революционным» стало включение в эту систему социологических показателей – показателей «удовлетворенности». Внедрение субъективных показателей в систему оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления вызвало положительные отклики как со стороны научного сообщества, политиков, управленцев, так и со стороны общественности в целом. По мнению К.В. Харченко, социологическая оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления является «достаточно тонким

инструментом, позволяющим реалистично оценивать деятельность власти» [5, с. 32–39]. На важность социологических критериев указывает и Л. Давыдов – политолог, председатель Комиссии по региональному развитию и федеративным отношениям Общественной палаты РФ, и председатель правления Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ): «мнение населения должно быть одним из основополагающих факторов оценки работы власти» [7].

В соответствии с действующим законодательством все без исключения субъекты Российской Федерации обязаны регулярно (ежегодно) предоставлять «Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». В Ярославской области нормативной базой для проведения оценки эффективности органов местного самоуправления являются:

– Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов».

– Распоряжение правительства РФ от 11 сентября 2008 г. № 1313-р.

– Постановление Губернатора Ярославской области от 05.02.2009 №40 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Ярославской области».

Перечисленные выше нормативные документы содержат систему индикаторов социологической оценки качества и доступности предоставляемых муниципальных услуг. В соответствии с положением о порядке проведения социологических опросов населения, необходимых для осуществления оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Ярославской области (утверждено постановлением Губернатора области от 05.02.2009 № 40), опросы проводятся либо методом личного интервью (поквартирного), либо телефонного интервью с населением в возрасте от 18 лет и старше, постоянно проживающим на территории муниципальных образований региона, по определенной выборочной совокупности. Объем и структура выборочной совокупности респондентов должны отвечать требованиям репрезентативности для населения соответствующих муниципальных

образований. В каждом городском округе, муниципальном районе области в опрос включается не менее 400 респондентов – старше 18 лет. Общий объем выборки составляет 8000–8500 человек по области. Сведения, полученные в результате данных опросов, содержат информацию по следующим критериям субъективного восприятия населением эффективности деятельности органов местного самоуправления [4]:

- «удовлетворенности качеством медицинской помощи»;
- «удовлетворенности качеством дошкольного образования»;
- «удовлетворенности качеством общего образования»;
- «удовлетворенности качеством дополнительного образования»;
- «удовлетворенности качеством жилищно-коммунальных услуг»;
- «удовлетворенности качеством предоставляемых услуг в сфере культуры»;
- «удовлетворенности деятельностью органов местного самоуправления муниципального образования»;
- «удовлетворенности информационной открытостью органов местного самоуправления муниципального образования» [2].

В связи с тем, что предложенные нормативно закреплённые социальные критерии начинаются со слова «удовлетворенность», в опроснике (анкете) используется следующая формулировка вопросов: «Скажите, насколько Вы удовлетворены...», т.е. центральным понятием в данном исследовании является «удовлетворенность». В социологии есть исследования понятия «удовлетворенность» и измерения удовлетворенности населения. Согласно К.В. Харченко понятие «удовлетворенность» включает в себя как положительные, так и отрицательные оценки: «удовлетворенность» является общим наименованием для понятий с положительным и отрицательным оттенком, т.е. понятие «удовлетворенность» имеет скрытый в нем дуализм оценки и состояния [6, с. 12]. Можно сказать, что в обыденном сознании людей это понятие скорее отражает уровень толерантности по отношению к конкретному направлению ли предмету оценки. Это подтверждают ответы участников опроса и их замечания: «...у нас в стране все удовлетворительно и на удовлетворительно...», «хорошо быть не может, а плохо не должно быть», «хорошо, что еще оказывают эти услуги!», «у нас бывает по-другому?» и т.д. Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что сегодня уровень «удовлетво-

ренности населения качеством...» отражает скорее терпимость к той или иной сфере жизнедеятельности.

Помимо формы оценки, в нормативно закреплённых социологических критериях определены объекты социальной оценки. В качестве объектов выступают сферы жизнедеятельности людей: ЖКХ, дошкольное образование, общее образование и т.д. Как мы видим, объекты оценки обозначены в социологических критериях достаточно обобщенно. Таким же образом указанные сферы жизнедеятельности отражаются и в опросниках, без деления на отдельные направления: «Скажите, насколько Вы удовлетворены качеством общего образования?». Данный факт существенно влияет на социальную оценку эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, поскольку среди населения отмечается достаточно низкая степень информированности о содержании деятельности, разграничении полномочий между органами местного самоуправления, органами власти субъекта РФ и федеральным центром, а также и незнание значительной частью населения полного спектра предоставляемых населению услуг. Наиболее типичной здесь является ситуация, когда население (респонденты) приписывает органам местного самоуправления излишние полномочия и ответственность. Так, в период избирательной кампании по выборам мэра г. Ярославля в 2012 году один из кандидатов пообещал жителям города не повышать тарифы на проезд в общественном транспорте. Однако после избрания данного кандидата мэром тарифы на проезд в общественном транспорте значительно повысились (в Ярославской области тарифы на общественный транспорт определяются Департаментом энергетики и регулирования тарифов). Данное обстоятельство вызвало волну недовольства среди населения города: «Новый мэр не исполнил своего предвыборного обещания!». Удивительно, что такие реплики в адрес нового главы города звучали не только от простых граждан, но и от представителя средств массовой информации. Приведенный пример показывает, что ярославцы действительно были уверены в том, что кандидат, а впоследствии мэр, сможет оставить тарифы на проезд на прежнем уровне, что это входит в его компетенцию. Помимо этого, данный пример ярко демонстрирует низкую информированность населения о разграничении полномочий между

региональной и местной властью. Среди социальных заблуждений встречаются и такие, как: уверенность населения в том, что глава района или губернатор способны увеличить размер государственных выплат (стипендий, пособий, пенсий и др.) либо снизить стоимость услуг ЖКХ, темп роста цен и т.д.

На основе своих знаний о конкретных направлениях оказания муниципальных услуг и установок среди населения складывается определенная планка социальных требований. Так, безусловной неожиданностью стал устойчиво высокий уровень удовлетворенности жителей Ярославской области качеством услуг жилищно-коммунального хозяйства – по итогам 2010 года удовлетворенность качеством предоставляемых услуг ЖКХ составила 43,0%, в 2011 году уровень удовлетворенности достиг 45,0% жителей области. Отметим, что проблемы жилищно-коммунального хозяйства на протяжении длительного периода времени лидируют в рейтинге наиболее острых и наиболее жизненных проблем области и населения. Наглядно существование проблем в сфере ЖКХ демонстрируют и сообщения последних нескольких месяцев в средствах массовой информации – отсутствие горячей воды в ряде населенных пунктов Ярославской области (Переславль-Залесский, Тутаев, Ярославль). Еще одним весьма показательным примером, на наш взгляд, является следующий диалог между интервьюером и респондентом (опрос проводился среди жителей г. Ярославля).

Интервьюер: скажите, насколько Вы удовлетворены качеством работы учреждений здравоохранения? Возможны следующие варианты ответа: полностью удовлетворен, скорее удовлетворен, скорее не удовлетворен и полностью не удовлетворен.

Респондент: скорее удовлетворен.

Интервьюер: что Вас не устраивает в работе учреждений здравоохранения?

Респондент: длинные очереди в регистратуру, не попасть к специалисту, старые и обветшалые здания, старая медтехника, недостаток специалистов и еще много чего...

Перечисленных респондентом недостатков работы учреждений здравоохранения вполне хватает, чтобы поставить оценку «неудовлетворительно», но респондент ответил «скорее удовлетворен» их работой. Таким образом, в данном случае оценка «удовлетворительно» выставляется населением за сам факт предоставления услуги, а не за качество предоставленной услуги.

Продемонстрированные примеры убедительно свидетельствуют о наличии существенного влияния установок и когнитивных факторов на социологическую оценку эффективности деятельности органов местного самоуправления. Наблюдается значительное расхождение между нормативным наполнением оценочных социологических индикаторов и их социальной трактовкой, что снижает ценность получаемых результатов и радиус их возможного применения.

Существуют два пути снижения влияния когнитивных факторов на социологическую оценку:

- редактирование нормативно утвержденных отчетных социологических показателей;

- разработка с учетом степени и характера влияния установок и когнитивных факторов методики оценки органов местного самоуправления.

Первый путь снижения влияния установок и когнитивных факторов предполагает вмешательство федеральных органов власти, процедура изменения формулировки или разработки новых социологических показателей займет длительное время.

Второй путь предполагает изменение методики оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления на уровне региона. Прежде всего, новая методика должна быть основана на балльной форме оценки. При этом социологическая оценка должна производиться по конкретным направлениям различных сфер жизнедеятельности с расчетом на основе данных общего уровня удовлетворенности по конкретным направлениям муниципальных услуг. Анкеты, направленные на выявление социологической оценки эффективности органов местного самоуправления, должны содержать комплексные вопросы.

1. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001. С. 74.

2. Постановление Губернатора Ярославской области от 05.02.2009 № 40 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Ярославской области» // «Губернские вести». 2009. 10 июля. № 60.

3. Садмен С., Брэдберн Н. «Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструмента» // Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. С. 81–97.

4. Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного

самоуправления городских округов и муниципальных районов Ярославской области (с учетом поселений) по итогам 2011 года, июнь 2012 г. / Управление по вопросам местного самоуправления правительства области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yarregion.ru> (дата обращения: 08.11.2012 г.).

5. Харченко, К.В. Оценка удовлетворенности населения различными сторонами жизнедеятельности: от методики к стандарту [Текст] / К.В. Харченко // Муниципальная власть. 2008. № 6. С. 32–39.

6. Харченко К.В. Удовлетворенность: методология и опыт муниципальных исследований [Текст] / К.В. Харченко. М.: АЛЬПЕРИЯ, 2011. С. 12.

7. Эксперты: население не может дать объективной оценки работе губернаторов // POLITRUS.COM: Экспертно-аналитическая сеть. 2010. 30 окт. URL: <http://www.politrus.com> (дата обращения: 05.11.2012 г.).

1. Plotinskij Ju.M. Modeli social'nyh processov: Uchebnoe posobie dlja vysshih uchebnyh zavedenij. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: Logos, 2001. S. 74 (Russian).

2. Postanovlenie Gubernatora Jaroslavskoj oblasti ot 05.02.2009 № 40 «Ob ocenke jeffektivnosti dejatel'nosti organov mestnogo samoupravlenija gorodskih okrugov i municipal'nyh rajonov Jaroslavskoj oblasti» // «Gubernskie vesti». 2009. 10 ijulja. № 60 (Russian).

3. Sadmen S., Brjedbern N. «Kak pravil'no zadavat' voprosy: vvedenie v proektirovanie oprosnogo instrumenta» // Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2002. S. 81–97 (Russian).

4. Svodnyj doklad o rezul'tatah monitoringa jeffektivnosti dejatel'nosti organov mestnogo samoupravlenija gorodskih okrugov i municipal'nyh rajonov Jaroslavskoj oblasti (s uchetom poselenij) po itogam 2011 goda, ijun' 2012 g. / Upravlenie po voprosam mestnogo samoupravlenija Pravitel'stva oblasti [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.yarregion.ru> (data obrashhenija: 08.11.2012 g.) (Russian).

5. Harchenko, K.V. Ocenka udovletvorennosti naselenija razlichnymi storonami zhiznedejatel'nosti: ot metodiki k standartu [Tekst] / K.V. Harchenko // Municipal'naja vlast'. 2008. № 6. S. 32–39 (Russian).

6. Harchenko K.V. Udovletvorennost': metodologija i opyt municipal'nyh issledovanij [Tekst] / K.V. Harchenko. M.: AL'PERIJA, 2011. S. 12 (Russian).

7. Jeksperty: naselenie ne mozhet dat' ob#ektivnoj ocenki rabote gubernatorov // POLITRUS.COM: Jekspertno-analiticheskaja set'. 2010. 30 okt. URL: <http://www.politrus.com> (data obrashhenija: 05.11.2012 g.) (Russian).

UDC 316

THE ROLE OF COGNITIVE FACTORS AND DIRECTIVES IN SOCIAL EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF THE ACTIVITY OF SELF-GOVERNING AUTHORITIES

Kiseleva Natalia Victorovna,

Yaroslavl State University after P.G.Demidov, Postgraduate of the Chair of Sociology, Yaroslavl, Russia.
E-mail: nkiseleva_polit@mail.ru

Annotation

The article is devoted to evaluation of municipal authorities and influence of cognitive factors on social evaluation of the functioning of municipal authorities. The main purpose of the article is to determine a level of influence of cognitive factors on social evaluating the effectiveness of the functioning of municipal authorities. The results of the social research devoted to the social evaluation of the municipal authorities of Yaroslavl region are analyzed in the article.

Key concepts:

municipal government, efficiency, social evaluation, cognitive factors, social contentment.

УДК 316.454

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ ОБ УСТОЙЧИВОСТИ И ИЗМЕНЧИВОСТИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Костина Наталия Борисовна,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской

Федерации,

Уральский институт-филиал,
профессор кафедры теории
и социологии управления,
доктор социологических наук,
профессор,

г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru

Власова Ольга Ивановна,

Российский профессионально-
педагогический университет,

старший преподаватель

кафедры социологии,

г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru

Аннотация

В статье, на основе анализа результатов проведенных эмпирических исследований, характеризуются оценки поколенческими группами, входящими в состав молодого поколения, динамических аспектов трудовой деятельности, соотношения устойчивости и изменчивости; выявляются ориентации поколенческих групп на труд в сравнении с другими видами жизнедеятельности.

Ключевые слова:

молодое поколение,
поколенческие группы,
ориентация на труд,
устойчивость и изменчивость
трудовой деятельности.

В настоящее время в социологической науке актуализировалась проблема, связанная с необходимостью разработки новых подходов, с позиций которых можно осуществить анализ функционирования современного молодого поколения. Это обусловлено недостаточной проработанностью в современной российской социологии релевантных подходов, позволяющих дать адекватное объяснение процессам, протекающим в различных сферах деятельности молодого поколения.

Современное молодое поколение, осуществляющее деятельность в различных сферах, является достаточно неоднородным, при этом масштаб разрозненности поколенческих групп, их различий с течением времени будет только увеличиваться.

Согласно нашей гипотезе, статус трудовой деятельности у современной молодежи является достаточно неустойчивым по ряду различных причин. Во-первых, трудовая деятельность в современном обществе теряет статус обязательной, необходимой для всех групп трудоспособного населения. Во-вторых, традиционные формы труда, выражающиеся в традиционных профессиях, в оценках современной молодежи не являются престижными. В-третьих, трудовая деятельность молодого поколения существенным образом трансформируется под влиянием глобализационных тенденций, связанных с переходом к обществу нового типа – постинформационному и постиндустриальному.

С нашей точки зрения, прикладные социологические исследования, посвященные изучению трудовой деятельности молодежи, должны фиксировать не статичный уровень общественного сознания различных групп молодежи (представления о труде, значимость трудовых ценностей, отношение к получаемому образованию и его роли при выборе вида и сферы труда), а выявлять динамические аспекты, связанные не с функционированием молодежи как особой социально-демографической группы, а с различиями в деятельности поколенческих групп в составе молодого поколения. Изучение особенностей трудовой деятельности молодого поколения, опирающееся на динамические аспекты поколенческого подхода, прежде всего, связано с двумя методологически важными позициями: ориентацией молодого поколения на устойчивые или изменчивые аспекты труда и рефлексией по поводу влияния глобализационных изменений на трудовую деятельность данного поколения. В струк-

туре современного молодого поколения нами выделяются поколенческие группы. В дополнение к уже используемым в социологическом знании критериям структурирования молодого поколения (возраст и ключевой вид деятельности нами предложен такой критерий, как ориентация на трудовую деятельность, ее устойчивые либо изменчивые аспекты. Теоретические обоснования данного подхода даны в ряде наших статей, в представленной статье приводится анализ эмпирических данных, подтверждающих выдвинутую гипотезу.

В период с 2012 по 2013 год нами проведены эмпирические социологические исследования, одной из задач которых было изучение ориентации молодого поколения на устойчивые или изменчивые аспекты трудовой деятельности, их оценки различными поколенческими группами.

1. Результаты социологического исследования, проведенного в 2012 году методом личного стандартизированного интервью по месту жительства респондентов. В ходе исследования опрошено 300 работающих молодых жителей г. Екатеринбурга. Выборка квотная, соответствующая распределению квотируемых признаков в структуре работающего населения г. Екатеринбурга.

2. Результаты социологического исследования, проведенного в 2013 году методом личного стандартизированного интервью. В ходе исследования методом уличного опроса охвачено 400 респондентов (по 200 респондентов в г. Ирбит и г. Екатеринбург) в возрасте от 18 до 35 лет. Выборка квотная, квотные признаки соответствуют половозрастной структуре г. Ирбита и г. Екатеринбурга.

3. Результаты качественного фокус-группового исследования, проведенного в 2013 году с молодежью г. Екатеринбурга в возрасте от 18 до 35 лет, представителями не рабочих профессий.

Данные, полученные нами, показывают, что большая часть работающей молодежи сконцентрирована в сфере услуг и торговле. Показательно, что 56% опрошенных, работающих в сферах услуг и торговли, находятся в младшей возрастной группе от 18 до 23 лет. Младшие поколенческие группы могут быть активно интегрированы в сферу услуг с точки зрения стартовых позиций начала трудовой деятельности. Вполне возможно, что в дальнейшем они займут ниши в других, не услуговых сферах. Однако анализ сфер занятости более старших молодежных поколенческих групп

показывает, что они также в большей степени сконцентрированы в рамках служебной сферы. Обозначенную тенденцию подтверждают и данные официальной статистики Росстата. Анализ занятости по различным отраслям экономики показывает, что за последние 10 лет доля занятых в сфере услуг постепенно возросла: если в 2002 году в служебной сфере работало 59,1% трудоспособного населения, то к 2012 году этот показатель возрос до 64,4%. Для сравнения: доля населения, работающего в промышленности, в настоящее время составляет 27,8%, а доля работников сельского хозяйства – 7,3%.

Реальный сектор экономики в современной России, связанный в первую очередь с промышленным производством, помимо экономической стабильности, обеспечивает и достаточный уровень социальной устойчивости, связанной с минимизацией безработицы, особенно в малых и моногородах, поддерживает социально-профессиональную структуру общества, популяризирует разные виды профессиональных занятий. В данном случае социальная устойчивость, связанная со стабильным функционированием производственной сферы, выступает формой, а содержание процессов, происходящих в производственной сфере, должно быть достаточно изменчивым, чтобы поддерживать производство на уровне, соответствующем научно-техническому прогрессу.

Результаты исследования позволяют сделать некоторые выводы об оценке молодым поколением изменений, происходящих в сфере его работы. В 2012 году мнения молодых работающих горожан о количестве изменений в своей работе выглядело следующим образом: половина респондентов (48% от числа опрошенных) считала, что изменений в их работе много, или скорее много, и также половина (45%) – что изменений мало, или скорее мало.

Существует статистическая взаимосвязь между оценкой количества изменений в работе и сферой профессиональной деятельности. Как наиболее консервативную оценивают представители различных поколенческих групп работу в таких сферах, как государственное и муниципальное управление, высшее образование и наука, сфера услуг, военная служба. Наиболее изменчивые, с точки зрения респондентов, сферы, связанные с реформацией, культурой, школьным образованием, юриспруденцией, финансами, и,

что весьма неожиданно, сельским хозяйством. В данном случае особое значение имеет именно субъективная интерпретация респондентами изменений как таковых: представления о соотношении изменчивости-устойчивости труда подменяются представлениями о том, какие его виды обеспечивают социальную стабильность. Возможно, что сферы, обозначенные молодежью как малоизменчивые, скорее отличаются высоким уровнем гарантированности работы, отсутствием резких потрясений и трансформаций в повседневной деятельности. С другой стороны, низкая оценка количества изменений в таких важных сферах, как государственное и муниципальное управление, наука, высшая школа, свидетельствуют об определенном отставании, «застое» в глазах молодежи этих сфер, хотя в реальной практике ситуация как раз может быть иной.

В 2013 году вопрос, связанный с оценкой масштаба изменений, задавался в косвенной форме: «...как Вы думаете, много или мало различных изменений в работе большинства людей?». Если в 2011 году оценка наличия или отсутствия изменений была примерно одинаковой, то в 2013 году 76% молодых жителей Ирбита и 65% екатеринбуржцев оценили уровень изменений в работе вообще как высокий. Следует отметить, что более высокая оценка наличия изменений в 2013 году связана с тем, что в исследовании принимали участие и неработающие горожане (учащиеся и студенты), которые имеют лишь абстрактные, с «чужих слов» представления о темпах и количестве изменений в трудовой сфере. В спектре мнений этой поколенческой группы нужно выделять как знания, отражающие реальность, так и мифы. Для того чтобы выяснить, какие сферы профессиональной деятельности представляют молодежи устойчивыми, а какие – изменчивыми, был задан вопрос о необходимости внедрять нововведения в различных сферах.

Сферой, по мнению молодого поколения, наиболее нуждающейся в изменениях, оказалась социальная сфера, включающая в себя здравоохранение, образование, социальную защиту, что прежде всего связано с непосредственным включением молодежи именно в эту сферу. В данном случае, представления о процессах устойчивости и изменчивости во многом обусловлены разными факторами: степенью личного включения в сферу, освещением процессов, происходящих в отрасли, средствами массовой информации, социальной значимос-

тью отрасли. Анализ модальных значений признака также иллюстрирует, что практически во всех сферах, за исключением религии, культуры (искусства), изменения нужны, что подчеркивает высокий уровень обоснованности наших выводов.

Тем не менее, в силу многообразия видов профессиональной деятельности наибольшее влияние на процессы устойчивости и изменчивости труда оказывают представления о конкретных профессиях. Значимым компонентом, определяющим ориентацию на стабильные или изменчивые формы труда, с нашей точки зрения, выступают факторы выбора конкретной профессиональной деятельности.

Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод о том, что приоритетом для выбора той или иной профессии у всех опрошенных представителей поколенческих групп молодежи выступают два фактора: уровень оплаты труда и соответствие профессии собственным увлечениям и интересам, при этом в малом городе «утилитарный настрой» немного выше, нежели в областном центре. Мотивы выбора профессии, в основном, выражаются в суждениях, связанных с направленностью на устойчивые виды профессиональной деятельности (такие, как оплата труда, следование семейным традициям, благоприятные условия работы, востребованность профессии, возможность повышения квалификации и др.). Таким образом, поколенческие группы молодежи обоих городов в большей степени демонстрируют приверженность к факторам устойчивости в профессиональной деятельности, нежели к факторам изменчивости. Показательно, что мотивы, которые в традиционном обществе оказывали существенное влияние на выбор профессии, такие, как мнение родственников, семейные традиции, для современной молодежи практически не имеют значения.

Изучение различных процессов, протекающих в трудовой сфере, представляется значимой междисциплинарной проблемой. В рамках социологического анализа мы имеем дело с социальными оценками различных аспектов современной трудовой деятельности, носителями которых выступают различные поколенческие группы молодежи.

Согласно нашей гипотезе, в структуре молодого поколения сегодня могут быть выделены группы, которые уже не ориентированы на трудовую деятельность в ее традиционном варианте. В качестве под-

тверждения данного суждения можно привести следующие обоснования.

Во-первых, в системе жизненных ценностей молодого поколения характеристики, связанные с трудовой деятельностью, занимают промежуточное положение. Показательно, что ценность стабильности жизни в ее различных сферах приобретает важное значение. Результат ранжирования показывает, что устойчивые характеристики трудовой деятельности, такие, как образование, профессионализм, наличие работы, доминируют над достижительной изменчивой ценностью – карьерой. Существует статистическая взаимосвязь между возрастом респондентов и наличием стабильных трудовых ценностей. В младшей возрастной группе (18–24) большее значение имеют ценности, связанные с карьерой и образованием, а в старшей возрастной группе (30–35) ценности напрямую связаны с работой и профессионализмом.

Таблица 1

Жизненные ценности молодого поколения (в рангах)

Семья, дети	1
Материальное благополучие	2
Стабильность	3
Образование	4
Профессионализм	5
Работа	6
Отдых	7
Карьера	8
Дружба	9
Свобода	10

Анализ высказываний участников фокус-групп также подтверждает полученные количественные данные. Суждения молодых людей о характеристиках «хорошей работы» можно разделить на два вида. Первый вид – рекреационный: работа должна быть стабильной, устойчивой, хорошо оплачиваемой – для того чтобы в дальнейшем хорошо отдохнуть. Показательно, что молодежь, ориентированная на «рекреационный тип», практически не имеет карьерных установок, т.е. работа

рассматривается как средство обеспечения отдыха, досуга.

Второй вид может быть охарактеризован как коммуникативный. Поколенческая группа, разделяющая данную позицию, характеризуется более старшим возрастом. Это люди, которые имеют определенный опыт работы и более рационально определяют характеристики оптимальной работы, к которым относятся социально-психологический климат коллектива, хороший кабинет, приятельские отношения с коллегами.

Третий вид суждений характерен для приверженцев традиционной работы. В основном, данный тип высказываний принадлежит средней поколенческой группе – от 25 до 29 лет. Работа для представителей данной группы является условием существования в повседневном мире, при этом карьерные ценности не являются для них доминирующими. Описание работы «традиционалистами» закручивается вокруг двух осей, которые, по мнению самой молодежи, особенно свойственны представителям предыдущих поколений: трудолюбия и дисциплинированности. Повествование о трудолюбии во многом сопряжено с внешней необходимостью работать, с влиянием ближайшего окружения, в т.ч. представителей более старших поколенческих групп. Дисциплинированность при этом понимается ими как наличие внешней организации труда, пропускной системы, фиксированного рабочего времени, четкой системы санкций и поощрений.

Таким образом, трудовая деятельность предполагает широкий круг социальных взаимодействий, связанных не только с профессиональной деятельностью. «Выключение» определенных поколенческих групп молодежи из активной трудовой деятельности незамедлительно повлечет за собой разрушение и других социальных связей, не связанных с реализацией непосредственных профессиональных функций.

Во-вторых, нами зафиксировано наличие поколенческих групп молодежи, которые при определенных возможных условиях потенциально бы не работали. Анализ результатов исследования свидетельствует, что четверть опрошенной молодежи как малого, так и крупного городов готовы не работать при определенных условиях. Анализ модальных, средних и медианных значений, равных 3-м, показывает, что центральным и наиболее часто встречающимся значением порядковой шкалы является позиция «скорее бы работал»,

а не «однозначно бы работал». Учитывая общие глобализационные тенденции, связанные с общей трансформацией трудовой деятельности, особенностями жизненного пути молодежи, невостребованностью высшего образования в его полном потенциале, подобная ситуация вызывает значимые социальные опасения.

Таблица 2

Молодежь об ориентации работать, в условиях, когда можно не работать (в % к числу ответивших)

Потребность в работе	Ирбит	Екатеринбург
Однозначно бы не работали	11	7
Скорее бы не работали	17	17
Скорее бы работали	41	41
Однозначно бы работали	15	27
Затруднились ответить	16	8
Итого:	100	100

На ориентацию работать при любых условиях влияет пол респондентов. Статистическая взаимосвязь является достаточно слабой, однако ее наличие является индикатором, позволяющим фиксировать определенные значимые тенденции: в малом городе женщины в большей степени, нежели мужчины, предпочли бы не работать, что можно объяснить гендерными особенностями и общей ориентацией женщин на домашнее хозяйство и семью, приусадебное хозяйство. Так, в малом городе потенциально готова не работать каждая третья женщина и каждый пятый мужчина. В Екатеринбурге ситуация имеет обратный характер: согласны не работать почти каждый четвертый мужчина и каждая пятая женщина. Сложившаяся ситуация в крупном городе может быть обусловлена более устойчивым положением женщин на рынке труда мегаполиса и их общей ориентацией на занятость. Других статистически значимых зависимостей между намерением работать при любых условиях и социальными характеристиками молодежи нами выявлено не было.

Анализ высказываний участников фокус-групп позволяет представить качественные поведенческие модели молодежи

в ситуациях, связанных с отказом от трудовой деятельности. В рамках фокус-групп участникам был задан вопрос: *Допускаете ли Вы для себя возможность не работать? При каких обстоятельствах Вы бы не работали?* Суждения респондентов относительно возможного отказа от работы концентрируются вокруг диады понятий «работа и досуг». По мнению молодежи, потенциальная возможность не работать в традиционном варианте может быть реализована только при соблюдении важного условия – *финансовой самодостаточности*. Ранее мы уже отмечали, что по результатам количественного опроса ценность *материального благополучия* занимает в структуре ценностей молодого поколения второе место, уступая только ценности семьи. Материальное благополучие представляется современному молодому поколению достаточно важной не только жизненной ценностью, но и жизненной целью. Согласно результатам количественного опроса молодого поколения, 69% опрошенной молодежи г. Ирбита стремится к высокому материальному уровню жизни, для примера, к созданию хорошей семьи стремятся 47% опрошенных ирбитчан, к счастливой личной жизни – 36%. Для молодежи г. Екатеринбурга, напротив, в большей степени важны жизненные цели, направленные на личное благополучие. Так, к созданию хорошей семьи стремятся 53% опрошенных, к личному счастью – 48%, к уверенности в будущем – 47%, к высокому материальному уровню жизни – 35% от числа опрошенных. В целом, результаты нашего исследования не противоречат данным, которые были получены при изучении схожих проблем Фондом общественного мнения. Однако согласно данным Фонда общественного мнения поколению 90-х и начала двухтысячных годов уже не свойственна всеобщая ориентация на материальное обогащение и построение карьеры. Социологи ФОМа зафиксировали, что современному молодому поколению, в отличие от его предшественников, более важными составляющими жизни современных молодых людей является стабильность, благополучная личная жизнь, саморазвитие. С нашей точки зрения, подобная модель жизненных целей в большей степени релевантна для молодежи, проживающей в мегаполисах и крупных городах. Как показывают результаты нашего исследования, иерархия жизненных целей в малом городе несколько иная, что обусловлено ограниченным количеством возможностей

для поддержания достойного уровня материального благополучия.

Таким образом, в качестве причин, легализующих, по мнению молодежи, возможность не работать или работать в нетрадиционном варианте, можно выделить две: 1. Замещение (сочетание) работы и досуга; 2. Работа, но на себя.

Несмотря на наличие в составе молодого поколения поколенческих групп, ориентированных на устойчивые формы трудовой деятельности, реализация любого более-менее квалифицированного труда связана с изменениями, внедрением инноваций. Остановимся на характеристиках изменчивости трудовой деятельности, свойственных субъективной оценке реальной или потенциальной работы.

Для измерения уровня инновационности трудовой деятельности мы предложили работающим екатеринбуржцам семичленную шкалу-график с двумя полярными позициями, с присущими им устойчивыми или изменчивыми характеристиками. Методически мы предполагаем, что оценки, близко расположенные к исполнительской работе, свойственны малоинновационной устойчивой работе, а оценки, близкие к творческой работе, характеризуют изменчивые формы труда. Учитывая, что молодые работники отмечали на шкале оценки, для интерпретации полученных данных мы используем значения средней моды и медианы. Анализ данных показывает, что модальное и медианное значения совпадают и равны 3. Соответственно, большая часть молодежи определила свою нынешнюю работу скорее как исполнительскую. Медианное значение делит все имеющиеся оценки на две половины, т.е. половина работников оценили уровень устойчивости своей работы на значения до медианного, и половина работников – на значения после медианного. Статистических зависимостей, связанных с влиянием на оценку устойчивости или изменчивости своей работы других социально-демографических признаков, нами не выявлено.

Таким образом, мы можем констатировать две тенденции, свойственные поколенческим группам в составе молодого поколения: ориентацию на изменчивые формы труда при высоком уровне социальной стабильности и конкретную работу в сфере услуг и торговли, которые, как показывает современная российская реальность, не обладают высоким инновационно-изменчивым потенциалом.

UDC 316.454

SOCIAL ASSESSMENTS OF STABILITY AND VARIABILITY OF LABOUR ACTIVITY MADE BY THE YOUNG GENERATION: EXPERIENCE OF EMPIRICAL RESEARCH

Kostina Natalia Borisovna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute (branch), Professor of the Department of Theory and Sociology of Management, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ekaterinburg, Russian.
E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru

Vlasova Olga Ivanovna,

Russian Vocational Pedagogical University, Senior Teacher of the Department of Sociology, Ekaterinburg, Russian.
E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru

Annotation

On the basis of the results of some empirical researches the article characterizes the estimates of dynamic aspects of labour activity, the proportion of changes in the stability and variability, the estimate were given by generation groups among the number of younger generation. The article also reveals labour orientations of generation groups as compared with other life activities.

Key concepts:

younger generation, generation groups, labour orientation, stability and changeability of labour activity.

УДК 316.3

АНАЛИЗ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ СТЕРЕОТИПОВ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Тарасова Ольга Александровна,
Башкирский государственный
университет,
аспирант факультета философии и
социологии,
г.Уфа, Республика Башкортостан,
Россия.
E-mail: spin-ufa@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы особенности гендерных стереотипов студенчества в сфере семейно-брачных отношений. Студенчество, как наиболее мобильная группа, характеризующаяся организованностью, инновационной восприимчивостью, высокой социальной активностью и открытостью, имеет особое значение для исследования гендерных стереотипов молодежи. Автор делает вывод о том, что в сознании российской студенческой молодежи присутствуют традиционные и эгалитарные брачные установки.

Ключевые понятия:
гендерные стереотипы,
студенчество,
семья,
брак.

Актуальность изучения вопросов гендерных аспектов семейных отношений в российском обществе связана со сложностью и напряженностью демографических процессов в современной России, характеризующихся: во-первых, превышением уровня смертности над рождаемостью, сокращением рождаемости и, в целом, численности всего населения; во-вторых, распространением установки на однодетную модель семьи, возрастанием числа разводов и, в-третьих, ухудшением здоровья и благосостояния населения. Данные явления, с одной стороны, – результат проводимых реформ, с другой – отражение объективных тенденций в демографической сфере, характерных для многих стран. При этом указанные тенденции характерны как для всего общества в целом, так и для молодежи, являющейся одной из значимых социально-демографических групп населения.

На сегодняшний день в российском обществе вновь становится актуальной гендерная дифференциация моделей поведения и сфер ответственности. Это отражается как в макросфере (в производстве и общественной жизни), так и в микросфере (разделение обязанностей в семье и домашнем хозяйстве). Гендерно-дифференцированные модели поведения в России также отличаются от модели «равных статусов», характерной для модернизированной семьи в ряде западных стран.

Осмысление сущности гендерных стереотипов невозможно без определения понятия «социальный стереотип», который можно охарактеризовать как стандартизированный и устойчивый образ или представление. Особенностью стереотипа является то, что информация, на которой он основывается, соотносится не с соответствующим объектом, а с другими знаниями, которые, в свою очередь, могут оказаться ложными. Так, родоначальник теории стереотипизации У. Липпман рассматривал стереотип как упорядоченную, схематичную, детерминированную культурой «картинку» мира в сознании человека, экономящую его усилия при восприятии сложных социальных объектов [7, с.104].

Анализ содержания гендерных стереотипов и механизмов гендерной стереотипизации в социокультурном пространстве, основные определения и подходы рассматриваются в нескольких десятках монографических исследований отечественных и зарубежных авторов. Однако в дефинициях гендерных стереотипов не существует единства. Ряд западных исследователей,

к числу которых относятся Р. Ашмоа и Ф. дель Бока, в своих определениях делают упор на личностные характеристики мужчин и женщин, рассматривая «гендерные или полоролевые стереотипы как схематизированный набор представлений о персональных характеристиках мужчин и женщин». Другая группа исследователей акцентирует свое внимание на гендерные отношения. В частности, Ю. Рхода считает, что «гендерные стереотипы – это социально конструируемые категории «маскулинность» и «феминность», которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов, которые поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально желаемой манере и ощущать свою целостность и непротиворечивость» [2, с. 47–90]. Российский исследователь И.В. Костикова определяет гендерные стереотипы как устойчивые для данного общества в данный исторический момент представления о различиях между мужчинами и женщинами [4, с. 9].

Гендерные стереотипы имеют схожие свойства со стереотипами социальными. Гендерные стереотипы носят эмоционально-оценочный характер. Например, женская слабость и мужская отвага, женская чувствительность и мужское самообладание. Также гендерные стереотипы устойчивы и стабильны, хотя за последние сто лет стереотипное представление о мужчине и женщине, безусловно, изменилось. Уже нет однозначных и социально разделяемых представлений о мужчине как единственном кормильце и защитнике семьи и о женщине как о слабом и совершенно беспомощном создании. Гендерным стереотипам свойственна высокая степень единства представлений. И наконец, гендерные стереотипы – нормативны. Поскольку представления о том, каким должен быть настоящий «мужчина», как должна вести себя в той или иной ситуации женщина, являются социально разделяемыми, реальные мужчины и женщины не могут с этим не считаться. Отечественный исследователь И.С. Клёцина отмечает, что до сих пор «в массовом сознании присутствует мысль, что значимой социальной ролью женщины считается роль домохозяйки, матери. Женщине до сих пор предписывается нахождение в приватной сфере жизни – дом, рождение детей, на неё возлагается ответственность за взаимоотношения в семье. Мужчинам предписывается включенность

в общественную жизнь, профессиональная успешность, ответственность за обеспечение семьи. В то время как мужчин ориентируют на достижения, от женщин требуют направленности на людей и стремления к установлению близких межличностных взаимоотношений» [6, с. 248].

В силу своей социальной природы стереотипы возникают и находят свое окончательное оформление в среде различных групп и слоев общества. Тем не менее, практика подтверждает объективную связь между характеристиками различных общественных групп и процессом формирования внутри них устойчивых стереотипов. В данном отношении научный интерес представляет рассмотрение особенностей формирования гендерных стереотипов в среде студенческой молодежи как наиболее образованной, динамичной, прогрессивной части современного социума, создающей новые модели поведения и отношений. Социолог Л.Я. Рубина отмечает, что «студенчество, объединяя молодежь примерно одного возраста и одинакового уровня образования, отличается от других групп учащихся рядом особенностей: формами организации своей жизнедеятельности, концентрацией в крупных вузовских центрах, «локализацией» образа жизни в стенах вуза, студенческой группе, общечитии, относительной самостоятельностью в выборе способов деятельности в учебное и неучебное время» [9, с. 20].

Различные аспекты гендерных стереотипов студенчества, анализ содержания стереотипов в области семьи и брака рассматриваются в многочисленных исследованиях российских и региональных авторов. Например, в своей работе ученые В.Г. Горчакова [5, с. 54], И.С. Клёцина [6, с. 249], изучая студенческую среду, соотнесли «маскулинность» с такими чертами, как активность, амбициозность, аналитичность, лидерство, логичность, напоистость, независимость, рационализм, систематичность, склонность к риску, убедительность, уверенность, умение отстаивать свои взгляды, целеустремленность, а «феминность» – с гибкостью поведения, гуманностью, добротой, доверчивостью, заботливостью, мягкостью, открытостью, пониманием, сочувствием, тактичностью, терпеливостью, уступчивостью, чуткостью, эмоциональностью.

Попытку создания современной структурной модели гендерных отношений в среде российской студенческой молодежи, с учетом социального разделения труда

между полами в сфере экономики и домохозяйства предприняла социолог С.В. Скутнева. В проведенном исследовании С.В. Скутнева выявляет, что сфера досуга девушек/женщин наиболее консервативна, что является косвенным показателем ценности для них семьи и дома. В основном стереотипы приватной сферы для женщин навязываются старшим поколением, родителями, поэтому автор делает предположение о том, что девушки/женщины более внушаемы [10, с. 73–77]. Исследователи О. В. Бондаренко, Ю.Г. Тищенко отмечают, что, несмотря на достаточно либеральное отношение современного социума к так называемым гражданским бракам, подавляющее большинство студентов (юноши – 78,5%; девушки – 93%) считают наиболее приемлемым для себя официально зарегистрированный брак. Для девушек в большей степени, чем для юношей, примером является семейная жизнь родителей (юноши – 44,6%, девушки – 47,4%) [3, с. 255]. Стереотипы в области семейно-брачных отношений близки и практически совпадают с социально-разделяемыми стереотипными утверждениями о том, что «материальное обеспечение семьи – это обязанность мужчины» (юноши – 87,7%, девушки – 84,2%) и «домашние обязанности должны «делиться» на мужские и женские» (юноши – 89,7%, девушки – 71,9%) [3, с. 258].

В работе Т.И. Агинской отмечается, что вступление в брак входит в жизненные планы большинства студентов (87,6% юношей и 95,7% девушек) [1, с. 18].

Однако можно отметить, что в большинстве работ, посвященных анализу общероссийских проблем студенческой молодежи, недостаточно исследовано состояние студенчества на регионально-территориальном уровне. Несмотря на наличие определенных исследований стереотипов студентов в области семьи и брака, существует большая потребность в эмпирических данных, в том числе с учетом региональной специфики, что актуализирует рассмотрение студенчества республики, численность которого по данным 2010 г. составила 431,8 в расчете на 10 тысяч человек [8, с. 79].

С целью изучения особенностей и детерминант гендерных стереотипов студентов в мае 2012 года автором было проведено социологическое исследование среди студентов пяти крупных вузов Республики Башкортостан (Уфа, Стерлитамак, Бирск).

Согласно полученным нами статистическим данным можно классифицировать

высказывания респондентов, демонстрирующие их ожидания о выполнении или невыполнении мужчиной/женщиной их полоролевых функций и соотнести их с современной или традиционной моделью поведения. Отсюда особое значение приобретают ответы респондентов, отражающие их ожидания об исполнении мужчиной его общепринятой роли. По мнению студентов, источником экономического благосостояния должен быть мужчина. Большинство ответивших (80,6% юношей и 72,8% девушек) считает, что муж должен зарабатывать больше жены. И только 13,9% юношей и 24,2% девушек считают, что оба супруга должны иметь одинаковую зарплату. Материальное обеспечение семьи как обязанность мужчины воспринимают 56,2% юношей и 31,9% девушек. Хотя студенты отметили, что равное участие в материальном обеспечении семьи должны принимать оба супруга (43,8% юношей и 68,1% девушек), предшествующие ответы свидетельствуют о преобладании стереотипа мужчины-кормильца.

Как самое главное в жизни мужчины 56,5% юношей и 43,5% девушек назвали работу. Воспитание детей и выполнение домашней работы как первостепенную обязанность женщины отметили 14,3% юношей и 4,8% девушек. Большинство респондентов поддерживает стратегию совместного равного участия в воспитании детей и выполнении домашней работы: 85,7% юношей и 95,2% девушек. Самым главным в жизни женщины 90,1% юношей и 72,9% девушек считают семью и детей. Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что хотя молодые люди стремятся совместно распределять бытовые обязанности и воспитание детей, в их установках существует четкое разделение по гендерным ролям – юноши ориентированы на работу и материальное обеспечение семьи, а для женщины, по мнению респондентов, профессиональные успехи, заработки, обеспечение семьи не являются приоритетами. Занятие домашним хозяйством и детьми – главное дело женщины.

Как показали результаты нашего исследования, студенты выделяют следующие качества, которые необходимо воспитывать в мальчиках: самостоятельность (98% юношей и 91,7% девушек), смелость (97,2% юношей и 96,1% девушек), ответственность (96,8% юношей и 90,5% девушек), инициативность (85,3% юношей и 80,7% девушек), настойчивость (84,5% юношей и 82,1% девушек), любознательность (69,7% юношей и 59,2% девушек),

хозяйственность (48,6% юношей и 44,6% девушек), послушание (41,4% юношей и 47,3% девушек).

В девочках респонденты предлагают воспитывать: послушание (86,4% юношей и 71,9% девушек), хозяйственность (84,4% юношей и 91,3% девушек), любознательность (62,6% юношей и 76,4% девушек), ответственность (48,6% юношей и 56,7% девушек), самостоятельность (44,9% юношей и 60% девушек), инициативность (39,9% юношей и 51,6% девушек), настойчивость (35,4% юношей и 46,3% девушек), смелость (20,2% юношей и 31,9% девушек).

Такому качеству, как послушание, отводят первое место 86,4% юношей, 71,9% девушек. Поскольку в большинстве случаев воспитательный процесс протекает в семье, допустимо предположить, что доминирование мужчины над женщиной будет осуществляться в рамках модели семейных отношений. Также схожи позиции респондентов в их представлениях о степени участия мужчины и женщины в домашнем труде. На вопрос о необходимости воспитания хозяйственности в девушке положительно ответили 84,4% юношей и 91,3% девушек, тем самым непосредственно указав на свое видение будущей жены в роли домохозяйки. По отношению к юношам такое качество, как послушание, стоит на одном из последних мест (юноши – 41,4%, девушки – 47,3%), а хозяйственность – на последнем месте (юноши – 48,6%, девушки – 44,6%).

Различаются взгляды студенческой молодежи и на положение замужней женщины в обществе. Большинство респондентов считает, что замужняя женщина должна уметь: совмещать профессию и ведение хозяйства (38,8% юношей и 67,9% девушек); работать по графику, не мешающему воспитанию детей (27,6% юношей и 15,2% девушек); отказаться от профессиональной деятельности, если она мешает выполнению семейных обязанностей (21,2% юношей и 1,2% девушек); делать карьеру при поддержке семьи (12,4% юношей и 15,8% девушек). Таким образом, в число основных приоритетов большинства девушек входит не только семья, но и профессиональная самореализация (67,9%), а также создание профессиональной карьеры (15,8%). Взгляды юношей более традиционны. Они считают, что замужняя женщина должна совмещать ведение домашнего хозяйства с работой (38,8%) или же полностью отказаться от профессиональной деятельности (21,2%).

Подводя итоги, можно отметить, что в сознании республиканской студенческой

молодежи господствуют традиционные модели гендерных отношений. Особенно ярко данное свойство проявляется при рассмотрении полоролевых взаимоотношений. Данный факт связывается нами со своеобразным патриархальным ренессансом, проявляющимся во многих сферах общественной жизни. В российском обществе вновь становятся актуальными гендерно-дифференцированные модели поведения и сферы ответственности. Особенно данное явление прослеживается в частной жизни и семье. До сих пор в сознании современной молодежи присутствует мысль, что значимой социальной ролью женщины считается роль домохозяйки, матери, воспитателя. Наиболее значимыми социальными ролями для мужчины остаются именно профессиональные роли, ориентированные на физический труд или общественно-политическую жизнь, в то время как трудовая занятость женщины соотносится с заботой и общением. Если мужчин ориентируют на достижения, от женщин требуют направленности на людей и стремления к установлению близких межличностных взаимоотношений. В сознании молодого поколения по-прежнему сохраняется присутствующий в российском менталитете приоритет семейных ценностей, так как источником экономического благосостояния должен быть мужчина. Несмотря на это, девушки чаще, чем юноши, выражают свое недовольство существующим гендерным порядком, демонстрируя готовность к переменам и желание следовать эгалитарным гендерным принципам. Однако можно отметить, что у студентов, имеющих единый уровень образования и одинаковые демографические характеристики, наблюдается тенденция к совместному участию в материальном обеспечении семьи, воспитании детей и выполнении домашней работы.

Существующая общероссийская тенденция приводит к выводу о том, что без изменения внутрисемейных отношений, перераспределения домашних обязанностей между полами, выравнивание трудовых возможностей мужчин и женщин на рынке труда невозможно, а достижение справедливого равенства между мужчинами и женщинами в современном обществе лежит на путях поиска новых возможностей по объединению сфер рыночного производства и семейного воспроизводства, общественного и домашнего труда, гармоничного сочетания между мужчинами и женщинами во всех сферах человеческой деятельности.

1. Агинская, Т.И. Эволюция брака как социального института и гендерной системы: социологический анализ современных тенденций в среде студенческой молодежи [Текст] / Т.И. Агинская: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ур. акад. гос. службы. Екатеринбург, 2011. 23 с.

2. Барчунова Т.В. Вариации в ж-миноре на темы газеты «Завтра» // Потолок пола. Новосибирск. 1998. С. 47–90.

3. Бондаренко, О.В. Анализ гендерных стереотипов студенческой молодежи среднего российского города в сфере семейно-брачных отношений [Текст] / О.В. Бондаренко, Ю.Г. Тищенко // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2012. № 2. С. 254–264.

4. Введение в гендерные исследования [Текст] / И.В. Костикова и др.: под общ. ред. И.В. Костиковой. М.: Аспект Пресс, 2005. 235 с.

5. Горчакова, В. Мифология женской карьеры [Текст] / В. Горчакова // Управление персоналом. 2003. № 3. С. 54–56.

6. Клёцина, И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика [Текст] / И.С. Клёцина. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.

7. Липпман, У. Общественное мнение [Текст] / У. Липпман. М.: ФОМ, 2004. 384 с.

8. Молодежь в России. 2010: Стат. Сб. [Текст] / ЮНИСЕФ. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. 166 с.

9. Рубина Л.Я. Советское студенчество: социологический очерк. М.: Мысль, 1981. 207 с.

10. Скутнева, С.В. Гендерные аспекты жизненного самоопределения молодежи [Текст] / С.В. Скутнева // Социс. 2003. № 11. С. 73–77.

1. Aginskaja, T.I. Jevoljucija braka kak social'nogo instituta i gendernoj sistemy: sociologicheskij analiz sovremennyh tendencij v srede studencheskoj molodezhi [Текст] / T.I. Aginskaja: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Ur. akad. gos. sluzhby. Ekaterinburg, 2011. 23 s. (Russian).

2. Barchunova T.V. Variacii v zh-minore na temy gazety «Zavtra» // Potolok pola. Novosibirsk. 1998. S. 47–90 (Russian).

3. Bondarenko, O.V. Analiz gendernyh stereotipov studencheskoj molodezhi srednego rossijskogo goroda v sfere semejno-brachnyh otnoshenij [Текст] / O.V. Bondarenko, Ju.G. Tishhenko // Vestnik JuRGU (NPI). 2012. № 2. S. 254–264 (Russian).

4. Vvedenie v gendernye issledovanija [Текст] / I.V. Kostikova i dr.: pod obshh. red. I.V. Kostikovej. M.: Aspekt Press, 2005. 235 s. (Russian).

5. Gorchakova, V. Mifologija zhenskoi kar'ery [Текст] / V. Gorchakova // Upravlenie personalom. 2003. № 3. S. 54–56 (Russian).

6. Kljocina, I.S. Psihologija gendernyh otnoshenij: Teorija i praktika [Текст] / I.S. Kljocina. SPb.: Aletejja, 2004. 408 s. (Russian).

7. Lippman, U. Obshhestvennoe mnenie [Текст] / U. Lippman. M.: FOM, 2004. 384 s. (Russian).

8. Molodezh' v Rossii. 2010: Stat. Sb. [Текст] / JuNISEF. M.: IIC «Statistika Rossii», 2010. 166 s. (Russian).

9. Rubina L.Ja. Sovetskoe studenchestvo: sociologicheskij ocherk. M.: Mysl', 1981. 207 s. (Russian).

10. Skutneva, S.V. Gendernye aspekty zhiznennogo samoopredelenija molodezhi [Текст] / S.V. Skutneva // Socis. 2003. № 11. S. 73–77 (Russian).

UDC 316.3

ANALYSIS OF THE SEX-ROLE STEREOTYPES AMONG CONTEMPORARY STUDENTS

Tarasova Olga Alexandrovna,

Bashkortostan State University,

Postgraduate of the Faculty

of Philosophy Sociology,

Upha, Bashkortostan, Russia.

E-mail: spin-ufa@mail.ru

Annotation

The article analyzes the sex-role family stereotypes among the students. Basing her conclusions on the social investigation held in the universities of the Republic of Bashkortostan, the author has found that although the students are the most dynamic and innovative segment of the society their mentality is still characterized by the traditional approach to the family values and traditional assignment of gender roles.

Key concepts:

Gender stereotypes, studentship, family, marriage.

УДК 342.41

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ершов Юрий Геннадьевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт – филиал, заведующий кафедрой философии и политологии, доктор философских наук, профессор, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: ers@uara.ru

Аннотация

Рассматриваются причины несоответствия между содержанием Конституции РФ и реальными политическими практиками. Предлагаются принципы и идеи, развивающие систему сдержек и противовесов в разделении властей.

Ключевые понятия:
конституционализм,
либерализм,
демократия.

Двадцать лет, прошедших со времени принятия Конституции РФ, – достаточное время для оценки ее роли в жизни общества и государства, проблем и перспектив политико-правового и в целом общественного развития страны.

Общим местом всех рассуждений на данную тему является констатация значительного несоответствия правового содержания российской Конституции и политических практик ее реализации.

В этом контексте интересна позиция председателя Конституционного суда, согласно которой конституционные нормы не должны вступать в жесткое противоречие с реальностью, всегда надо исходить из примата реальности над юридическим творчеством, учитывать невозможность абсолютной гармонии между должным (Конституция) и сущим (жизнь). Именно несоответствие между «идеальной» юридической формой и реальным социальным, культурным, экономическим и политическим содержанием, по его мнению, породило нацизм. Хаос, считает В. Зорькин, порожденный разрывом между идеальной формой и реальным содержанием немецкого послевоенного государства, свел с ума немецкий народ, позволил этому культурнейшему и умнейшему народу увидеть в бесноватом фюрере мессию, спасителя Германии. Отсюда следует оправдательный вывод относительно современного состояния России. «Некоторые элементы авторитаризма в реальной практике осуществления политической власти обусловлены рядом факторов, связанных с переходным периодом от неправового прошлого к новым демократиям» [1, с. 12]. Если же «развинчивать гайки», то есть идти навстречу требованиям политической свободы и конкуренции, соблюдения прав человека и т.п., то на смену чиновничьему произволу, который весьма велик, придет произвол бандитов, сепаратистов, экстремистов, охлократов и многочисленных криминализованных силовиков. Но, подчеркивает автор, как свидетельствует история, на смену произволу неизбежно приходит «абсолютно неправовая тирания», которую истерзанный народ принимает как «меньшее зло» [1, с.12].

Оставим в стороне более чем сомнительное понимание условий и факторов возникновения немецкого национал-социализма, отметим, что трудно испугать тем, что уже во многом стало повседневностью, и зададимся вопросом о причинах подобного положения дел – произволе чиновников и бандитов, криминализованных силовиков и т.д.

Начнем с «идеальной формы» должного. Обсуждение сначала проекта, а потом уже и принятой новой Конституции 1993 г. наглядно показало, что даже правоведы, не говоря уже о «широких народных массах», плохо понимали ее смысл и, что гораздо важнее, возможные практические следствия ее применения. Первоначально практически никем не осознавалось, что предложенная политико-правовая модель трудно совместима с цивилизационными и социальными условиями России. (Точно так же это было и в Веймарской республике). Как заметил В. Пастухов: «Было абсолютным безумием (если только не считать это сознательной политической провокацией) вводить прямые выборы в парламент по пропорциональной системе в стране, где никогда в жизни не существовало и не существует до сих пор партийной системы. Было безответственной авантюрой в стране, где и так укоренены традиции самодержавия и абсолютизма, создавать «сверхпрезидентскую» республику, предоставляющую неограниченные возможности для злоупотребления властью. Было недомыслием оставить вопрос о судеустройстве, о порядке выборов судей и управления судами фактическим открытым в Конституции, обозначив конфигурацию судебной системы лишь в самых общих чертах» [3, с. 17]. Правда, это все-таки ретроспективная «мудрость», было бы интересно узнать – кто двадцать лет назад мог так резко предупреждать о готовящейся аванюре. Тот же В. Зорькин в 1990 году пишет: «...именно фашизм доказал, что тоталитарная система несовместима с демократией»; парируя довод о неготовности общества к многопартийности, утверждает: «...нельзя научиться плавать, не войдя в воду» [2, с. 89, 90].

Конечно, не существует раз и навсегда заданных универсальных политических форм, пригодных для всех народов и на все времена. Тем не менее, конституционализм органически связан с либерализмом, у современного конституционализма всегда есть определенное либерально-демократическое содержание. С другой стороны, действительно – лучше иметь ограниченные, но реальные свободы, чем фальшивые декларации, прикрывающие практики насилия и произвола. Но конституционализм не сводится к закреплению всевозможных прав и свобод, он, прежде всего, является ограничением государственной власти, – не позволяющим ей становится угрозой для реализации этих прав и свобод.

Была ли Конституция 1993 г. искренним и наивным выражением либерально-демократических идей или продуманным,

точным расчетом людей, захвативших власть, – вопрос, требующий отдельного исследования. Но теперь ясно, что с самого начала в Конституции был закреплён достаточно сложный механизм внесения поправок (для тех, кто не обладает реальной властью), а многочисленные права и свободы скрыли отсутствие продуманного механизма ограничения власти с целью недопущения ее узурпации. На протяжении последних двадцати лет в России произошла адаптация традиционного единовластия к новым историческим условиям – через имитацию либерально-демократических политических и правовых институтов и личную интеграцию элиты в западное общество – через счета в зарубежных банках, виллы и дворцы, футбольные клубы и т.п. Пережившая свое время политическая система продлевает свою жизнь, заимствуя политико-правовые нормы и ценности традиционного противника – западного общества. Имитация демократических институтов в России – от выборов до разделения властей, конституционные декларации, противоположные советской идеологии, позволили партийно-номенклатурному классу сохранить свою власть в новом, претендующем на современность, имидже.

Другой парадокс российской действительности заключается в том, что, уверив себя после 1993 г. в неспособности общества (населения) организованно противостоять произволу «реформ» и политической монополии, властвующая элита постоянно демонстрирует неуверенность и неспособность управлять обществом свободных граждан. Монополия связала ее необходимостью постоянно защищать свою власть, опасаясь последствий ее смены. Отсюда – ужесточение законодательства и репрессивные политические практики против оппозиции.

Поэтому вряд ли удивительно, что наша политическая реальность создается не Конституцией, не конституционными законами, а действиями отдельных лиц и организаций, которые находятся вне зоны конституционного контроля. Тотальная безответственность власти выражается в том, что ни одно должностное лицо не несет предметной ответственности за конкретные результаты своей деятельности ни перед народом, ни перед его полномочными представителями, ни перед законным судом. На фоне многолетней конституционной дисфункции сложилась соответствующая – неконституционная политическая

практика. Российская государственность неустойчива в силу отсутствия подлинного народовластия и реализации стратегической линии на ее выхолащивание. Ее подрывают нечестные выборы и вольное использование возможностей сверхпрезидентской власти – фактического самодержавия, не работает механизм контролируемой народом смены верховной власти. Существующая государственная конструкция обеспечивает власти узаконенный монопольный контроль над всеми ресурсами.

Но любая монополия неизбежно ведет к загниванию. Поэтому коррупция и застой всегда будут присутствовать там, где власть не формируется на конкурентных началах в результате свободных выборов. Вся предшествующая история России является наглядным подтверждением этой, в общем-то, тривиальной идеи. Новый политический строй, основанный на Конституции 1993 года и возникший на основе реформ 90-х годов, стал формой закрепления власти номенклатуры советского типа в новых экономических условиях. Этот строй пронизан коррупцией, основан на демагогии, репрессирует оппозицию, и все это с течением времени только возрастает, поскольку не достигается ни одно из условий создания эффективного государства:

- отсутствует легитимный институт частной собственности, опирающийся на массового собственника, малое и среднее предпринимательство душит налоги, бюрократической регламентацией, рейдерскими захватами;

- власть различного уровня решает не общественно необходимые проблемы, а служит инструментом личного или группового обогащения;

- отсутствует равенство граждан перед законом, а суд и арбитраж демонстрируют «право сильного».

«Новая» бюрократическая номенклатура, подменившая собой политическую и бизнес-элиту, сконцентрировавшая в одних руках власть и собственность, склонна выполнять только одну функцию власти – охранительную.

Гражданское общество в России (оно, пусть и неразвитое, но существует), исходя из тревожной ситуации в экономике страны, массовых и систематических фальсификаций на выборах, реагирует на «охранительный» режим требованием честных думских выборов. Но все дело в том, что выборы существенно повлиять на текущий экономический и политический курс не мо-

гут, поскольку результаты парламентских выборов в отечественной конституционной конструкции обладают незначительным политическим смыслом.

Во-первых, Государственная Дума не имеет почти никаких рычагов воздействия на правительство – ни на его формирование, ни на его деятельность, ни на его отставку.

Курс внутренней и внешней политики, согласно действующей Конституции, определяет президент. Он может проводить его даже при оппозиционном парламенте, так как именно в его руках находится судьба правительства. Те полномочия, которыми наделен Конституцией глава государства, его политика представляют собой не результат компромисса разных политических сил и стоящих за ними слоев населения, а монопольно навязываемую политику, которая определяется окружающими президента бюрократическими и олигархическими группами. Например, в 90-е годы можно было наблюдать, как парламент, со значительной представленностью в нем оппозиции, мог создавать мелкие препятствия для президентской политики. Однако изменить политику ему было не по силам. Поэтому согласимся с оценкой наивности позиции тех, кто видит выход из кризиса политической системы в добросовестном следовании Конституции, обеспечивающем свободную политическую конкуренцию и сменяемость власти в соответствии с народным волеизъявлением.

Любая монопольная власть тяготеет к максимальной экспансии во все сферы общественной жизни. Поэтому выстраивание В. Путиным пресловутой «вертикали власти» – закономерное следствие существующей конституционной конструкции. При существующих полномочиях президента борьба на думских выборах может идти только за думские кресла, а не за действительную политическую роль.

Несоответствие конституционных деклараций и реальной политической практики наталкивают на мысль о необходимости системной конституционной реформы, затрагивающей все основные стороны политической жизни общества. Разумеется, она должна будет продолжена и развита реформами (в первую очередь) судебной системы, правоохранительных органов, избирательной системы, государственного управления и местного самоуправления.

Как в этом контексте оценить идею В. Пастухова о том, что наш исторический долг – созыв Учредительного собрания, разогнанного большевиками?

Во-первых, идея Учредительного собрания явно предполагает отмену существующего конституционного порядка и неявно – острый политический кризис общества с непредсказуемыми последствиями. Поэтому во всех отношениях предпочтительнее диалог власти и гражданского общества по поводу конституционных преобразований. Во-вторых, как справедливо указывается, никакой чрезвычайной необходимости в Учредительном собрании и нет, поскольку Конституцией предусмотрена легальная возможность созыва Конституционного собрания, которое может выработать и принять новую Конституцию либо вынести ее проект на референдум.

Какого рода изменения в Конституции назрели? На уровне принципов предлагается задать конституционные рамки для равенства перед законом, экономического и политического плюрализма, разделения властей в узком смысле слова и сменяемости властей, поскольку этим принципам в российской Конституции уделяется недопустимо мало внимания. Они разбросаны по разным главам Конституции, некоторые, такие как плюрализм и сменяемость власти, вообще не сформулированы, хотя и подразумеваются.

Необходимо существенное изменение роли и места президента и его администрации в системе государственной власти и управления. В частности, при сохранении за главой государства большинства его нынешних прерогатив он должен быть лишен конституционного права единолично определять основные направления внутренней и внешней политики государства, а его администрация – возможности вмешиваться в повседневную практическую деятельность парламента и правительства [4, с. 3].

Предлагается нынешнюю «сверхпрезидентскую» республику заменить полупрезидентской моделью власти, существующей, например, во Франции, Португалии, Финляндии, Польше, Болгарии, ряде других стран; их отличительной чертой является сбалансированность полномочий всенародно избираемых президентов с полномочиями парламента. Поскольку президент является гарантом конституционного строя, честных правил политической жизни, то для лишения его роли партийного игрока надо изъять из его полномочий определение основных направлений внутренней и внешней политики и обеспечение «согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти» – мандата на вмешательство

в деятельность любых государственных институтов. В связи с этим должно быть пересмотрено право президента принимать нормативные Указы, временно регулирующие вопросы, требующие принятия Федерального закона (фактически Указы законодательного характера). Они ограничивают и подменяют законодательную власть РФ, тем самым нарушают принцип разделения властей.

Но можно усилить роль гаранта Конституции – право самому назначать генерального прокурора и уполномоченного по правам человека, наделив последнего более существенными полномочиями. (Хотя в демократических государствах мира «омбудсмен» является парламентским уполномоченным по правам человека).

Президент должен быть лишен права отправлять правительство в отставку по собственному желанию. (Не случайно все предшествующие попытки думцев грозить вотумом недоверия правительству ничем не закончились). Для этого необходимо укрепление позиций правительства при одновременном усилении его зависимости от парламента. То есть, правительство должна формировать Государственная Дума, и правительство должно слагать свои полномочия не перед президентом, а перед Государственной Думой. Она же должна предлагать президенту премьера, а не наоборот, соответственно, вотум недоверия правительству должен вести за собой неизбежную его отставку.

У российского парламента ограничена контрольно-бюджетная функция, она сводится в основном лишь к формальному утверждению федерального бюджета, федеральных внебюджетных фондов и отчетов об их исполнении палатами Федерального Собрания. Тем самым парламента лишен возможности постоянно, на протяжении всего финансового года, осуществлять финансово-аудиторский контроль над финансовой деятельностью Правительства РФ и других федеральных органов исполнительной власти.

Статус Счетной палаты противоречит Конституции, поскольку по своей природе и функционально-конституционному назначению она должна действовать при парламенте, обеспечивая реализацию контрольно-бюджетной функции. Аналогично, сегодня малоэффективны роль и влияние института уполномоченного по правам человека в РФ и возможности российского парламента в обеспечении контроля над соблюдением прав и свобод человека и гражданина со стороны исполнительной власти.

Как показала избирательная практика, в российской избирательной системе целесообразно восстановить мажоритарно-пропорциональную систему, при которой избиратели голосуют по округам за конкретного кандидата, который в свою очередь выдвигается партией. Преимущество смешанной избирательной системы в данной исторической ситуации будет состоять в затруднении формирования в парламенте любого абсолютного большинства. Наконец, в контексте длящейся практики привлечения в Государственную Думу по партийным спискам людей, плохо подготовленных к законодательской деятельности (например, популярных спортсменов), целесообразно предпринять меры как по повышению уровня юридической подготовки депутатов, так и неуклонному возрастанию среди них профессиональных юристов.

Более чем условен представительный характер Совета Федерации, – отмечал еще десять лет назад А.А. Торшенко. По его мнению, состав членов Совета Федерации должен формироваться гражданами РФ, проживающими на территории субъекта РФ, путем всеобщих, равных, прямых, альтернативных выборов при тайном голосовании по двухмандатным избирательным округам, по два представителя от каждого субъекта РФ сроком на четыре (или 5) лет, в Совете Федерации должно быть представлено население соответствующего субъекта РФ, а не его чиновники и руководители [5, с. 5].

Разумно предложение о двухступенчатых выборах президента и членов Совета Федерации – чтобы отсеять популистские, экстремистские и авантюрные движения, ограничить манипуляции мнением избирателей

Для устранения «персоноцентристского» принципа организации власти предлагается ввести парламентскую систему в субъектах Федерации. Парламентская модель, по этому замыслу, разорвет пресловутую «вертикаль власти», противоречащую смыслу и правового и федеративного государства. Подобная идея отнюдь не означает ликвидацию федерального контроля над законностью, но помогает его освобождению от давления со стороны региональных властных кланов. Как следствие – начнет работать политическая конкуренция, поскольку партии вынуждены будут бороться за право проводить свой курс (в пределах региональной компетенции), а не просто за число депутатов. Появится серьезное пре-

пятствие для манипуляции избирательным процессом и фальсификации его результатов. Парламентская деятельность обретет реальное содержание и заставит партии осуществлять все полагающиеся им функции. Будет создан импульс для развития местного самоуправления.

Консолидация судебной власти может быть обеспечена созданием единого Верховного суда с несколькими относительно автономными судебными палатами – по конституционным спорам, по арбитражным делам, по гражданским и уголовным делам. Полномочия судов присяжных должны быть не только сохранены, но и существенно расширены как в области уголовного, так и гражданского судопроизводства. В самих судах должны быть существенно резко усилены элементы судебного самоуправления и восстановлена выборность судов низших инстанций.

Значительное повышение полномочий парламента наталкивает на мысль о создании парламентской республики – и такие идеи встречаются в научной литературе. В этой модели сильное и дееспособное правительство непосредственно связано с аппаратом сформировавшей ее партии и с фракцией этой партии в парламенте. Президент в такой республике, не вмешиваясь в оперативное управление страной, действительно является гарантом Конституции, выступая внутренним противовесом правительства внутри самой исполнительной власти и обладая преимущественно контрольными полномочиями по отношению к правительству. Но в контексте реальной политики и социокультурной обусловленности, постсоветского опыта, можно согласиться с критиками подобного предложения – внезапный переход к парламентской форме правления несет серьезную опасность дезорганизации всего государственного механизма. История свидетельствует – эффективность парламентских форм правления зависит от вызревания сильных партий, демократической политической культуры и конституционного правосознания. Но в постсоветской России «внезапно» возникшие партии, не имея возможностей для реальной политической ответственности, не столько укреплялись, сколько разлагались. Не является полноценной партией и «Единая Россия», она выполняет скорее инструментальную роль между президентом и бюрократией. Политическая же культура характеризует-ся отсутствием стремления к полноценному диалогу, в ней действует принцип игры

«с нулевой суммой». По этим же причинам России не подходит и президентская республика – с президентом, возглавляющим исполнительную власть. Незрелая демократическо-правовая и политическая культура будет постоянно провоцировать конфликты между ветвями власти, так как в ней ни президент не может распустить парламент (нижнюю палату), ни парламент не вправе выразить недоверие президенту и его администрации.

Суть этих и массы других предложений, возникших за последние пятнадцать лет, – в возврате доверия населения к власти, восстановлении в полном объеме легитимности главы государства и всей системы государственной власти, создании институциональной базы для модернизации страны. Если говорить о конституционной реформе, то она должна вести к преодолению роковой триады российской истории – самодержавной власти, слиянию власти и собственности, стремлению власти к самосохранению при помощи насилия.

1. Зорькин, В. Кризис доверия и государство [Текст] / В. Зорькин // Российская газета. 2009. 10 апреля.

2. Зорькин В.Д. Социалистическое правовое государство: основные черты концепции // Право и власть. М., 1990.

3. Пастухов, В. Вся власть Учредительному собранию! [Текст] / В. Пастухов // Новая газета. 2011. 5 декабря.

4. Станкевич, З. Пора и разморозить! Созыв Конституционного собрания как ключевая проблема современной России [Текст] / З. Станкевич // Литературная газета. 2012. 23–29 мая.

5. Торшенко, А.А. Российский парламент: Конституция и практика [Текст] / А.А. Торшенко // Конституционное развитие России: история и современность. Ч. 1. Екатеринбург, 2003.

1. Zor'kin, V. Krizis doverija i gosudarstvo [Tekst] / V. Zor'kin // Rossijskaja gazeta. 2009. 10 aprelja (Russian).

2. Zor'kin V.D. Socialisticheskoe pravovoe gosudarstvo: osnovnye cherty koncepcii // Pravo i vlast'. M., 1990 (Russian).

3. Pastuhov, V. Vsja vlast' Uchreditel'nomu sobraniju! [Tekst] / V. Pastuhov // Novaja gazeta. 2011. 5 dekabnja (Russian).

4. Stankevich, Z. Pora i razmorozit'! Sozvyv Konstitucionnogo sobranija kak ključevaja problema sovremennoj Rossii [Tekst] / Z. Stankevich // Literaturnaja gazeta. 2012. 23–29 maja (Russian).

5. Torshenko, A.A. Rossijskij parlament: Konstitucija i praktika [Tekst] / A.A. Torshenko // Konstitucionnoe razvitie Rossii: istorija i sovremennost'. Ch. 1. Ekaterinburg, 2003 (Russian).

UDC 342.41

PROBLEMS OF CONSTITUTIONALISM IN MODERN RUSSIA

Ershov Yuriy Gennadievich,
Russian Presidential Academy of
National Economy and Public
Administration,
Ural Institute (branch),
Head of the Chair of Philosophy
and Political Science,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russian.
E-mail: ers@uapa.ru

Annotation

The article deals with the reasons for discrepancy between the content of the Constitution of the Russian Federation and existing political practices. The article suggests principles and ideas for developing the concept of check and balances in the separation of powers.

Key concepts:
constitutionalism,
liberalism,
democracy.

УДК 329.019.5

20 ЛЕТ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ – ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, директор, заведующий кафедрой политологии и политического управления, доктор политических наук, профессор, г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@rane74.ru

Аннотация

В статье рассматривается и анализируется отношение граждан современной России к Конституции. Особое внимание уделено таким вопросам, как знание норм Конституции, оценка её роли в жизни граждан, соответствие её норм социально-политическим реалиям сегодняшнего дня. Даётся характеристика социальной базы сторонников Конституции новой России.

Ключевые понятия:

Конституция, социальная база, политическая информированность, восприятие норм Конституции, отношение к конституционным нормам.

Российский конституционный процесс имеет почти трехсотлетнюю историю [6], хотя только в XX веке была принята первая Конституция страны. Как известно, Конституция – это Основной Закон государства, выражающий в сжатоцентрированной форме волю господствующего класса или всего общества и закрепляющий основы общественного и государственного строя, права и свободы человека и гражданина. Это акт долговременного действия, учреждающий и закрепляющий политическую форму существования общества, систему государственных органов, устанавливающий порядок их формирования и способ функционирования, закрепляющий права и свободы человека и гражданина [1, с. 254].

20-летие со дня принятия Конституции новой России стало мотивом не только для подготовки и проведения научных и торжественных мероприятий, посвящённых этому знаковому событию, но и своеобразным рубежом для подведения итогов и осмысления того, что изменили в нашей жизни 137 статей Основного Закона, принятого на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года.

Практически общепризнанной считается позиция, что в России ставить политическую целесообразность выше норм права принято правящим классом за правило уже четыре столетия, и что из-за этого правила оказались недееспособными четыре советские Конституции.

Так современный исследователь конституционного процесса Н.В. Бутусова в связи с этим пишет: «К сожалению, право вообще и конституция, в частности, не рассматривались и не рассматриваются российской властвующей элитой как безусловные, основополагающие ценности, поэтому и вопрос о соотношении политики и права далеко не всегда решался и решается в пользу последнего... Именно в этом основная причина бесславного «ухода» последних советских Конституций, а также весьма сомнительной легитимности завершающих этапов процедуры разработки и принятия действующей Конституции Российской Федерации в условиях ожесточенной борьбы между законодательной и исполнительной властью» [2].

Не менее важным с точки зрения анализа происходящих процессов остаются две близкие проблемы: во-первых, вопрос о соответствии норм Конституции сегодняшней политической, социальной и экономической российской реальности и, во-вторых, вопрос о том, какого принципа придерживаться в отношении к Конституции – принципа «конституционной» стабиль-

ности, который стал своего рода прологом к апологии политической стабильности [8] или принципа глубокой модернизации Основного Закона, за реализацию которого выступают представители ряда политических партий и некоторые эксперты из среды научного сообщества [4]. Безусловно, обе проблемы и актуальны, и значимы для понимания роли и будущего Конституции в жизни российского общества, так как далеко не все реалии экономического и политического процесса соответствуют нормам, сформулированным в статьях Основного Закона. Почему мы имеем такую ситуацию, кто является вольным или невольным актором, создающим подобные противоречия, и как найти способы снятия этой амбивалентности – вот вопросы, которые волнуют многих.

В данной статье мы предлагаем рассмотреть проблему формирования политической и социальной базы приверженцев, сторонников современной российской Конституции. В историческом плане важно понять, почему в условиях острого политического раскола в 90-е годы XX века при явке на референдум 54,81% [3] граждан России 58,43% поддержали предложенный Конституционным собранием текст российской Конституции. Логично предположить, что среди голосовавших «за» были те, кто верил в реальность воплощения норм Основного Закона России уже прямо тогда или в ближайшем будущем, но были и те, кто рассматривал статьи Конституции как долговременную программу развития российского общества и сценарий для воплощения новой демократической политической системы России, а также и те, кто не принимал и сейчас продолжает отрицательно относиться к Конституции. Итоги референдума 12 декабря 1993 года показали, что политическая база поддержки новой Конституции была минимальной – за неё проголосовало 58,43% избирателей, принявших участие в референдуме, а вот на вопрос о наличии в тот момент социальной базы, на которую можно было бы опираться при реализации норм Конституции новой России, столь однозначного ответа дать нельзя, хотя бы потому, что только 31,02% граждан, т.е. треть всех россиян, имевших право голоса, поддержали её.

Прошло 20 лет. В России сформировался новый экономический порядок, произошла кристаллизация элементов новой социальной структуры, властвующая элита накопила опыт в практическом применении норм Конституции в политической жизни страны, а гражда-

не приобрели свой опыт применения её статей в своей повседневной жизни. Как всё это отразилось на появлении социальной базы, сформировалась ли она, каковы её социальные характеристики и масштаб?

Под социальной базой понимаются социальные слои, группы и индивидуумы, чьи интересы в долговременной перспективе выражает какая-то идеологическая доктрина или программа какой-то партии и на поддержку которых ориентирована и рассчитывает данная партия [5]. В нашем случае речь идёт об идеологической доктрине Конституции новой России.

Дать общую характеристику социально-политической базы сторонников Конституции позволяет анализ данных двух социологических опросов, проведенных специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС в 2013 и 2011 годах [6,9].

Вопреки утверждающемуся во второй половине первого десятилетия XXI века мнению об аполитичности, пассивности граждан России они достаточно активно интересуются политическими событиями в стране. На вопрос «Следите ли вы за событиями политической жизни нашей страны?» утвердительно «Да» ответили 55,1%, а отрицательно «Нет» – 31,7% респондентов. В группу интересующихся политикой граждан выше, чем в среднем по выборке, вошли мужчины среднего возраста – 31–50 лет и старшего, более 50 лет, возраста; люди, имеющие высшее образование, а по социальному положению это специалисты с высшим образованием*. При этом граждане не просто проявляют эпизодический интерес к политике, это осознанный повседневный интерес.

В свою очередь в группу граждан, не склонных к получению политической информации, преимущественно входят женщины, молодежь, люди со средним общим, специальным незаконченным высшим образованием, рабочие, те, кто живет за гранью бедности, «денег не хватает даже на питание».

На вопрос «Вы лично знакомы с содержанием Конституции РФ, основными её положениями или нет?» ответы распределились так:

- Да, хорошо знаю основные положения Конституции РФ, читал этот документ – 24,8%
- Лично документ не читал, но имею общее представление об основных положениях Конституции РФ – 50,8%
- Совершенно не представляю себе содержания Конституции РФ – 16,2%
- Затрудняюсь ответить – 8,3%

* С данными корреляционных таблиц, отражающих статистические параметры описываемых здесь и далее групп, можно ознакомиться здесь: http://rane74.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEMENT_ID=8106

Каждый четвертый респондент читал и хорошо знает основные положения Конституции – 24,8%. Среди тех, кто читал и вдумывался в текст Конституции РФ – 35,9%; следящих за событиями политической жизни страны больше мужчин, граждан старше 50 лет, с высшим образованием, специалистов с высшим образованием, руководителей предприятий, учреждений, людей, имеющих доход выше среднего (денег на жизнь хватает, особо не экономим).

Большая часть респондентов – 50,8% выбрали ответ: «Лично документ не читал, но имею общее представление об основных положениях Конституции РФ», а доля интересующихся политическими событиями в данной группе составляет 53,3%. Любопытно, что состав этой группы тождествен среднестатистическим параметрам социально-демографических групп, представленных в выборке. Для кого-то из представителей данной группы более близкой окажется позиция тех 16,2% респондентов, которые при ответе на рассматриваемый вопрос выбрали мнение, удивительное по своей искренности – совершенно не представляют себе содержания Конституции РФ. В составе этой группы в большей степени представлены женщины, молодежь, люди с начальным и незаконченным средним образованием, со средним общим и средним специальным образованием, рабочие, студенты вуза, техникума, живущие за гранью бедности.

Настораживает то, что в этой группе заметную часть составляют студенты и если брать шире, то речь идет о молодежи, так как почти половина и тех и других не интересуется нормами Конституции и пока не хочет их знать, а значит, они не являются ценностными ориентирами для их жизни.

Следующая позиция, предложенная респондентам, ориентировала их на выбор оценки той роли, которую Конституция играет в жизни России. Респондентам был задан вопрос: «Конституция РФ была принята двадцать лет назад. Какое (какие) из нижеприведенных суждений, на Ваш взгляд, наиболее точно отражает роль Конституции в жизни страны?». Можно было выбрать неограниченное число ответов.

- Конституция не играет значительной роли в жизни страны, поскольку мало кто с ней считается – 37,0%
- Конституция гарантирует и обеспечивает права и свободы граждан – 26,1%
- Конституция поддерживает порядок в деятельности государства – 12,5%
- Конституция регулирует отношения меж-

ду различными ветвями власти (законодательная, исполнительная, судебная) – 8,9%

- Затрудняюсь ответить – 25,7%

Начнем анализ с наиболее массового выбора, которым стало суждение: «Конституция не играет значительной роли в жизни страны, поскольку мало кто с ней считается». Эту оценку поддержали 37,0% респондентов.

Среди них 33,3% знакомы с содержанием Конституции и 41,9% интересуются политикой. Мнение этих граждан близко к экспертному [4]. Кто же по социально-демографическому статусу был делегирован в группу не верящих в роль и реальность Конституции? Это мужчины старше 50 лет, пенсионеры, те, кому денег хватает только на питание. Как свидетельствуют приведенные данные, не верят в реальность конституционных норм преимущественно респонденты, которых можно отнести к группе социальных дезадаптантов.

Прямо противоположное суждение «Конституция гарантирует и обеспечивает права и свободы граждан» выбрали 26,1% респондентов, или чуть более чем каждый четвертый. Среди них 54,7% знакомы с содержанием Конституции, а 32,9% следят за событиями политической жизни. Социальное представительство этой группы: больше граждан с высшим образованием, специалистов с высшим образованием, руководителей предприятий, учреждений, тех, кому «денег на жизнь хватает, особо не экономим».

Другую условную, но не менее важную сторону значения Конституции фиксирует суждение «Конституция поддерживает порядок в деятельности государства» – так считает 12,5% респондентов. Среди них 16,0% тех, кто знает основные положения Конституции и 32,9% тех, кто следит за событиями политической жизни страны. В её составе больше граждан среднего возраста 31–50 лет, людей с высшим образованием, служащих (со специальным и общим средним образованием), специалистов с высшим образованием, граждан с достатком выше среднего. Исходя из данной характеристики, эту группу можно обозначить как конституционалистов – государственников.

Респондентов, выбравших позицию: «Конституция регулирует отношения между различными ветвями власти (законодательная, исполнительная, судебная)», – 8,9%. В их составе 12,0% тех, кто знает положения Конституции, а также 9,6% тех, кто следит за событиями политической жизни. Кроме того, в составе этой группы в большей степени представлены мужчины; молодые люди;

люди с высшим образованием; специалисты с высшим образованием; студенты вуза, техникума; люди с доходами выше среднего, а также со средними доходами.

Поскольку Конституция РФ является документом, не просто регулирующим повседневные практики общества, но и драйвером, обеспечивающим формирование новой социальной реальности, вполне логичным явился вопрос: «Как Вы считаете, соответствует ли содержание Конституции РФ современной российской действительности?». В общем виде ответы на этот вопрос распределились так:

- Соответствует действительности (внесение изменений в Конституцию не требуется) – 6,9%
- Требуется внесение изменений в Конституцию, чтобы привести её в соответствие со сложившейся действительностью – 31,0%
- Необходимо предпринимать шаги по изменению существующей действительности и приведению её в соответствие с нормами Конституции – 37,8%
- Затрудняюсь ответить – 24,3%

Большая часть респондентов (37,8%) выбрала позицию: «Необходимо предпринимать шаги по изменению существующей действительности и приведению её в соответствие с нормами Конституции». Назовем их «социальные модернизаторы». Среди выбравших данную позицию 49,1% тех, кто следит за событиями политической жизни в стране, и 36,0% тех, кто считает, что хорошо знает текст Конституции. Как видно из этих данных, уровень политической информированности выше, нежели уровень знания норм Конституции. Граждан, выбравших эту позицию, можно охарактеризовать как политически «разогретую» категорию населения. По своему социальному положению это люди со средним общим специальным и незаконченным высшим образованием, а также те, кто оценивает свое материальное положение ниже среднего – «денег хватает только на питание».

Вторая по представительности группа – 31,0%. Это те, кто считает, что «требуется внесение изменений в Конституцию, чтобы привести её в соответствие со сложившейся действительностью». Назовем их «конституционные реформаторы». В её составе 40,7% тех, кто следит за политической жизнью и 49,3% тех, кто знает основные положения. Знающих нормы больше, чем тех, кто находится в курсе политической жизни. Социальные особенности этой группы таковы: в её составе больше мужчин; людей с высшим образованием; специалистов с высшим образованием; а также тех, чье материальное положение выше среднего.

Наконец, ещё одна группа респондентов – 6,9%, заняла позицию «Конституция соответствует действительности (внесение изменений в Конституцию не требуется)». Назовем их «политические реалисты». В её составе 7,2% интересующихся политической жизнью респондентов и 14,7% хорошо знающих основные положения Конституции. Как видим, это единственная группа, в которой выше, чем в среднем, представлены обе осведомленные категории респондентов. По своим социальным характеристикам в этой группе выше, чем в среднем по выборке, представлены женщины; люди в возрасте от 31 до 50 лет; с высшим образованием; служащие со средним специальным и общим средним образованием, а также служащие с высшим образованием, те, у кого доход выше среднего. Как следует из приведенных характеристик – вполне социально благополучная группа.

Итак, значительная часть респондентов (37,8+6,9 = 44,7%) не поддерживают позицию по изменению норм Конституции.

Однако важно понимать не только созидательный потенциал Конституции, но фактическую востребованность её норм в повседневной жизни граждан и деятельности властных структур. Респондентам был предложен вопрос: «На Ваш взгляд, соблюдаются ли конституционные нормы в современном российском обществе?», ответы на который распределились следующим образом:

- Полностью соблюдаются – 0,0%
- Большинство конституционных норм соблюдаются – 19,5%
- Большинство конституционных норм не соблюдаются – 34,0%
- Конституционные нормы практически не соблюдаются – 26,7%
- Затрудняюсь ответить – 19,8%

Самая немногочисленная группа опрошенных – 19,5% полагает, что большинство конституционных норм соблюдается (и гражданами и властью).

В её составе 22,8% тех, кто следит за политическими событиями, и 36,0%, знающих содержание Конституции. По социальным характеристикам эта группа «позитивистов» состоит из граждан среднего возраста; с высшим образованием; специалистов с высшим образованием; людей, имеющих достаток выше среднего и средний.

А вот две другие категории опрошенных относятся к категории «пессимистов». Их в общей сложности 60,7%. Это те, кто выбрал ответы: «Большинство конституционных норм не соблюдается» – 34,0%; «конституционные нормы практически не

соблюдаются» – 26,7%. В составе этой группы есть небольшие превышения над средним показателем тех, кто интересуется политическими событиями, – 67,7%, а также тех, кто лично Конституцию не читал, но имеет о ней общее представление – 72,7%. По остальным социально-демографическим характеристикам отличий от средних показателей по выборке не зафиксировано.

В рамках исследования 2011 года [9] изучался вопрос о важности и значимости для жителей Челябинской области прав и свобод, гарантированных Конституцией.

Практически все специалисты, изучающие Российскую Конституцию, отмечают, что её сильной стороной является блок статей по правам и свободам человека. Как показали ответы на вопрос: «Воспринимаете ли Вы лично Конституцию РФ как основу своих гражданских прав и свобод?» относительное большинство (48,5%) респондентов ответили утвердительно и чуть более трети (37,3%) отрицательно.

Кто делегируется в эти группы? Первая группа – «позитивистов» – в большей степени представлена информантами с высшим образованием – 48,3%. Это её единственная особенность. Однако следует учитывать, что она на 56,3% состоит из тех, кто следит за политическими событиями, и в её составе 66,7% тех, кто хорошо знает основные положения Конституции.

А вот группа «пессимистов» в своем составе имеет больше не интересующихся политическими событиями – 51% и тех, кто не представляет себе содержания Конституции – 63,3%.

В главе II Конституции в 48 статьях изложены права и свободы человека и гражданина. В ходе социологического исследования по инструментарию, предложенному рабочей группой Н.И. Лапина из Института социологии РАН, респондентам было предложено оценить, во-первых, важность 11 прав и свобод граждан, а, во-вторых, частоту нарушений этих прав и свобод. Данные ответов информантов сгруппированы в две таблицы.

Из данных таблицы, представляющей условно названными общественно-политические права и свободы, хорошо видно, что граждане более всего ценят право на равенство перед законом. По показателю «очень важно» значимость этой позиции выше, чем у идущих на втором и третьем месте, прав свободы слова и права народа на собственный язык и культуру более чем на 20%, 67,7% против 46,1% и 45,1%.

Самое низко востребованное право – «на свободу объединений, групп, союзов». Его считают важным только 17,1% опрошенных, что на 50,1% меньше, чем «право на равенство перед законом». Аналогичной будет картина, если укрупнить показатели и сравнить их по сумме параметров «очень важно» и «пожалуй важно», то получим следующее: «равенство перед законом» – 82,8%, а «свобода объединений» – 38,8%, т.е. степень различий уменьшается до 44%, но все равно остается большой.

Помимо значимости, важности прав и свобод, говорящих об их потенциальной востребованности гражданами в исследовании рассматривалась ситуация фактической реализации этих прав и свобод. На вопрос: «Сталкивались ли Вы с нарушениями следующих прав и свобод, как Вы поступали в таких случаях и с каким результатом завершилась эта ситуация?» была получена следующая группировка ответов (см. таблицу 2).

И вновь, как и в данных таблицы 1, сложнее всего выглядит возможность отстаивать право первенства перед законом – не удавалось это сделать 11,1%, хотя и граждан, сталкивающихся с нарушением прав и свобод, по этой позиции меньше, чем по другим – всего 59,4%. Чаще всего граждане сталкиваются с нарушением права на свободу слова – 64,5%.

Вторая группа прав и свобод условно названа нами «личностные права и свободы». Респонденты оценили их важность для себя (см. таблицу 3).

Следует обратить внимание на то, что усреднённый рейтинг важности «личностных прав и свобод» выше, чем в предыдущей группе. Особенно высоко оценивают такие права, как «право на труд»: важно – 86,3% и «право частной собственности» – 85,5%. Менее важным в данной группе оказались право на тайну личной переписки – 77%.

С нарушениями второй группы прав и свобод информанты сталкиваются примерно в тех же пропорциях, что и с первой. Однако в этой группе прав и свобод более выражена степень их защищаемости. Самым высоким показателем невозможности защитить свое право респонденты отметили право на труд.

Следует отметить, что принимаемые властью в последнее время решения не улучшают возможностей с реализацией прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией. Приведу два примера. Первый «...пример «последнего наступления на конституционные права – изменения в праве на медицинское обслуживание. «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь», –

Таблица 1

Степень важности общественно-политических прав и свобод гражданина

	Равенство перед законом	Свобода слова	Право народа на его собственный язык и культуру	Религиозные свободы и свобода совести	Право на эмиграцию	Свобода объединений, групп, союзов
Очень важно	68,7	45,1	46,1	36,5	30,7	17,1
Пожалуй, важно	14,1	31,3	23,1	26,1	17,9	21,7
ВАЖНО	82,8	76,4	69,2	62,6	48,6	38,8
Трудно сказать	5,5	8,7	12,4	15,7	21,1	29,2
Пожалуй, не важно	1,2	2,9	3,5	3,8	6,0	8,4
Совсем не важно	0,6	1,6	1,3	2,5	5,3	5,0
НЕ ВАЖНО	1,8	4,5	4,8	6,3	11,3	13,4
Не знаю	3,8	3,5	6,7	7,9	10,9	11,2
Отказ от ответа	6,1	6,8	6,9	7,5	8,1	7,4

Таблица 2

Оценка нарушений общественно-политических прав и свобод гражданина и перспектив отстоять их

	Равенство перед законом	Свобода объединений, групп, союзов	Право на эмиграцию	Религиозные свободы и свобода совести	Право народа на его собственный язык и культуру	Свобода слова
Не сталкивался с нарушением прав	52,4	57,7	61,3	62,0	63,3	64,5
Не пытался отстаивать нарушенные права	4,7	3,5	2,2	3,8	4,2	5,2
Чаще удавалось отстаивать нарушенные права	5,8	3,6	1,7	2,9	2,9	3,2
Чаще не удавалось отстаивать нарушенные права	6,1	1,5	1,4	2,2	1,6	2,2
Никогда не удавалось отстоять нарушенные права	5,0	1,5	1,6	2,4	1,5	1,8
НЕ УДАВАЛОСЬ ОТСТАИВАТЬ ПРАВА	11,1	3,0	3,0	4,6	3,1	4,0
Не знаю	10,8	16,4	13,8	12,2	12,5	9,2
Отказ от ответа	14,9	15,8	17,8	14,3	14,0	13,8

гласит Конституция. Практика выглядит иначе. В конце августа в Москве разразился скандал. Врачам столичной «скорой помощи» вдруг запретили госпитализировать больных, которых ещё недавно медики должны были доставлять в стационар. Это больные с приступом бронхиальной астмы – при средней степени, с хронической сердечно-сосудистой недостаточностью при кризе, с припадком эпилепсии, с температурой выше 39 градусов при инфекционных заболеваниях, с флегмоной и абсцессом без локализации на лице и шее. Все это – лишь повод отдать пациента под динамическое наблюдение в районную поликлинику, в том числе в отделение круглосуточной неотложной медицинской помощи, но не в больницу для обследования» [10].

Второй пример – из сферы образования. «...Каждый имеет право на образование. Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях», – говорится в Конституции. Но в регионах закрываются малопопулярные школы, признанные якобы неэффективными. По Росстату, количество школ в РФ сократилось с 2000 года более чем в полтора раза. Власти ссылаются на плохую демографию. А сами учителя думают, что причина закрытия школ – стремление урезать расходы на образование» [10].

Итак, кого же косвенно отнести к социальной базе Конституции России? Из совокупности всех приведённых позиций можно выделить те, которые характеризуют устойчивую положительную ориентацию респондента на Основной Закон Российской Федерации: во-первых, знающих нормы Конституции, во-вторых, ориентированных на то, что она соответствует действительности или считающих, что необходимо предпринимать шаги по изменению существующей действительности и приведению её в соответствие с нормами Конституции, и, в-третьих, считающих, что большинство конституционных норм соблюдается. Мы полагаем, что все эти признаки в своей совокупности и характеризуют социальную группу сторонников российской Конституции, то есть составляют её социальную базу. Однако респондентов, у которых совпадают все оцениваемые позиции, оказалось в выборке всего 9%. Эту часть социальной базы сторонников Конституции можно рассматривать как её ядро. Социальные характеристики этой группы таковы: в её составе больше женщин, людей среднего возраста, с высшим образованием, служащих со средним специальным образованием, руководителей предприятий, учреждений, предпринимателей, жителей города с материальным положением выше

Таблица 3

Степень важности личностных прав и свобод гражданина

	Право частной собственности	Право на образование и обучение	Право на труд	Право безопасности и защиты личности	Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т.д.
Очень важно	71,7	72,6	68,1	64,0	59,2
Пожалуй, важно	13,8	12,2	18,2	21,0	17,8
ВАЖНО	85,5	84,8	86,3	85,0	77,0
Трудно сказать	4,2	4,7	3,9	4,5	9,4
Пожалуй, не важно	0,9	0,6	0,7	0,8	2,0
Совсем не важно	0,0	0,6	0,5	0,3	1,8
НЕ ВАЖНО	0,9	1,2	1,2	1,1	3,8
Не знаю	3,4	3,4	3,0	3,0	3,7
Отказ от ответа	6,0	5,9	5,6	6,4	6,1

Оценка нарушений личных прав и свобод гражданина

	Право безопасности и защиты личности	Право на труд	Право частной собственности	Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т.д.-	Право на образование и обучение
Не сталкивался с нарушением прав	56,5	57,5	59,4	61,4	61,6
Не пытался отстаивать нарушенные права	6,4	5,8	3,9	4,1	5,4
Чаще удавалось отстаивать нарушенные права	7,9	6,8	6,6	3,9	4,5
Чаще не удавалось отстаивать нарушенные права	4,8	4,4	3,5	2,3	2,2
Никогда не удавалось отстоять нарушенные права	2,3	2,9	2,2	1,9	1,8
НЕ УДАВАЛОСЬ ОТСТАИВАТЬ ПРАВА	7,1	7,3	5,7	4,2	4,0
Не знаю	8,4	9,5	10,1	11,1	9,7
Отказ от ответа	13,8	13,1	14,5	15,2	14,7

среднего, считающих, что «денег на жизнь хватает, особо не экономим». Помимо ядра социальной базы, можно выделить ещё три группы, составляющие условную оболочку этого ядра. Самая многочисленная, но, видимо в плане осознанного поведения, самая «разряженная» часть оболочки, это граждане, объединённые двумя признаками – знающие и представители группы «социальных модернизаторов». К ней можно отнести 45% респондентов.

Второй по численности и более плотной частью оболочки являются те информанты, у которых совпадают два признака – знающие и ориентированные на соблюдение норм Конституции, то есть «позитивисты». Их в выборке 17,5%. Третья группа, наиболее приближенная к ядру, – это те, кто отнесён нами к группам с признаками «позитивисты» и «социальные модернизаторы». Их в выборке всего 10,6%, но эта группа уже практически часть ядра.

Подводя итог социологического анализа социальной базы граждан, ориентированных на то, чтобы жить по нормам Российской Конституции, которые являются для них ценностями и нормами повседневной жизни, следует отметить, что с учё-

том различных параметров к социальной базе, на которую опирается действующая Конституция, можно отнести от 20% до 55% жителей крупного промышленного города.

1. Барихин, А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь [Текст] / А.Б. Барихин. М.: Книжный мир, 2006

2. Бутусова, Н.В. О модернизации российской Конституции (цели, задачи, пути осуществления) [Текст] / Н.В. Бутусова // Конституционное и муниципальное право. № 1. 2013

3. Итоги всенародного голосования по принятию проекта Конституции Российской Федерации. Центральная избирательная комиссия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cikrf.ru/vib_arhiv/referendum/index.jsp (дата обращения: 03.12.2013 г.)

4. Клямкин, И. В Конституции не должно быть места для вождя [Текст] / И. Клямкин, М. Краснов, Л. Шевцова // Новая газета. 2012. 11 января. № 1

5. Кудинов О.П., Шпилов Г.А. Диалектика выборов. М.: ЗАО ПО «Мастер». 1997

6. Мнение жителей города Челябинска о Конституции Российской Федерации. Данные социологического опроса населения, проведённого лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС. Опрос проведён в период с 26 по 28 октября 2013 года, на территории города Челябинска. Опрошено 600 респондентов. Статистическая погрешность в выборке: ±4%. [Электронный ресурс]. URL: <http://rane74>.

ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEMENT_ID=8106 (дата обращения: 03.12.2013 г.)

7. Наумов, С.Ю. Российский конституционный процесс: история и современность [Текст] С.Ю. Наумов // Власть. 2013. № 10

8. Пастухов, В.Б. У конституционной черты... Вызовы и ответы российского конституционализма [Текст] / В.Б. Пастухов // Полис. 2013. № 1

9. Социокультурный портрет Челябинской области. Данные социологического опроса населения, проведённого лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС. Опрос проведён в июле-августе 2011 года, на территории Челябинской области. Опрошена 1000 респондентов. Статистическая погрешность в выборке: ± 3%. [Электронный ресурс]. URL: http://rane74.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEMENT_ID=2419 (дата обращения: 03.12.2013 г.)

10. У россиян все меньше конституционных прав [Текст] // Независимая газета. 2013. 9 сентября

1. Barihin, A.B. bol'shoj juridicheskij jenciklopedicheskij slovar' [Текст] / A.B. Barihin. M.: Knizhnyj mir, 2006 (Russian).

2. Butusova, N.V. O modernizacii rossijskoj Konstitucii (celi, zadachi, puti osushhestvlenija) [Текст] / N.V. Butusova // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. № 1. 2013 (Russian).

3. Itogi vsenarodnogo golosovanija po prinjatiju proekta Konstitucii Rossijskoj Federacii. Central'naja izbiratel'naja komissija. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.cikrf.ru/vib_arhiv/referendum/index.jsp (data obrashhenija: 03.12.2013 g.) (Russian).

4. Kljamkin, I. V Konstitucii ne dolzhno byt' mesta dlja vozhdja [Текст] / I. Kljamkin, M. Krasnov, L. Shevcova // Novaja gazeta. 2012. 11 janvarja. № 1 (Russian).

5. Kudinov O.P., Shpilov G.A. Dialektika vyborov. M.: ZAO PO «Master». 1997 (Russian).

6. Mnenie zhitelej goroda Cheljabinska o Konstitucii Rossijskoj Federacii. Dannye sociologicheskogo oprosa naselenija, provedjonnogo laboratoriej prikladnoj politologii i sociologii Cheljabinskogo filiala RANHiGS. Opros provedjon v period s 26 po 28 oktjabrja 2013 goda, na territorii goroda Cheljabinska. Oprosheno 600 respondentov. Statisticheskaja pogreshnost' v vyborke: +4%. [Elektronnyj resurs]. URL: http://rane74.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEMENT_ID=8106 (data obrashhenija: 03.12.2013 g.) (Russian).

7. Naumov, S.Ju. Rossijskij konstitucionnyj process: istorija i sovremennost' [Текст] S.Ju. Naumov // Vlast'. 2013. № 10 (Russian).

8. Pastuhov, V.B. U konstitucionnoj cherty... Vyzovy i otvety rossijskogo konstitucionalizma [Текст] / V.B. Pastuhov // Polis. 2013. № 1 (Russian).

9. Sociokul'turnyj portret Cheljabinskoj oblasti. Dannye sociologicheskogo oprosa naselenija, provedjonnogo laboratoriej prikladnoj politologii i sociologii Cheljabinskogo filiala RANHiGS. Opros provedjon v ijule-avguste 2011 goda, na territorii Cheljabinskoj oblasti. Oprosheno 1000 respondentov. Statisticheskaja pogreshnost' v vyborke: + 3%. [Elektronnyj resurs]. URL: http://rane74.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEMENT_ID=2419 (data obrashhenija: 03.12.2013 g.) (Russian).

10. U rossijan vse men'she konstitucionnyh prav [Текст] // Nezavisimaja gazeta. 2013. 9 sentjabrja (Russian).

UDC 329.019.5

20 YEARS OF FORMING POLITICAL AND SOCIAL BASIS OF CONSTITUTION OF RUSSIA: PRELIMINARY RESULTS

Zyrianov Sergey Grigoryevich,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Director, Doctor of Political Sciences, Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: director@rane74.ru

Annotation

The article considers and analyzes attitude of the citizens of modern Russia towards Constitution. Special attention is given to such aspects as apprehension of Constitutional norms, estimation of its role in citizens' lives, correspondence of its norms to today's socio-political realias. The author gives characteristic to the social basis of the supporters of Constitution of modern Russia.

Key concepts:

Constitution, social basis, political awareness, apprehension of Constitutional norms, attitude to Constitutional norms.

УДК 323.212

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ КАК ИНСТИТУТЫ МОНИТОРИНГОВОЙ ДЕМОКРАТИИ? ОПЫТ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Сунгуров Александр Юрьевич,
Национальный исследовательский
университет – Высшая школа экономики,
Санкт-Петербургский филиал,
заведующий кафедрой
прикладной политологии,
доктор политических наук,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: asungurov@mail.ru

Аннотация

В статье представлены результаты исследования развития общественно-консультативных структур в Краснодарском крае в марте 2013 года. Использовались материалы, полученные в ходе четырнадцати экспертных интервью с респондентами из различных социальных групп, а также фокус-группы. Выявлена высокая роль личностного фактора как руководителей государственных органов, при которых созданы советы, так и лидеров этих советов в степени их эффективности.

Ключевые понятия:
общественные советы,
гражданское общество,
власть.

Современное государство не может выстраивать свою политику без взаимодействия с общественными организациями различного типа, и это взаимодействие может принимать различные институциональные формы. Начиная с середины прошлого десятилетия, в России все большее развитие получили общественно-консультативные советы различного типа, включая Общественные палаты, образованные по специальным законам, и общественные советы при министерствах исполнительной власти и их региональных подразделений. Часто их создание трактовалось исследователями как имитация реального диалога власти и общества [9; 10], с другой стороны, эти общественные советы могут оказаться частью новых форм взаимодействия, проявляющихся в процессе развития мониторинговой демократии, концепции, развиваемой сегодня Джоном Кином [4]. Среди таких мониторинговых институтов Джон Кин рассматривает такие формы, как публичные консультативные комиссии, гражданские ассамблеи, фабрики мысли, мозговые тресты, независимые публичные расследования [11]. Совсем недавно в Москве защищена диссертация, посвященная анализу деятельности общественных советов при структурах федеральной исполнительной власти [1].

Краснодарский край как объект исследования был выбран нами как регион, в котором вплоть до осени 2013 года не было создано Общественной палаты края, хотя в нем достаточно хорошо для юга России развиты структуры гражданского общества [2], а также имеются разнообразные общественные советы при краевых агентствах исполнительной власти, включая и совет при губернаторе Краснодарского края по развитию гражданского общества и правам человека (далее – просто совет). Эта публикация является также продолжением анализа аналогичных структур в других регионах России – в Санкт-Петербурге, в Нижегородской, Саратовской и других областях [7; 8].

В рамках экспертной поездки в Краснодар в середине марта 2013 года было проведено четырнадцать полуструктурированных экспертных интервью с представителями четырех групп респондентов – сотрудниками власти, представителями общественных организаций, СМИ и научного сообщества, а также была проведена фокус-группа, члены которой также представляли четыре упомянутых выше группы респондентов. При анализе текстов расшифрованных экспертных интервью и фокус-групп использовался метод «категориальной схемы анализа содержания» [5].

Краснодарский край является регионом, где проявились и проявляются самые различные тенденции общественно-политической жизни страны. Наличие развитого аграрного сектора и плодородной земли, с одной стороны, а с другой – курортов Черноморского побережья позволяли определять край как и «житницу» и «здравницу» одновременно. С другой стороны, именно в этом регионе уже в брежневские времена существовал высокий уровень коррупции.

В годы перестройки и в начале 90-х годов Краснодар был, по-видимому, самым ярким центром демократического движения на юге России. Политическая жизнь того времени была достаточно бурной – с 1991 по 1996 год в крае сменились три руководителя краевой администрации – В.Н. Дьяконов, Н.Д. Егоров, Е.М. Харитонов и снова Н.Д. Егоров (последний в промежутке 1994–1995 гг. был министром РФ по делам национальностей и региональной политики). В 1996 году на выборах губернатора края уверенную победу одержал Н.И. Кондратенко, опиравшийся на созданное им ранее движение «Отечество», в состав которого вошли коммунистические и национал-патриотические партии и движения, действующие на территории края. Его популистские манеры привлекли многих избирателей, и в последние годы прошлого века он был одним из наиболее ярких и харизматических лидеров юга России, в народе его называли «батько Кондрат». Одновременно он был одним из наиболее высокопоставленных руководителей, открыто исповедующих радикальные антисемитские идеи [3]. В 1999 году под давлением федерального центра он не стал баллотироваться на второй срок на должность губернатора края и поддержал кандидатуру 40-летнего А.Н. Ткачева.

А.Н. Ткачев и сегодня, в июле 2013 года, продолжает руководить краем. В самом начале ему удалось в определенной мере найти баланс между сторонниками «батьки Кондрата» и представителями демократической общественности края и интеллигенции Краснодара. Одним из его удачных ходов стало приглашение на должность заместителя губернатора, курирующего внутреннюю политику, близкого ему по возрасту М.К. Ахеджака, лидера краевого «Яблока» и представителя знатного адыгейского рода.

Предшественник совета при губернаторе – комиссия по правам человека при губернаторе края – была создана еще в 1996–1997 гг., однако она существовала в значительной степени формально и в 2000–2001 годах была существенно реформирована.

Именно тогда в ее состав вошел ряд ярких лидеров общественных, в том числе и правозащитных, организаций. Ответственным секретарем комиссии стал П.В. Ишевский, член Краснодарской общественной организации по защите прав человека, который, оставаясь частью политического истеблишмента края, все же существенный лучше понимал специфику деятельности правозащитных и других общественных организаций.

Один из членов совета при губернаторе, начавшая работать еще в комиссии по правам человека, так описывает свое вхождение в эту структуру: «Меня туда пригласили. Ответственный секретарь комиссии меня пригласил, и я согласилась. Тогда это был Ишевский Петр Васильевич. Мы тогда вели очень активную правозащитную деятельность, совместно с московскими правозащитниками, писали доклады, поэтому наша деятельность была на виду. Так, мы проводили турниры – игру по Конвенции по правам ребенка, сами ее разработали, – то есть я думаю, что меня туда позвали за такую активность»

Эта комиссия работала до 2004 года, став, в частности, одним из организационных центров продвижения в крае института уполномоченного по правам человека. Избранный в мае 2002 года на этот пост А.Г. Козицкий стал первым уполномоченным по правам человека на Северном Кавказе. Как известно, в этом году по инициативе Э.А. Памфиловой, комиссия по правам человека при Президенте РФ, которую она возглавляла с 2002 года, была трансформирована в совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. По этому примеру в ряде (но далеко не во всех) регионах России комиссии по правам человека были преобразованы в аналогичные советы при губернаторах (или президентах). Одним из аргументов в пользу такого преобразования на федеральном уровне было наличие к этому времени института уполномоченного по правам человека, которому передавались теперь функции работы с конкретными жалобами и обращениями. В Краснодаре же такой институт уже действовал с 2002 года.

Совет при губернаторе Краснодарского края по развитию институтов гражданского общества и правам человека, созданный распоряжением губернатора в 2005 году, работает уже восемь лет (далее – совет). С самого начала совет возглавили и вплоть до апреля 2013 года им руководили два человека. Это председатель совета, председатель Краснодарской региональной просветитель-

ской организации общества «Знание» России, д.и.н. А.А. Зайцев и его заместитель, директор программ Южного регионального ресурсного центра, профессор Кубанского университета д.полит.н. М.В. Савва. В каждой организации, включая и советы при органах власти, важную роль играют первые лица. Ни желая никак принизить роль председателя совета А.А. Зайцева, стоит все же отметить, что ведущую роль «генератора идей» и «возмутителя спокойствия» в этом совете играл все же М.В. Савва. Прежде всего, потому что он имеет большой опыт работы как в органах государственной власти и МСУ, так и в некоммерческом секторе, и в академическом сообществе.

Так, в девяностые годы он работал начальником управления по делам национальностей, региональной политике и миграции администрации Краснодарского края, а затем после перехода Н.Д. Егорова на федеральный уровень – в течение года был начальником департамента по делам национальностей Министерства РФ по делам национальностей и региональной политике. В 1995–1996 он – заместитель главы администрации Краснодарского края – представитель администрации в Законодательном Собрании края. После избрания Н.И. Кондратенко губернатором он переходит на муниципальный уровень, работая до начала 2001 года начальником управления по делам общественных и межрегиональных связей мэрии Краснодара, а затем вплоть до настоящего времени – директором программ Южного регионального ресурсного центра (ЮРРЦ). Начиная с 1996 года он преподает также в Кубанском госуниверситете, защищает докторскую диссертацию, участвует в Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов EAWARN под руководством директора Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, академика РАН В.А. Тишкова.

Как сообщил в своем интервью сам М.В. Савва, ему в 2005 году предложили стать членом этого совета и заместителем председателя. Произошло это, по его предположению, из-за его давних товарищеских связей с некоторыми сотрудниками администрации края. В итоге сложился его многолетний тандем с А.А. Зайцевым, человеком в этот период существенно более «системным» для краевой администрации, но при этом хорошо понимающим М.В.Савву и поддерживающим многие его инициативы, сглаживая при этом «острые углы» и проявляя необходимую дипломатичность.

Что же удалось сделать совету при губернаторе за восемь лет его деятельности? Логично начать рассмотрение с высказываний председателя совета и его заместителя. Так, А.А. Зайцев считает, что «прежде всего, удалось инициировать Закон об Общественной палате. Во-вторых, удалось довести его до принятия, до этого порядка двух лет он рассматривался Законодательным Собранием и был принят в третьем чтении. И когда все причины отсрочки будут устранены, мы хотели бы поучаствовать в создании Общественной палаты. Мы на протяжении этих лет, по сути, выполняли функции этой Общественной палаты. Постоянно шла ротация членов совета: их было 25 в первоначальном составе, и за эти 7 лет через него прошли порядка 40 человек. Причем это абсолютно разные общественные организации, не обязательно те, что на виду: Детский фонд, Красный Крест... По сути, управление по взаимодействию с общественными мнениями взаимодействует с советом. Совет взаимодействует с организациями. Мы – посредник, в хорошем смысле этого слова. Далее, совет с 2007 года готовит доклады о состоянии гражданского общества, что для совета не характерно – обычно Общественная палата готовит доклады. Мы взяли на себя эту миссию – ежегодно готовить доклады».

М.В. Савва, в свою очередь считает, что «удалось поставить и даже решить несколько достаточно важных, на мой взгляд, вопросов для гражданского общества. Это, например, вопрос о механизмах конкурсного распределения средств, поддержки деятельности некоммерческих организаций. Мы постоянно этим занимались, для того чтобы механизмы стали внятными и прозрачными, чтобы чиновники не тиражировали в этих конкурсах привычные для себя схемы распределения денег. Не могу сказать, что эта проблема решена на 100 %, но прошедший в 2012 году грантовый конкурс, точнее конкурс безвозмездных субсидий администрации края на деньги Минэкономики России, на мой взгляд, был качественным конкурсом по результатам отбора... Если снова говорить о том, что удалось, то в прошлом году удалось справиться с одной очень серьезной проблемой, когда в Анапе сотрудники местной администрации и депутаты Совета депутатов не пустили людей на публичные слушания по итогам выполнения бюджета прошлого года. На мой взгляд, это вопиющий факт наглости власти, когда пришедшим местным гражданским активистам было заявлено, что все места в зале уже заняты и их не пустят. Пришлось формировать спе-

циальную рабочую группу общественного совета при губернаторе, которая выехала в Анапу, провела несколько тяжелых рабочих встреч, в итоге были приняты рекомендации об изменении порядка проведения публичных слушаний, но, в конечном счете, это закончилось отставкой главы Анапы. И выборы нового главы уже состоятся в марте этого года. Безусловно, роль Общественного совета не была главным фактором в ее отставке, но, на мой взгляд, это было одним из факторов. Т.е. совет, к счастью, хотя бы не боится ставить острые вопросы. Уж как они рассматриваются большинством членов совета – это другое дело, но для Краснодарского края с его очень жестким политическим режимом даже сама постановка острых вопросов официальным консультативным органом при губернаторе уже является чем-то выдающимся».

Еще один член совета, работающий в его составе с момента его основания, дополняет своих коллег, поддерживая по сути тезис А.А.Зайцева о медиаторской функции совета: «На практике это как раз и есть институт-медиатор, посредник. На заседания Общественного совета – ну это 25 или 26 человек, – это представители активно работающих общественных организаций, и они ставят вопросы, которые действительно актуальны для общественных организаций. На заседаниях присутствует обязательно кто-то из представителей администрации Краснодарского края. Таким образом, это такой канал передачи информации для чиновников, которые работают в управлении по взаимодействию с общественными организациями – и они таким образом получают информацию «из первых рук»... Мы всегда чувствуем, что информация доходит и каким-то образом влияет на поведение губернатора... Так, в совете мы обсуждали несколько законопроектов, и на общественные слушания по бюджету мы выносили, и это было отражено и в бюджете, и при создании краевых целевых программ, например, поддержки гражданского общества».

С другой стороны, и сами ответственные сотрудники краевой власти, в целом высоко оценивая работу совета при губернаторе, видят и резервы в его работе: «То, что совет есть, это уже достижение. И то, что они двигаются в сторону качественной работы, это очевидно. Понятно, что экспертов и так немного в стране, а в регионах еще меньше. Но мы стремимся делать более понятной для публики и для власти ежегодный отчет, и специально привлекли внешних экспертов. Я могу оценивать тот год, который я вижу.

Я считаю, что нет еще единой стратегии: это не только переговорная площадка между гражданским обществом и властью, но это еще и площадка по развитию гражданского общества. Сейчас у нас по аналогии с Общественной палатой РФ созданы комиссии, но если взять план деятельности этих комиссий, то из того плана не сделано ничего на момент, когда я проверяла (полгода уже прошло). Хотя при этом деятельность есть. Эффективность работы нужно повышать в первую очередь».

Уполномоченный по правам человека в Краснодарском крае А.Г. Козицкий на вопрос о том, выполняет ли совет какие-то функции Общественной палаты ответил так: «Только некоторые элементы и там, где не надо. Через совет может быть проведена какая-либо кандидатура, которая навязывается от имени совета. Так формировался УНК второго созыва. Когда не понятно, как человек десять, в данный момент не работающих активно, были включены по принципу, что должны быть там «наши люди». Хотя на начальном этапе, когда мы еще не говорили об Общественной палате, трансформировали ее из комиссии, которая рассматривала жалобы, и мы друг другу не мешали. И я всегда говорил, что на уровне региона может существовать и уполномоченный, и специализированный уполномоченный, и комиссия по правам человека. Но когда комиссия преобразовалась в совет, многие функции были просто утрачены. Они ежегодно издают доклад (который никто не читает); есть ряд инициатив, которые патронирует совет: это работа по благотворительности, работа с многодетными семьями, благотворительные концерты. И то это благодаря тому, что многие члены совета выступают в двух ипостасях: как член благотворительной организации, профессор и т.д. Никакой инициативы, где бы они проявили оппозицию или заявили о ней, нет».

Эту же особенность – использование властью совета в своих целях – отмечают и журналисты: «Конечно же, его иногда используют, например, когда власть хочет показать общественность. Вот, например, эта дурацкая кампания по моральному осуждению «Пусси Райт». Так этот общественный совет был главной единицей, который организовывал все эти митинги и так далее. Более того, чиновники тихо стояли в стороне, делали вид, что их там нету... Ну, видимо, здесь какая-то взаимовыгода – что мы какие-то ваши идеи слышим, а вы нам помогите... Савва в этом не участвовал. Он придерживается своих либеральных взглядов и

в антилиберальных акциях не будет участвовать. У него масса командировок, чтобы уйти от них. Он вправе не участвовать, никто тебя за это прижимать не будет. А Андрей Зайцев даже вел этот митинг, ни много ни мало». Однако этот же респондент признает и положительную роль совета при губернаторе – «тот же Миша Савва троллил тему «Когда будет губернаторское послание?» – и вот впервые за много лет оно у нас было».

Другие журналисты придерживаются более негативного взгляда на деятельность совета при губернаторе: «В совет вошли определенные люди, и с точки зрения представительства интересов он довольно таки сомнителен. Власть подбирала общественников из числа удобных. Даже в таком формате совет собирается, насколько мне известно, нерегулярно, там есть внутренние распри, и говорить о том, что совет работает и представляет интересы общественности, – я бы так не сказала. Доклады же их не представляют никакого интереса и искажают положение вещей в крае».

Анализируя состав совета при губернаторе, мы видим, что многие его члены входят одновременно и в еще целый ряд общественных советов при краевых представительных различных федеральных структур исполнительной власти. С одной стороны, это помогает координации работы во всех этих советах и, встречаясь в рамках совета при губернаторе, его члены координируют в определенной степени работу советов при территориальных управлениях федеральных структур. С другой стороны, вся эта система становится своеобразным клубом для пары десятков «записных» общественников, и сама работа в совете становится удобным местом для встреч лидеров ряда сильных НКО. Это подтверждают и участники фокус-группы: «Во-первых, очень важно его сохранить, чтобы он оставался как переговорная площадка, как экспертная площадка. Очень многие коллеги, я знаю, воспринимают наш совет как клуб, куда мы приходим, чтобы пообщаться друг с другом, обменяться новостями, потому что при всем высоком уровне развития в Краснодаре интернет-сообщества все-таки личного общения никто не отменял».

Как же отзываются респонденты интервью и участники фокус-группы о работе других общественных советов? Остановимся прежде всего на общественном совете при Краснодарском ГУВД, начальником которого с 2001 по 2010 год был С.А. Кучерук. При ГУВД был создан общественный совет, председателем которого стал тогда М.В.Савва. Как сказал один из участников фокус-груп-

пы, «он продвигал совершенно серьезные грамотные инициативы, и с Кучеруком у них была большая связка, он убедил Кучерука, какая польза будет от работы общественного совета при ГУВД. И когда потом эта работа на нашем совете при губернаторе докладывалась, мы говорили – давай, какая вам нужна помощь». Однако в 2010 году, после трагедии в Куцевке С.А. Кучерук был отправлен в отставку, и на его место пришел другой человек, по-другому смотрящий на задачи совета. Вот как комментирует это различие эксперт, член совета: «Если в предыдущем составе совета инициатива исходила от членов совета, мы могли указать на какие-то проблемные точки, их обсудить и предложить рекомендации по их разрешению, то этот совет совсем иной. Изменилось руководство ГУВД, там другой человек и, соответственно, иной стиль работы, все инициативы исходят от Управления или еще выше – от Министерства внутренних дел. То есть поступает какая-то депеша, и на уровне края ее отработывают».

А вот позиция самого М.В. Саввы: «Совет при ГУВД, который был расформирован в 2011 году, этот процесс имел характер «чистки», там фактически не осталось правозащитников. После конфликта, который был у этого совета с руководством ГУВД на тему о механизмах проведения аттестации при переходе из милиции в полицию, совет был фактически разогнан и восстановлен, я бы сказал, в жалком варианте, недееспособном по моей оценке. Я был председателем этого совета, Совет работал достаточно конструктивно, у нас не возникало публичных конфликтных ситуаций. Но точкой бифуркации стала аттестация при переходе из милиции в полицию. В приказе министра внутренних дел сказано, что к участию в аттестации привлекаются члены общественных советов. И, к сожалению, руководство ГУВД восприняло это следующим образом: они будут определять, кто из членов совета примет участие в аттестации, не учитывая никакие рекомендации самого совета. После моего протеста совет в прежнем составе был просто ликвидирован».

Другой пример – совет при краевом Следственном комитете, членом которого является один из участников фокус-группы: «И совет, где я являюсь членом. Сам пригласил, товарищ Ткачев, руководитель Следственного комитета по Краснодарскому краю. Я потом выяснял – почему? Руководители нескольких газет, казачий хор, батюшки там...и погоновожатый, и уполномоченные по правам человека и по правам ребен-

ка. – Типа сказали: ты там старый демократ, правозащитник... Почему? А по кочану! Он работает совсем по-другому, и он не имитация! Там бывший прокурор края, два декана факультетов. У них потенциал. Они пробуют с помощью этих аксакалов что-то сделать с этими следователями, ребятами совершенно молодыми... Потому что все опытные старики остались в прокуратуре».

И приведем фрагмент еще одного интервью – с предпринимателем, председателем общественного совета при краевой ФМС «Началось с того, что у меня возникла идея, что те люди, которые много пишут про ФМС негатива, справедливого во многом негатива, – почему бы этих людей в этот совет не включить, чтобы этот негатив выливался на руководство ФМС. Ну и, соответственно, несколько таких человек были приглашены, в том числе и Михаил Савва, кстати, и это немаложко поддало жару. Кроме того, каждый из членов совета имеет свой круг общения с людьми, в итоге возникает определенная база информации, на основании которой мы делаем представления руководству ФМС, и это самое важное и интересное, то есть обратная связь есть. ...Наш начальник... в общем, в Краснодаре реально был ужас, когда он пришел – это было пару или тройку лет назад, здесь были налажены такие схемы вымогательства, – он старается эти схемы разгонять. Также существенным является тот факт, что к нам на согласование идут все кандидаты на руководящие должности... не так часто, но у нас бывают отрицательные отзывы, которые в общем учитываются».

Подводя итоги, мы видим, что во многих случаях в общественных советах идет реальная работа, реализуется обратная связь с населением, и исполнительная власть начинает работать лучше. В то же время при существующем характере формирования этих советов все зависит от доброй воли их руководителей. Меняется руководитель, как это произошло в краевом ГУВД, и стиль, как и персональный состав совета может диаметрально измениться.

Второй вывод связан также с ролью личности – случае личности с опытом работы и во власти, включая уровень вице-губернатора и начальника департамента федерального министерства, и в науке, и в гражданской организации – речь идет о профессоре М.В.Савве, о котором упоминали почти две трети респондентов, говоря о работе различных общественных советов. И в этом плане, на наш взгляд, задача власти – очень бережно относиться к таким людям, медиаторам по призванию и способностям. В случае

же с Краснодарским краем ситуация вскоре после нашей экспертной поездки разворачивалась иначе – уже в начале апреля 2013 года он был выведен из состава совета при губернаторе, а вскоре, после публичного протеста против методов, с помощью которых в крае начались прокурорские проверки НКО, сам был арестован по обвинению в мошенничестве при реализации гранта краевой администрации и остается за решеткой и в ноябре 2013 года, когда заканчивалась подготовка этого текста. Но это уже другая история, которая должна стать предметом отдельного анализа.

1. Гарифуллина, Г.А. Совещательные органы при федеральных органах исполнительной власти в России: состав и функции [Текст] / Г.А. Гарифуллина. Автореф. дисс. канд. полит. н.: 23.00.02 / НИУ ВШЭ. М., 2012. 25 с.

2. Киселева, А.А. Роль некоммерческих организаций в формировании и развитии гражданского общества в России (на примере Краснодарского края) [Текст] / А.А. Киселева. Автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2008. 27 с.

3. Минц С.С. Борьба с сионизмом на Кубани // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 169–177.

4. Перегудов, С.П. Рецензия на книгу: Keane John. The Life and Death of Democracy, London e.a.: The End Company, 2009. 958 p. // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 1–2. С. 171.

5. Пацельт, Вернер Й. Методы политической науки [Текст] / Вернер Й. Пацельт // Методологические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. Комментированное введение / Сост. Н. Конеген и К.Шуберт. М.: РОССПЭН. 2004. С. 133–165.

6. Савва М.В. Цивилизованные нормы средневековья [Электронный ресурс] / М.В. Савва / Независимый информационный портал Регион online, 9 апреля 2013 г. URL: <http://news-r.ru/news/analytics/10347/> (дата обращения: 13.11.2013).

7. Сунгуров, А.Ю. Институты-медиаторы в современной России: случай Саратовской области [Текст] / А.Ю. Сунгуров // Политэкс. 2012. Т. 8. № 4. С. 142–162.

8. Сунгуров, А.Ю. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. 1. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт [Текст] / А.Ю. Сунгуров, О.С. Захарова, Л.А. Петрова, Н.П. Распопов // Политические исследования. 2012. № 1. С. 165–178.

9. Тарасенко, А.В. Деятельность общественных палат в регионах России: эффективность vs фиктивность [Текст] / А.В. Тарасенко // Полития. 2010. № 1 (56). С. 80–88.

10. Чернышов, Ю.Г. Общественная палата: «симулякр», или Институт гражданского общества в России? [Текст] / Ю.Г. Чернышов // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М.: Российская ассоциация политической науки; РОССПЭН, 2008. С. 33–43.

11. John Keane. Monitoring Democracy? Paper prepared for the ESRC Seminar Series, 'Emergent Publics', The Open University, Milton Keynes, 13th–14th March 2008.

1. Garifullina, G.A. Soveshhatel'nye organy pri federal'nyh organah ispolnitel'noj vlasti v Rossii: sostav i funkcii [Tekst] / G.A. Garifullina. Avtoref. diss. kand. polit. n.: 23.00.02 / NIU VShJe. M., 2012. 25 s. (Russian).

2. Kiseleva, A.A. Rol' nekommercheskih organizacij v formirovanii i razvitii grazhdanskogo obshhestva v Rossii (na primere Krasnodarskogo kraja) [Tekst] / A.A. Kiseleva. Avtoref. dis. kand. polit. nauk: 23.00.02 / Kubanskij gos. un-t. Krasnodar, 2008. 27 s. (Russian).

3. Minc C.S. Bor'ba s sionizmom na Kubani // Sociologicheskij zhurnal. 2000. № 3–4. S. 169–177 (Russian).

4. Peregudov, S.P. Recenzija na knigu: Keane John. The Life and Death of Democracy, London e.a.: The End Company, 2009. 958 p. // Pro et Contra. 2011. T. 15. № 1–2. S. 171 (Russian).

5. Pacel't, Verner J. Metody politicheskoy nauki [Tekst] / Verner J. Pacel't // Metodologicheskie podhody politologicheskogo issledovanija i metateoreticheskie osnovy politicheskoy teorii. Kommentirovannoe vvedenie / Sost. N. Konegen i K. Shubert. M.: ROSSPJeN. 2004. S. 133–165 (Russian).

6. Savva M.V. Civilizovannye normy srednevekov'ja [Elektronnyj resurs] / M.V. Savva / Nezavisimyj informacionnyj portal Region on-line, 9 aprelja 2013 g. URL: <http://news-r.ru/news/analytics/10347/> (data obrashhenija: 13.11.2013) (Russian).

7. Sungurov, A.Ju. Instituty–mediatory v sovremennoj Rossii: sluchaj Saratovskoj oblasti [Tekst] / A.Ju. Sungurov // Politjeks. 2012. T. 8. № 4. S. 142–162 (Russian).

8. Sungurov, A.Ju. Instituty–mediatory i ih razvitie v sovremennoj Rossii. 1. Obshhestvennye palaty i konsul'tativnye sovery: federal'nyj i regional'nyj opyt [Tekst] / A.Ju. Sungurov, O.S. Zaharova, L.A. Petrova, N.P. Raspopov // Politicheskie issledovanija. 2012. № 1. S. 165–178 (Russian).

9. Tarasenko, A.V. Dejatel'nost' obshhestvennyh palat v regionah Rossii: jeffektivnost' vs fiktivnost' [Tekst] / A.V. Tarasenko // Politija. 2010. № 1 (56). S. 80–88 (Russian).

10. Chernyshov, Ju.G. Obshhestvennaja palata: «simuljakr» ili institut grazhdanskogo obshhestva v Rossii? [Tekst] / Ju.G. Chernyshov // Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshhestvo i vlast': opyt razvitija i vzaimodejstvija. M.: Rossijskaja asociacija politicheskoy nauki; ROSSPJeN, 2008. S. 33–43 (Russian).

11. John Keane. Monitoring Democracy? Paper prepared for the ESRC Seminar Series, 'Emergent Publics', The Open University, Milton Keynes, 13th–14th March 2008 (English).

UDC 323. 212

SOCIAL COUNCILS AS INSTITUTES OF SURVEILLANCE DEMOCRACY? EXPERIENCE OF KRASNODAR KRAI

Sungurov Alexander Yurievich,

National Research University –
Higher School of Economics,
Saint Petersburg Branch,
Head of the Chair
of Applied Politology,
Doctor of Political Sciences,
Saint Petersburg, Russia.
E-mail: asungurov@mail.ru

Annotation

The article presents the results of the research of the development of public advisory framework in Krasnodar Krai in March 2013. The author uses the materials, obtained in the course of fourteen expert interviews with respondents from different social groups, including focus-groups. The author reveals a great role of personal factor both of leaders of government bodies and leaders of councils in the degree of their effectiveness.

Key concepts:

Social councils,
civil society,
power.

UDC 327

NATION BRANDING AND RUSSIAN FOREIGN POLICY

Greg Simons,

Uppsala University,
PhD,
Uppsala, Sweden.

E-mail: greg.simons@eurasia.uu.se

Annotation

The process of globalisation has made the concept of nation brand an important one in the current context. This ensures that there is intense competition among countries for attention, respect and trust in order to achieve their policy goals and objectives. One of the means to try and market a country in the international competition is via the use of nation branding [Marsh & Fawcett, 2011: 517; Fan, 2008; Stock, 2009; Szondi, 2010]. The concept of nation branding has become popular, but some have argued how can a nation be marketed like some kind of product [O'Shaughnessy & O'Shaughnessy, 2000; Seib (a), 2009]? A combination of the increasing competition between different countries and advances in new communication technologies is ensuring a much more interactive communication between governments and foreign publics [Wang, 2005; L'Etang, 2009; Szondi, 2010].

As pointed out by Ying Fan, nation brand and nation branding are two different things. A nation may already have a brand, regardless whether branding is taking place or not [Fan, 2006]. This is formed by the nature of information generated about that nation, the stereotypes and opinions held by publics. Branding may take place to try and reform, repair, enhance or remake the existing image in order for the country in question to be viewed as being more attractive and competitive. Nation branding can be seen as a form of cure or panacea for something that is 'wrong' with a country's image [Fan, 2006].

However, nation branding is not something that is easily undertaken. It needs to take the sum of all of a country's parts into account and get them aligned to a simple and appealing message that resonates with the target audience. Since the mid-2000s, Russia has joined the list of countries that seek to use nation branding to fulfil politically determined and directed national ambitions [Simons, 2011]. How does Russia use nation branding, and what ends is this intended to serve? What are the tangible resources that are exploited to brand the country?

Before embarking on answering this question, stock needs to be taken of the current debate on nation branding. This is an increasingly common term and practice, but is not necessarily commonly understood. The foundations of the concept and practice of nation branding are discussed. Soft power forms the subject of the next section. Issues of a definition and the significance of soft power are outlined. This is then connected to the 2013 Concept of Foreign Policy of the Russian Federation. The ambitions and goals of the document are connected with the practice of nation branding and the desire for accumulating soft power. Different attempts at nation branding by the Russian Federation are detailed, and how these are connected with the understanding of soft power (and what purpose this serves).

Key concepts:

brand,
nation branding,
international reputation,
Russian Federation,
public diplomacy,
national identity,
reference point,
image, soft power,
foreign policy,
global arena,
Putin V.V.,
Valday forum.

Nation Branding and International Reputation

Globalisation has stimulated an intense competition among countries, where the issue of nation brand is a central consideration. Two broad types of nation branding can take place – promise branding and re-branding. Promise branding involves the projection of a future desired state of being, and re-branding is the attempt to shed a negative image [Tatevossian, 2008: 189]. Countries compete with one another for the “attention, respect and trust of investors, tourists, consumers, donors, immigrants, the media, and the governments of other nations: so a powerful and positive nation brand provides a crucial competitive advantage.”¹ This list provides a limited number of possibilities that motivate a country to engage in nation branding. Wally Olins writes of three areas where nations are in direct and overt competition with one another – brand export, direct foreign investment and tourism. He explains that the success of the endeavour relies upon the “clarity, emphasis and enthusiasm with which it projects its national brand” [Olins, 2005: 172]. Fan also describes how the communication should be delivered, in order to be effective.

In nation branding the aim is to create a clear, simple, differentiating idea built around emotional qualities which can be symbolised both verbally and visually and understood by diverse audiences in a variety of situations (Fan, 2006: 6).

However, this does not explain this informational tool. This leads to the question, what exactly is ‘nation branding’? Simon Anholt defines nation brand as being “the sum of people’s perceptions of a country across six areas of national competence.” These areas include – tourism, exports, people, governance, culture and heritage, investment and immigration.² Fan (2006: 6) argues that “to work effectively, nation branding must embrace political, cultural, business and sport activities.” Thus providing a slight difference of opinion to what Anholt contends. Two differences exist, which separate nation branding from more traditional forms of public diplomacy.

- There is a greater depth of realisation among countries about the value of their brand as an asset. “Understanding valuation helps countries better understand the investments they make in their image.” This helps to focus and make more efficient efforts to increase their brand value and attractiveness.

- An increasing focus to manage on the behavioural aspects of managing a nation’s image. There is an increasing need for cooperation and collaboration among governments, non-profits and business in order to align messages and the “fundamental common purpose” of respective countries³.

Whether or not the nation-branding campaign is a success or not boils down to the basic factor of the nature and quality of the product a country is trying to sell. Additionally, it may take some time before the fruits of a campaign become apparent. In some cases, policymakers have neither the patience nor the time politically. Belgium abandoned one such branding campaign after failing to achieve rapid progress. Success is also linked to the need for a high level collaboration between and among senior figures in the government, civil society and business sector. Partnership, collaboration and communication must be effective and efficient between different governmental, civil society and commercial units in order to project the common sense of purpose and a unified (non-contradictory) message [Fan, 2006 Aitken & Campelo, 2011]⁴.

The results of nation branding campaigns are very difficult to measure accurately, currently there are two high profile attempts to quantify the progress – the country brand index from FutureBrand consultancy and the Anholt GfK Roper nation brand index [Fetscherin, 2009: 468; Anholt, 2005]. When competing and/or contradictory messages are communicated in to the public communication space, the effectiveness of nation-branding campaigns is severely weakened.

It is essential that a country to understand how they are viewed and perceived by publics around the world. National image and national identity are intertwined and linked in some regards. How a nation sees itself cannot be entirely divorced from the perceptions of others have about the nation concerned and how those people view others [Stock, 2009: 120]. This includes “how their achievements and failures, their assets and their liabilities, their people and their products are reflected in their brand image.”⁵ Nation-branding cannot be used to promote poor policy or to substitute or mask bad policy, such efforts shall eventually become apparent and this ultimately impacts upon the intangible assets of the country concerned. Informational technologies permit the utilisation of “signs,

¹Anholt, S., What is a Nation Brand?, Superbrands, http://www.superbrands.com/turkeysb/trcopy/files/Anholt_3939.pdf, No date given (accessed 23 August 2013)

²Ibid.

³Teslik, L. H., Nation Branding Explained, Council On Foreign Relations, <http://www.cfr.org/diplomacy-and-statecraft/nation-branding-explained/p14776>, 9 November 2007 (accessed 23 August 2013)

⁴Ibid.

⁵Anholt, S., What is a Nation Brand?, Superbrands, http://www.superbrands.com/turkeysb/trcopy/files/Anholt_3939.pdf, No date given (accessed 23 August 2013)

meanings, symbols, signification" that allows for the projection of different forms of capital (civic, political, economic ... etc.) that potentially inscribes a nation with meaning [Odi, 2010: xi].

Nation branding campaigns often employ a readily identifiable symbol (logo) that identifies the nation being branded and the partners involved in doing the branding. This is a visual tool to identify the nation concerned and project endorsement from the partner organisations. The symbol itself is not the real value, but those properties and values that are perceived as being behind it. One successful example of a nation branding symbol is Joan Miro's sun for Spain [Olins, 2005: 178]. There are numerous considerations that need to be understood, planned and implemented. What is the core idea of the branding? What makes the country distinct from others? Does the branding projected match the actual situation (or in some cases perception)? Issues of coordination and management, audience segmentation and identification of key audience also need to be determined.

Simon Anholt defines the brand strategy as being "a plan for defining the most realistic, most competitive and most compelling strategic vision for the country, region or city; this vision then has to be fulfilled and communicated" [Anholt, 2003: 214; Volcic & Andrejevic, 2011]. Therefore the brand essence is gained by countries and people that actually live the brand that is being projected. Any perceived or actual contradictions can destroy an existing brand or ensure attempts at projecting a new one shall fail.

Acts of communication need support and reinforce the brand being projected. Some common daily means with which to engage in this include:

- Export brands of the country concerned;
- The way in which a nation promotes itself for trade, tourism, domestic investment, domestic recruitment;
- A nation's conduct in domestic and foreign policy, and how this is communicated;
- How a nation promotes, represents and shares its culture;
- The way in which a nation's citizens behave abroad and how they treat strangers at home;
- How the human-built and natural environments are presented to the visitor;
- Nature of coverage received by a country in the world media;
- Various bodies and organisations that a country is a member of;
- Other countries that it associates with;
- Nature of the competition with other countries in sport and entertainment;
- What a country gives and takes to and from the world [Anholt, 2003: 214–216].

This list demonstrates the enormous task of trying to balance between projected brand image and the image communicated by individuals and organisations going about their daily business. What is observable above is that a nation's brand can be further divided into sub-brands. These are: political brand, economic brand and cultural brand [Fan, 2008: 155]. Any country of a larger size and longevity of existence usually has an existing brand. This is the result of people having heard about them, and possessing certain images, associations and opinions. The result is that certain countries are not value free and may be weighed down with clichés, unbalanced or out of date images [Anholt, 2003: 219; Chattalas et al, 2008: 58; Stock, 2009: 121]. The value for the brand is found in the set of associations and values that are invoked by the brand identity, these associations can be transferred to the product itself. Thus the marker of brand identity serves as a means to induce sets of values and emotions in a target audience [Volcic & Andrejevic, 2011: 603; Mihailovich, 2006]. In order for any kind of success to be likely, there needs to be a unitary sense of purpose, values and control among state bodies [Anholt, 2003: 222; Mihailovich, 2006: 246; Wang, 2008: 19].

Nation branding takes into consideration a number of different components, which should not be neglected or viewed in isolation. [Felix Stock 2009: 122–123] names and explains these parts.

- National identity – the basic problem of weak national identities producing weak nation images. Based upon key elements such as common language, laws, historic territory, memory and myths. This is about creating an emotional bond between the citizens of a country. Needs to be a clear understanding and idea about communicating and promoting this identity to the outside world.
- Reference point – this provides a contextual frame from which to shape the image formation process. National identity becomes clear and meaningful through contrasts and comparisons with other nations.
- Construed image – this aspect refers to how a nation's population perceive their country and how others perceive it. This links back to issues concerning national identity, but also about the nature of the efforts that shall be required to modify the image.
- Actual image – the 'real' image of a nation that is held by another nation. This includes the set of beliefs and associations that are held about the nation concerned.
- Current project image – these are the efforts by a nation to project and communicate a desired image to another nation.
- Desired future image – a 'visionary perception' forms the point of reference to

communicate the image that is desired by a nation to the outside world.

Some apparent contradictions do, however, take place. One would expect that if one country holds a negative opinion of another country that they are less likely to purchase their products. The relationship between China and Japan is a very strained one politically, yet Japanese products are popular in the Chinese market [Fan, 2006: 9]. Therefore, political tensions and/or negative national stereotypes do not necessarily affect the decision to purchase the products from the country with a negative brand.

One of the drawbacks of a number of different public diplomacy campaigns (in the broad sense and understanding of the practice, which includes nation branding) is that they can be viewed as a 'smokescreen' to cover "ineffective or wrongheaded policy." If there is disconnect between what is communicated via public diplomacy and what is practiced in policy, PD shall not succeed. The two should work in tandem [Seib (b), 2009].

Soft Power

The nature of power is also in the process of changing. According to Nye, power is capable of two things. An ability to get the desired outcomes, and to influence the behaviour of others in order to achieve the desired outcomes [2004:1-2]. There are two alternative ways of wielding power – through fear and coercion or through attraction and co-opting. One needs to bear in mind that "power always depends on the context in which the relationship exists." If objectives seem to be legitimate and just, others may willingly assist without the use of coercion or inducements [Nye, 2004: 2]. In order to proceed, there needs to be an understanding of power.

Power's definition is related to vested interests and values. Some argue that it is related to the ability to make or resist change [Nye, 2011: 5]. A dictionary definition states that power is "the capacity to do things and in social situations to affect others to get the outcomes we want" [Nye, 2011: 6]. Nye contends that power is a two-way relationship, which is defined by who is involved in the power relationship (scope of power) and what topics are involved (domain of power) [2011: 6-7]. In the context of this paper, power and influence are to be viewed as being related and interchangeable.

Hard power's basis is found in military and economic weight. This is in contrast to soft power that "rests on the ability to shape the preferences of others" [Nye, 2004: 5]. Soft power is about establishing the preferences, normally associated with intangible assets – attractive personality, culture, political values and institutions, and policies seen as being legitimate or having

moral authority. If a leader represents values that others want to follow, it will cost less to lead [Nye, 2004: 6]. In terms of a country, soft power can be found in its culture, its political values and foreign policy [Nye, 2004: 11]. Fan [2010: 100] has contended that nation branding can be an important component that is used to develop and maintain a nation's soft power. "Successful nation branding campaigns will help create a more favourable image among the international audience, thus further enhancing a country's soft power."

Military or hard power assets are more government controlled/owned than soft power assets [Nye, 2004: 14]. In this regard, there is a resemblance to the nature and practice of New Public Diplomacy. [Nye 2004: 16] also notes that "soft power is also likely to be more important when power is dispersed in another country than concentrated" (dictator for example). Soft power is particularly relevant to the realisation of milieu goals [Nye, 2004: 17]. A 'drawback' of soft power is the resources work more slowly, they are more diffuse in nature, and more cumbersome to wield than hard power resources" [Nye, 2004: 100; Fan, 2008: 152]. This means that they are harder to use, easy to lose, and the results take a longer time to become apparent.

The system of "soft power resources work indirectly by shaping the environment for policy, and sometimes take years to produce the desired outcomes" [Nye, 2004: 99]. This leads to a point of criticism concerning soft power, which is that it has only a modest impact on policy outcomes [Nye, 2004: 15]. The basis of soft power is dependent upon the credibility of the communicator, which is where the use of political marketing and New Public Diplomacy come in to their own. These communicational technologies are designed to build the necessary relationships that contribute to credibility. The policy oriented concept of power tells – who gets what, how, where and when [Nye, 2011: 7]. How is power that is gained from accumulating soft power established and wielded in practice?

A first point to consider is that "information creates power, and today a much larger part of the world's population has access to that power" [Nye, 2011: 103]. It is about creating relationships and establishing the environmental (political and information flows) conditions between a state and foreign publics as a means to influence the relational power between these groups. Three aspects to relational power exist – commanding change, controlling agenda and establishing preferences [Nye, 2011: 11]. I would argue that with the current state of information technologies it is difficult to control an agenda completely, however, it is possible to initiate or influence.

Soft power is openly sought and many countries are locked in a global competition for it. Some paradoxes emerge, such as the presence of PD and an absence of soft power and vice versa. For instance, [Cull 2009: 15] points out that North Korea has PD, but an absence of soft power. Whereas Ireland has soft power, but minimal PD. Too much focus on the quest for soft power may ultimately prove counter-productive for an actor (it can be viewed with suspicion by publics). These examples serve to illustrate a point made by Fan. "The relevance and ultimate effectiveness of soft power depends on the perception and response of its target audience" [Fan, 2008: 156].

There has been a great deal of discussion in Russia concerning soft power and public diplomacy, how these concepts currently relate and how to develop the potential further. One of the debates has been to look at the United States and see if there is anything that can be learned and applied for Russia. This not only includes the theoretical and conceptual levels, but the creation of institutions as well (such as the idea to create a Russian equivalent of the US Information Agency)⁶. There are others that advocate that Russia should develop its own soft power concept (application techniques, development strategies, priorities and objectives)⁷. Both of these sides see an urgent need to develop a viable soft power concept, otherwise Russia's international position and potential will be eroded.

A seeming consensus does exist on the need for Russia to engage in soft power, through effective global communications. This includes communicating what is termed as 'objective information' about Russia. The perceived reward is that Russia shall be more successful in attaining its stated foreign policy objectives and to protect Russian interests, however, the first step being to possess a resource of soft power⁸.

In July 2012, President Putin defined soft power as being "all about promoting one's interests and policies through persuasion and creating a positive perception of one's country, based not just on its material achievements but also its spiritual and intellectual heritage"⁹.

This is in-line with an earlier observation made by Georgy Filimonov from People's Friendship University (Moscow). He made strong connections between the accumulation of soft power and an effective and a functional system of public diplomacy.

I believe it is quite legitimate to treat the concept of public diplomacy as a system of strategic views aimed at forming a positive image of a country abroad through the implementation of multi-level information and advocacy policy. The main directions of this policy are foreign cultural policy, cultural diplomacy, information and ideological promotion, educational exchange programmes, the involvement of a wide range of non-governmental organisations and other civic institutions, the corporate sector ... etc.. Moreover, in contrast to traditional diplomacy, public diplomacy is addressed directly to the public. Therein lies its strength and effectiveness¹⁰.

Efforts to develop Russia's public diplomacy and ability to accumulate soft power potential, as described above, rely on the use of mass communication with foreign audiences in order to explain official policy. This comes against a backdrop where Russia considers itself at a disadvantage on the international stage owing to a poor image and reputation that has been the result of 'lack of understanding' and 'bad' (non-objective) information in the global information space. There have been an increasing number of institutions created, which communicate and form relationships with an increasing number of people in foreign publics. Yet, the image of Russia has not improved. This has led to some stating that Russia is losing its soft power quest. An underlying reason given, is that this does not concern Russia's cultural or intellectual heritage and reputation, but more precisely a lack of popularity in its pursued policies¹¹.

Fyodor Lukyanov, Editor in Chief of the journal *Russia in Global Affairs*, notes that Russia's understanding differs "radically" from the Western view. He characterises Russian soft power as being "too soft." There are three

⁶Koshkin, P., Soft Power: What Can Russia Learn from the US Experience?, *Russia Beyond the Headlines*, http://rbth.ru/blogs/2013/04/03/soft_power_what_can_russia_learn_from_the_us_experience_24621.html, 3 April 2013 (accessed 8 April 2013)

⁷Zlobin, N., 'Soft Power': Russian Priority in New World Order, *Russia Beyond the Headlines*, 31 May 2013, in Johnson's *Russia List*, 2013-#99, 31 May 2013

⁸1) Пчельников, Л., Россия нужна "мягкая сила", *Российская газета*, <http://www.rg.ru/2012/11/01/sila-site.html>, 1 November 2012 (accessed 5 June 2013)

2) МИД: Использование "мягкой силы" способствует реализации интересов РФ, *Российская газета*, <http://www.rg.ru/2012/10/31/gatilov-anons.html>, 31 October 2012 (accessed 5 June 2013)

⁹Putin, V., Speech at a Meeting with Russian Ambassadors and Permanent Representatives in International Organisations, <http://eng.kremlin.ru/transcripts/4145>, 9 July 2012 (accessed 17 July 2013).

¹⁰Filimonov, G., Russia's Soft Power Potential, *Russia in Global Affairs*, <http://eng.globalaffairs.ru/number/Russias-Soft-Power-Potential-15086>, 25 December 2010 (accessed 12 June 2013)

¹¹Dolinskiy, A., Why Russia is Losing its Soft Power Quest, *Russia Beyond the Headlines*, http://rbth.ru/opinion/2013/02/05/why_russia_is_losing_in_its_soft_power_quest_22521.html, 5 February 2013 (accessed 8 April 2013)

identified goals in the foreign policy area – the first is “to promote Russian culture, the Russian language and the Russian education system as attractive and competitive.” The second goal is “to counter foreign media’s negative depiction of the country’s policies and the Russian way of life.” Thirdly, is to “create a group of Russia’s friends around the world.” Lukyanov characterises this situation as attempting to revive reasonably effective Soviet-era practices. However, the Soviet Union as a generous patron to those countries that aligned with it, and the current Russia that places profit first, are incompatible¹². There is certainly disconnect between the ideologically driven soft power of the Soviet Union, and the more pragmatic approach of contemporary Russia. The question being, are those messages and values from the 20th Century still attractive in the 21st Century?

Although power is something that is greatly sought by many countries around the globe, it is something that is hard to observe and accurately measure. Power is something that is extremely difficult to measure and quantify [Nye, 2011: 3]. It is an intangible asset, so it cannot be directly seen or touched, but it can exert an effect. It is much easier to measure activity than effect, which makes the temptation greater to try and show progress through showing what concrete activities have been carried out rather than trying to measure what preferences or opinions have been influenced. In this light, opinion polls are an imperfect, yet essential measure of soft power resources. At least it provides a good first approximation [Nye, 2004: 18]. The BBC’s annual Country Ratings Poll is an example of one such poll that can provide a yardstick.

2013 Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation

Russia has attempted to balance the political character of its state and society with its history, which has resulted in a debate on its identity and foreign policy since the collapse of the Soviet Union. The Russian Federation differs greatly from any of its predecessors in terms of its political system, state borders and geopolitical surroundings in its immediate neighbourhood. In June 2000, President Putin approved the Russian Foreign Policy Concept. A significant point of this document was that no matter how deep the internal changes a country makes, its foreign policy never starts from a

clean slate. It is influenced and bears a measure of continuity based upon the geopolitics, history and culture of the country concerned (Ivanov, 2001: 7). To some extent, at least, a country can be trapped by their past.

According to Ivanov [2001: 8], the above mentioned debate reached the conclusion that Russia’s foreign policy should be based upon the drivers of national interests and not by political ideology. He concluded that “Russian diplomacy has always succeeded when guided by realistic, pragmatic considerations and failed when dominated by imperial ideology and messianic ambitions.” This seems to signal a departure from the Soviet past, where ideology played the central role, which was (according to this quote) replaced by more realistic and pragmatic approaches.

The latest foreign policy concept replaces the earlier version from 2008. On 7 May 2012, a presidential decree was issued that set out the terms and conditions for the new foreign policy concept. In mid-February 2013, President Putin unveiled the new concept to members of the Security Council at a meeting hosted in the Kremlin. During his address to members of the Security Council, Putin remarked that:

Russia will continue to pursue an active and constructive line in international affairs. Its weight and influence in the world will increase. [...] The basic principles of Russian foreign policy remain the same. [...] That means, above all, openness, predictability, pragmatism, and the pursuit of national interests without any confrontations in accordance with the role of the United Nations and the rule of international law. [...] The concept focuses on modern foreign policy tools, including economic diplomacy, elements of so-called soft power, and careful integration into the global informational space¹³.

There are a number of points that emerge from Putin’s address, the desire for Russia to be more active on the world stage, to be more engaged in the global information space, the active pursuit and accumulation of soft power, to peacefully pursue Russia’s national interests within the existing international institutional and legal framework. He emphasizes that this needs to be done in a transparent and predictable manner. This seems to be an attempt to align Russia’s foreign policy to an apparent narrative that emphasizes the country as a constructive force for good in international affairs.

The 2013 Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (here after “the Concept”)

¹²Lukyanov, F., Why Russia’s Soft Power is Too Soft, Global Affairs, <http://eng.globalaffairs.ru/redcol/Why-Russias-Soft-Power-Is-Too-Soft-15845>, 1 February 2013 (accessed 19 September 2013).

¹³Makarychev, M. & Latukhina, K., RussiaUpdates its Foreign Policy Concept: Russia will Focus its Global Efforts on Economic Diplomacy and Soft Power, *Rossiskaya Gazeta/Russia Beyond the Headlines*, 25 February 2013. Johnson’s Russia List, 2013-#38, 25 February 2013

states the priorities, goals and objectives. This new concept was precipitated by changing events and dynamics in the international arena¹⁴. After listing what are seen as various actual and emerging global problems, the document then sets out to describe Russia's priorities and role in addressing those problems. The highlighted problems are illustrated under various rubrics – Emergence of a New World Order, Rule of Law in International Relations, Strengthening International Security, International Cooperation in the Sphere of Economy and Environment, International Humanitarian Cooperation and Human Rights and Information Support for Foreign Policy Activities. In point 103 of the Concept, there is even mention of the possibility of public-private partnership in helping to realise the stated goals and objectives. If these goals and objectives in the Concept are to be realised, then Russia requires a good reputation and brand in order to be credible and effective. This is likely to be a long-term project given the current state of perception and the international image of Russia.

Russian Nation Branding in the Global Arena

According to Anholt, the branding of a nation is an essential part of modern statecraft. "A nation's brand image is its most valuable asset: it is national identity made robust, tangible and communicable, and – at its best – made useful"¹⁵. The image and branding of a country form the very centre and distinguishing features of a 'national product' for public relations to do its work. The link between soft power and nation branding is offered by Fan. "Nation branding can be an important tool in the development of a nation's soft power. [...] Branding a nation is much more than just finding a catchy slogan or window-dressing but requires the study of a nation's soft power sources in order to exploit them effectively to promote the national image" [Fan, 2008: 155].

Currently, Russia is somewhat locked between the past images and the current ones. The negative brands of the Soviet past prove to be very sticky images, associations and stereotypes to shake, before any tangible progress in rehabilitating the national brand can be made. Such well-known brands and products as Pravda, Bolshoi Ballet, Sputnik, Kalashnikov, Faberge and vodka tend to reinforce the symbols of culture and aggression. Julia Stonogina (Vice-

President, International Association of Business Communications, Russia) explains to role and differences in symbols and brands.

Symbols and brands belong to different economic systems and different human consciousness. For instance, we might think the distance between symbols and brands is just about the same length as it is between propaganda and marketing. Symbols talk to us about politics, brands about economy.

Symbols do not need to compete for the people's emotional appreciation but brands do. Russia's symbols belong to the time of the industrial economy, controlled market and totalitarian society. Russian brands should demonstrate the country's economic transformation, post-industrial thinking and a new type of communication with the world¹⁶.

Russia's current international communications are aimed at attempting to influence a more positive global perception of their symbols. The image of the Soviet menace has reduced somewhat, although there is still a lot of association with the Russian threat in the aftermath of the various gas wars and the 2008 Georgian-Russian War. This is reinforced by the continuing use of some Cold War and aggression associations and symbols in the Western media – comparisons with some policy and events, such as the 2008 Georgian-Russian War and the 1956 Hungarian Uprising or the 1968 Prague Spring. Brand associations remain negative, such as Aeroflot and the presumed poor standard service and safety of Russian air transportation. Russia's reliance on oil is association with companies such as Gazprom and events, such as the various gas wars. There is a need to rehabilitate the brand image, which is difficult to achieve when Russian brands are not so common in the international consumer markets.

There have been attempts to try and influence a more positive perception, such as the gradual integration into the global economy membership of organisations such as BRICS and the WTO. However, this is offset by perceptions of rampant corruption and a hostile business environment for foreign investors. In a meeting with Russian Foreign Ministry officials in February 2013, Putin urged and reminded them of their duty, priorities and what lay ahead.

Obviously classic diplomacy is, if not particularly out of date, then seriously transformed. You and your colleagues have to deal with the economy, developing business relations, supporting various economic projects and opening new promising markets. [...] The correct use of soft

¹⁴Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation, Unofficial Translation, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (official site), http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/e78a48070f128a7b43256999005bcbb3/76389fec168189ed44257b2e0039b16d!OpenDocument, 18 February 2013 (accessed 20 August 2013)

¹⁵Anholt, S., What is a Nation Brand?, Superbrands, http://www.superbrands.com/turkeysb/trcopy/files/Anholt_3939.pdf, No date given (accessed 23 August 2013)

¹⁶Stonogina, J., Russia: Between Symbol and Brand, Horasis, <http://www.horasis.org/russia%20between%20symbol%20and%20brand.php>, No date given (accessed 23 August 2013)

force mechanisms is a priority, such as a stronger position for the Russian language, promotion of Russia's positive image abroad and the ability of an organic integration into global information flows. [...] Bearing in mind the successful hosting of the APEC Vladivostok summit, it is necessary to organise the events of the G20, the G8, BRICS and the Shanghai Cooperation Organisation with equal attention¹⁷.

These different components that are detailed above make up the assets that could be exploited in order to generate soft power through projecting a positive brand of Russia. Many different cultural and political events have been held, many of these falls within the range of what can be regarded as being symbols, rather than brands. However, the views held about Russia are very diverse, from more positive to more negative in nature. In 2012 the Anholt GfK Roper Nation Brands IndexSM ranked Russia in 41st place (out of 50 places). This is the sum of the perceptions though, which ranged from 6th place for sporting achievements down to 42nd place (equal) for the government's contribution to international peace and security, protecting the environment, and for expecting a warm reception when visiting the country. There is variation according to country too, Turkish respondents rank Russia in 13th place and Poles rank it in 49th place¹⁸. This demonstrates that even one country can possess a very diverse and polarised set of opinions and perceptions, which makes the task of branding such an entity very difficult, although it does present some different possibilities of avenues to pursue.

Anholt offered Russia some advice on the issue of branding and soft power. In this regard, he ranked Russia as facing the same tests and trials as other countries. "So Russia's task over the next decades is identical to the task facing most other countries. It doesn't need to find ways of making people around the world feel in awe of Russia, impressed by Russia, or even envious of Russia: quite simply, it needs to find ways of making people feel glad that Russia exists"¹⁹. Perhaps this is what the 2013 Concept is beginning to seek to address. Certainly bringing the world from the brink of war in Syria was a diplomatic coup by Russia at the perceived expense of the United States. However, this needs to be demonstrated as a long-term trend and not an isolated incident, which can take a

long period of time to prove and ultimately reshape perceptions of Russia.

President Putin recently addressed the Valdai Discussion Club and reinforced the message of Russia being a force for good in international relations from the point of historical continuity. Beginning with the Congress of Vienna in 1815 and the Yalta Conference in 1945 as success stories, the Treaty of Versailles in 1919 as a failure, the message was that with Russia's support and involvement led to a more stable international environment. In other words, "the world is not complete without Russia." Lukyanov added that "in order to continue to be an active player capable of offering creative approaches in foreign policy, Russia needs to foster an environment that promotes intellectual, social and, broadly speaking, human potential." He added that "intellectual and technological competition is becoming the main proving ground on the way to success and influence." The conclusion was that "people are now the main object of competition in the battle for minds, not only in the figurative sense of duelling images of soft power, but the literal sense of taking care of people who are creating innovative products, putting them to work, and providing opportunities for self-realisation"²⁰. The emphasis here is placed on the development and utilisation of human and intellectual capital, which gives the competitive edge in soft power. Certainly, the citizens of a nation, how they see themselves and how others perceive them, is a key component of nation branding.

Indirect experience is one matter, where it can be difficult to change opinions and perceptions. Direct experience of a people and its culture can be a more effective means of challenging stereotypes and images (if the experience is positive and challenges the negative image). Tourism is one of the spheres that a country can effectively brand, and many do just that. In Russia, tourism is considered to be one of the younger among other industries. In 2011 tourism accounted for 2.5 per cent of the national GDP. Information from the United Nations World Tourism Organisation ranked Russia at the 59th place, which implies it is an attractive global tourist destination²¹. However, for

¹⁷Russia Needs to Promote its Positive Image Abroad – Putin, Interfax, 11 February 2013. Johnson's Russia List 2013-#28, 11 February 2013

¹⁸Anholt, S., Russia's International Image, and Why it Matters, Valdai Discussion Club, <http://valdaiclub.com/politics/62321.html>, 15 September 2013 (accessed 17 September 2013)

¹⁹Anholt, S., Russia's International Image, and Why it Matters, Valdai Discussion Club, <http://valdaiclub.com/politics/62321.html>, 15 September 2013 (accessed 17 September 2013)

²⁰Lukyanov, F., Indispensable Nation, Valdai Discussion Club, 23 September 2013. In Johnson's Russia List, 2013-#173, 23 September 2013

²¹In 2012 Russia moved to 7th place in the top 10 tourist destinations, some 26 million tourists visited the country. For more please see information on page six of the following document http://dtxtq4w60xqpw.cloudfront.net/sites/all/files/pdf/unwto_highlight13_en_hr_0.pdf

various reasons, Russian tourism has not received priority for financing, development or marketing. This means that international standards in transportation, hospitality, services and entertainment for tourists lag behind²². The tourist industry is a good means of introducing foreign publics (first hand) to those different cultural and heritage aspects of soft power and to project its civic and cultural capital. In some regards, this seems to be an opportunity lost.

However, there are some promising islands of progress in branding parts of Russia. The locality in question, which is seemingly serving as some kind of blueprint for other Russian localities, is Saint Petersburg. It is a city that is historically and contemporarily close to Europe in terms of geography and symbolism. Under Tsar Peter the Great it served as a window to Europe. City authorities have set a clear number of goals: "developing the range of excursions, business facilities, cruises, sanatoriums and resorts in the region." St. Petersburg is considered as being ahead of Moscow in catering for tourists. Other localities in Russia that would be good objects for branding are the Republic of Tatarstan, where East meets West (blending Islam and Orthodoxy). Veliky Ustyug competes with the Nordic Countries as being the home of Santa Claus (Ded Moroz)²³. It is possible to add that the Golden Ring (ancient Russian towns and cities around Moscow) idea could be developed to showcase and sell notions and experiences of Russian heritage and culture.

Large scale international events hosted by a country can also present an opportunity (also some risks involved, should things go 'wrong') to showcase the country on the world stage whilst being the centre of media attention. The hosting of the 2014 Winter Olympic Games shall be in the Russian Black Sea city of Sochi, a resort area with the brand as being the Russian Riviera. This gives the locality its context and location within the different positions that can be occupied by cities. The only previous time that Olympic Games were hosted in the area occurred with the Moscow Games in 1980, which was boycotted by many countries in response to the Soviet engagement in Afghanistan. Therefore, this occasion is seen as having "created an unparalleled, once-in-a-lifetime

opportunity for the country to boost its international reputation and reshape the "red bear" image" [Ostapenko, 2010: 60]. The hosting of the Games in Sochi could also potentially put a focus and priority on the development of Russia in developing its tourism infrastructure and capacity.

Sochi 2014 has focused many Russians on what they want to see come out of the event. Polls conducted by the Russian Public Opinion Research Centre showed that 52 per cent of respondents wanted increased prestige for the country, 48 per cent boost for athletic activities and 26 per cent an increase in national self-consciousness. However, the dimension of international communication is rather low-key, such as the unveiling of the Sochi Games logo (a snowflake that is captured on the Russian state flag). The global outreach is too subtle [Ostapenko, 2010: 60]. The Games have their own website – www.sochi2014.com. Information is available in Russian, French and English. Logos of the international Olympic brand feature on the site, but the Sochi brand is harder to find. A lot more could be done to market and communicate the 'Russia' and 'Sochi' brand to the global publics in advance of the Games. During Putin's speech to Russian diplomats, he mentioned the importance of successfully hosting international key events, Sochi 2014 seems to hold a much greater level of potential than those that he mentioned.

One final case to be introduced here, as an example of attempt at creating a tangible brand (although not at the nation level), is the case of Skolkovo (<http://community.sk.ru/>). This was an attempt to tangibly brand the policy of modernisation under the presidency of Dmitry Medvedev. Also there is the intention to attract foreign investment and partnership. The project was dubbed the Russian Silicon Valley. This innovation hub took much time to be realised, and will focus on five research areas: energy, information technologies, communication, biomedical research and nuclear technologies²⁴. However, various events have bogged down the process, including cases of embezzlement²⁵. There has been some tentative optimism expressed by some as to the progress of this project. There is also a clear message about a break from the Soviet past. "Unlike secret Soviet-era science cities, or *naukogrady*, where research and production facilities were hidden from the outside world, Skolkovo innovation city is on display for everyone

²²Delvaux, J., The Problems of National Branding in Russia, Yahoo Voices, <http://voices.yahoo.com/the-problems-national-branding-russia-9211115.html?cat=16>, 24 September 2011 (accessed 23 August 2013)

²³ Delvaux, J., The Problems of National Branding in Russia, Yahoo Voices, <http://voices.yahoo.com/the-problems-national-branding-russia-9211115.html?cat=16>, 24 September 2011 (accessed 23 August 2013)

²⁴Russia's 'Silicon Valley' Construction to Cost Up to \$3.9 bln, RIA Novosti, <http://en.rian.ru/russia/20101225/161931618.html>, 25 December 2010 (accessed 24 September 2013)

²⁵Skolkovo Officials Suspected of Embezzling \$800,000, RIA Novosti, <http://en.rian.ru/russia/20130212/179420351/Skolkovo-Officials-Suspected-of-Embezzling-800000.html>, 12 February 2013 (accessed 24 September 2013)

to see"²⁶. This seems to be along the lines of the message that Stonogina said needed to be demonstrated to show the transformation of the economy and the way of thinking.

Conclusion

Olins warns that nation branding is a very complex and slow enterprise. It can take many years to implement, with results slow to come in and they are not easy to measure. This can contradict expectations and demands in the political world, which may demand quick and readily measurable results (Olins, 2005: 178). Russia faces a dilemma, on the one hand it has a new and ambitious set of goals and objectives in the 2013 Concept. However, the brand and reputation of the country are more than often containing sticky negative stereotypes and prejudices (regardless of the argumentations concerning their accuracy or otherwise). This does not exclude some kind of change, recent events surrounding Syria and the Russian Proposal indicate that opportunities do exist, which can be taken advantage of should the situation be acted upon.

Anholt stated that a country's total brand is related to the sum of perceptions across tourism, exports, people, governance, culture and heritage, investment and immigration. Added to this is Fan's contention that nation branding needs to "embrace political, cultural, business and sport activities," which contribute to the formation of the political brand, economic brand and cultural brand. The promotion of Russia (including nation branding) is directed at accumulating soft power, which is attempted as a means to more effectively 'sell' government policy and interests. The main message or idea being conveyed is that Russia plays a positive role in the world. In terms of positioning, Russia tends to try and position itself as an alternative/competitor to the West (understood as being the block of countries that are lead/influenced by the United States). The 2013 Concept tends to reinforce this notion.

Putin has emphasized the need to use "spiritual and cultural heritage" in addition to material achievements as means with which to help shape the Russian brand. This means that communications should not only convey the various scientific and sporting successes, but also softer aspects that are less political in nature. Attempted influence is being placed upon a much more pragmatic idea that is based upon interests and policies as opposed to the

Soviet model that was based upon the use of a political ideology.

A limited number of empirical examples of branding in the different spheres (politics, culture, business and sport) have been given. The Sochi 2014 Games possesses great potential in branding Russia in hosting this international event, the potentially positive sets of emotions from the event could assist in reshaping perceptions and stereotypes. To date, this potential has not been adequately accomplished. It is a high profile event, but with a rather low profile global media coverage. Skolkovo is an attempt to attract international partners and to create a Russian 'Silicon Valley' and is based upon a set of logical and pragmatic notions. This could also be used, if successful, to create a brand that symbolises the transformation of the economy and the way of thinking in the business/research sectors. Tourism is another issued that was raised, once more there is much potential yet that has not been tapped to its full potential to date. An influx of tourists could potentially allow for a more interactive and relational interaction with foreign publics, perhaps in some instances allowing for the emotional appreciation to develop (under the 'right' set of circumstances). This also provides the venue and occasion to showcase Russian culture, heritage and spirituality.

This ignores a very important factor that shapes national identity, the reference point, construed image and actual image. It also affects how the current projected image and desired future image can be approached. That factor is a country's population. During the September 2013 Valdai Forum, President Putin emphasized the role to be played by human capital in Russia in relation to the country's relations with the outside world, and the problems and contradictions within this segment of soft power assets.

Educated, creative, physically and spiritually healthy people, rather than natural resources or nuclear weapons, will be Russia's main strength in this and coming centuries. [...] Unfortunately, little value was placed in an individual life in much of Russian history. All too often, people were treated as just a means to an end rather than the objective and the mission of development. We no longer have the right or even the ability to throw millions of people into the furnace of development. We need to take care of everybody"²⁷.

The cultural, economic and political brands have been subject to analysis and review.

²⁶Moukine, G., Skolkovo Reality Becoming Less Virtual, The Moscow Times, <http://www.themoscowtimes.com/business/article/skolovo-reality-becoming-less-virtual/481987.html>, 19 June 2013 (accessed 24 September 2013)

²⁷Lukyanov, F., Indispensable Nation, Valdai Discussion Club, 23 September 2013. In Johnson's Russia List, 2013-#173, 23 September 2013

However, the 'people brand' (exemplified by external and internal stereotypes and prejudices) has been a relatively neglected factor, until recently. This may be about to change after Putin's speech at the Valdai Discussion Club. If relationships are to be formed, innovations created, it requires spiritual (in terms of character) and intellectual capital that only people can potentially give. They are the ones that can make or break the brand.

There have been a number of different barriers that have been noted by political, academic and policy circles in Russia, to achieving a 'good' brand for Russia. This includes global media, which have often been criticised for using out of date stereotypes and images, which has been one of the motivating factors for Russia to boost its ability to communicate to international publics. Admissions have also been made that Russia's current image is influenced by its past in terms of geopolitics, history and culture. This means that there is no 'clean slate', but a number of existing images that inhibit the projection of the current desired image. This has been noted with regard to the associations of culture and aggression. A final point to make is that there is a tendency for top-down policy and implementation in Russia. This contradicts, to some extent, what Putin said about the importance of people (at Valdai) compared with the speech about large scale international events being hosted to an audience of diplomats. Nation branding also requires a bottom-up approach to succeed as ordinary citizens convey as much, if not more, about a country than hosted international events.

1. Aitken, R. & Campelo, A., The Four Rs of Place Branding, *Journal of Marketing Management*, Volume 27, No. 9-10, 2011, pp. 913-933

2. Anholt, S., Anholt Nation Brands Index: How Does the World See America?, *Journal of Advertising Research*, Vol. 45, Issue 3, 2005, pp. 296-304

3. Anholt, S., Branding Places and Nations in Clifton, R. & Simmons, J., *Brands and Branding*, London, The Economist, 2003, pp. 213-226

4. Chattalas, M., Kramer, T. & Takada, H., The Impact of National Stereotypes on the Country of Origin Effect: A Conceptual Framework, *International Marketing Review*, Volume 25, Number 1, 2008, pp. 54-74

5. Cull, N. J., *Public Diplomacy: Lessons From the Past*, Los Angeles, Figueroa Press, 2009

6. Fan, Y., Branding the Nation: Towards a Better Understanding, *Place Branding and Public Diplomacy*, Volume 6, Issue 2, 2010, pp. 97-103

7. Fan, Y., Soft Power: Power of Attraction or Confusion?, *Place Branding and Public Diplomacy*, Volume 4, Issue 2, 2008, pp. 147-158

8. Fan, Y., Branding the Nation: What is Being Branded?, *Journal of Vacation Marketing*, Volume 12, Issue 5, 2006, pp. 5-14

9. Fetscherin, M., The Determinants and Measurement of a Country Brand: The Country Brand Strength Index, *International Marketing Review*, Volume 27, No. 4, 2010, pp. 466-479

10. Ivanov, I., The New Russian Identity: Innovation and Continuity in Russian Foreign Policy, *The Washington Quarterly*, Volume 24, Issue 3, 2001, pp. 5-13

11. L'Etang, J., Public Relations and Diplomacy in a Globalised World: An Issue of Public Communication, *American Behavioural Scientist*, 53(4), 2009, pp. 607-626

12. Marsh, D. & Fawcett, P., Branding, Politics and Democracy, *Policy Studies*, Volume 32, No. 5, 2011, pp. 515-530

13. Mihailovich, P., Kinship Branding: A Concept of Holism and Evolution for the Nation Brand, *Place Branding*, Volume 2, Issue 3, 2006, pp. 229-247

14. Nye, J. S., *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, New York, Public Affairs, 2004

15. Nye, J. S., *The Future of Power*, New York, Public Affairs, 2011

16. O'Shaughnessy, J. & O'Shaughnessy, N. J., Treating the Nation as a Brand: Some Neglected Issues, *Journal of Macromarketing*, Vol. 20, No. 1, 2000, pp. 56-64

17. Odih, P., *Advertising and Cultural Politics in Global Times*, Farnham, Ashgate, 2010

18. Olins, W., Making a National Brand in Melissen, J. (editor), *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*, New York, Palgrave-MacMillan, 2005, pp. 169-179

19. Ostapenko, N., Nation Branding of Russia Through the Sochi Olympic Games of 2014, *Journal of Management Policy and Practice*, Volume 11(4), 2010, pp. 60-63

20. Seib, P. (a) (editor), *Towards a New Public Diplomacy: Re-directing U.S. Foreign Policy*, New York, Palgrave-MacMillan, 2009

21. Seib, P. (b), Connecting Public Diplomacy and Policy, *Perspectives*, Washington D. C., Layalina Productions, Volume 1, Issue 5, September 2009

22. Simons, G., Attempting to Rebrand the Branded: Russia's International Image in the 21st Century, *Russian Journal of Communication*, Vol. 4, Nos. ¾, Summer/Fall 2011

23. Stock, F., Identity, Image and Brand: A Conceptual Framework, *Place Branding and Public Diplomacy*, Volume 5, No. 2, 2009, pp. 118-125

24. Szondi, G., From Image Management to Relationship Building: A Public Relations Approach to Nation Branding, *Place Branding and Public Diplomacy*, Volume 6, Issue 4, 2010, pp. 333-343

25. Tatevossian, A. R., Domestic Society's (Often Neglected) Role in Nation Branding, *Place Branding and Public Diplomacy*, Volume 4, Issue 2, 2008, pp. 182-190

26. Volcic, Z. & Andrejevic, M., Nation Branding in an Era of Commercial Nationalism, *International Journal of Communication*, Volume 5, 2011, pp. 598-618

27. Wang, J., The Power and Limits of Branding in National Image Communication in Global Society, *Journal of International Communication*, Vol. 14, Issue 2, 2008, pp. 9-24

28. Wang, J., Localising Public Diplomacy: The Role of Sub-National Actors in Nation Branding, *Place Branding*, Volume 2, Issue 1, 2005, pp. 32-42

УДК 327

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Грэгори Саймонс,
Университет Упсала,
доктор философии, профессор,
Упсала, Швеция.
E-mail: greg.simons@eurasia.uu.se

Аннотация

Процесс глобализации сделал понятие «национальный брендинг» важной составляющей современности. Неоспоримо то, что между странами существует жесткая конкуренция за внимание, уважение и доверие, для того чтобы достичь своих политических целей и задач. Одной из форм продвижения страны в международном соревновании является использование национального брендинга [Marsh & Fawcett, 2011: 517; Fan, 2008; Stock, 2009; Szondi, 2010]. Концепт национального брендинга стал популярным, но некоторые оспаривают возможность продвижения нации как обычного маркетингового продукта [O'Shaughnessy & O'Shaughnessy, 2000; Seib (a), 2009]. Сочетание растущей конкуренции между различными странами и достижений в области новых коммуникационных технологий обуславливает возможность гораздо более активного и тесного взаимодействия между правительствами и представителями иностранных сообществ [Wang, 2005; L'Etang, 2009; Szondi, 2010]. Как отметил Ин Фэн, бренд нации и национальный брендинг – это две разные вещи. Нация может уже иметь свой бренд, независимо от того, осуществляется ли брендинг [Fan, 2006]. Это обусловлено самой природой информации об этой нации, стереотипах и мнениях, принадлежащих общественности. Брендинг может быть необходим, для того чтобы произвести реформы, улучшить или переделать существующий образ, для того чтобы страна выглядела более привлекательной и конкурентоспособной. Национальный брендинг может рассматриваться как форма лечения или панацея от того, что портит имидж страны [Fan, 2006].

Тем не менее, национальный брендинг не является чем-то, что легко осуществить. Для этого необходимо учесть совокупность всех характеристик страны и провести их выравнивание, которое не должно противоречить требованиям целевой аудитории. С середины 2000-х годов Россия присоединилась к числу стран, которые стремятся использовать национальный брендинг, для того чтобы реализовать политически направленные национальные амбиции [Simons, 2011]. Как Россия использует национальный брендинг, и к чему это может в итоге привести? Каковы материальные ресурсы, используемые для брендинга страны? Прежде чем приступить к ответу на этот вопрос, необходимо провести дебаты по данному вопросу. Это является непреложным правилом. Но его значимость понимается не всегда. В статье обсуждается основная концепция и пути реализации брендинга. Предметом предлагаемой статьи являются способы мягкого решения данной проблемы и вопросы определения значения подобных мягких мер. Эта тема напрямую связана с концепцией внешней политики России, реализовавшейся в 2013 году. Амбиции и цели, обозначенные в статье, связаны с практикой национального брендинга и стремлением к реализации с помощью инструментов «мягкой силы». В статье детализируются различные попытки национального брендинга в Российской Федерации и описывается, как они связаны с пониманием «мягкой силы» (для достижения каких целей они направлены), детализированы и как это связано с пониманием «мягкой силы» (на какие цели это направлено).

Ключевые понятия:

бренд,
национальный брендинг,
международная репутация,
Российская Федерация,
общественная дипломатия,
национальная идентичность,
точка отсчёта,
имидж,
«мягкая сила»,
внешняя политика,
мировая арена,
В.В. Путин,
Валдайский форум.

УДК 32.327

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ОПЫТ ВОСТОЧНЫХ ПОЛИТИЙ (исламская проекция)*

Косов Геннадий Владимирович,

Пятигорский государственный
лингвистический университет,
профессор кафедры международных
отношений, мировой экономики и
международного права,
доктор политических наук, профессор,
г. Пятигорск, Россия.
E-mail: kossov1@yandex.ru

Станкевич Галина Викторовна,

Пятигорский государственный
лингвистический университет,
профессор кафедры международных
отношений, мировой экономики и
международного права,
доктор политических наук, доцент,
г. Пятигорск, Россия.
E-mail: stankevichg@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена особенностям политического процесса в странах, где ислам является государственной религией, и характеризуется его роль и влияние как на внутреннюю, так и внешнюю политику этих стран. Раскрываются основные, по мнению авторов, характеристики политического процесса в восточных странах и принципы его осуществления. Рассмотрены влияние глобализации на политику этих стран и варианты её развития; выявлены возможные тенденции в развитии восточного политического процесса в условиях глобализации.

Ключевые понятия:

ислам,
община,
политический процесс,
глобализация.

Восток, являясь колыбелью всех мировых религий, крайне не однороден. В истории политической мысли наблюдались попытки сформулировать некоторые общие черты восточных цивилизаций. Так, М. Вебер, оправдывая культурный империализм, писал о нерациональных аспектах этих цивилизаций [2]. Нам представляется, что целесообразно разделить Восток как социокультурный феномен на классический Восток (Индия, Китай, Япония) и исламский Восток. Притом что, с одной стороны, Востоку в широком социокультурном понимании (и классическому, и исламскому) присущ ряд общих характеристик, а с другой, существует определенная проекция ислама, буддизма-индуизма и т.д. на сущность и политическую практику восточных политий.

Для характеристики роли религиозного фактора в политическом процессе восточных политий мы воспользуемся рядом положений теории незападного политического процесса Л. Пая [10] и отечественной ориенталистики (Л.С. Васильев [1]).

Л. Пай, выделяя специфику политических процессов западного и незападного типов, сформулировал 17 черт, отличающих политический процесс в незападных обществах от политического процесса в западных [10, с. 66–85].

Описанная Л. Паем структура незападного политического процесса достаточно полно и подробно раскрывает его особенности, а теоретические рассуждения Л.С. Васильева о специфике восточных сообществ позволяют проследить эволюцию основных элементов политического процесса.

Представляется, что доантичные политические структуры как на Западе, так и на Востоке были идентичны, и мы считаем, что они развивались по восточному типу (в социокультурном, а не в географическом понимании). Начиная с Античности, происходит разделение политических структур и практик на специфически западные и восточные. Данное разделение связано с появлением на Западе частнособственных отношений, развитием товарного производства, отсутствием централизованной власти, наличием демократического самоуправления в общине и формированием «гражданского общества» [9, с. 10], в то время как в восточных обществах господствовала общинная и государственная, а не частная собственность. Данная тенденция вела к диктату общины над личностью, государства над общиной. Семья, клан, каста

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 13-33-01005 «Нетрадиционные религиозные объединения как сетевой субъект в системе угроз на Северном Кавказе».

(не путать с варной), братство как варианты общины, с одной стороны, помогали человеку в противостоянии с государством, а с другой – являлись проводниками идей государства/власти в массы. Руководители данных структур были вписаны в государственную систему, являясь первой ступенью чиновничества. Именно поэтому политическая структура восточных политий стремилась к внутренней стабильности, а консервация норм общинной этики способствовала воспроизведению одного и того же типа политических структур.

Д. Угринович отмечает три основные направления воздействия религии на политический процесс: «во-первых, влияние самой религии на политическое поведение верующего человека независимо от того, какую политическую позицию занимают служители церкви, затрагивают политические и социальные вопросы в своих проповедях, всякая пропаганда религии в известной мере усиливает политическую активность трудящихся, препятствует их участию в борьбе за общественное переустройство». «Во-вторых, религия воздействует на политический процесс через конкретные социальные учения, проповедующие церковные и религиозные организации. Наконец, в-третьих, религия оказывает воздействие на политический процесс через повседневную политическую деятельность церковных организаций» [13, с. 325–326]. Развивая данную мысль, можно утверждать, что религиозный фактор детерминировал появление особого психоментального типа западного и незападного человека. Если первый был «деятелем» (преобразователем) внешнего мира, то второй преобразовывал свой внутренний мир, следовал всеобщему закону Рита (с санскрита: «порядок вещей»), ориентировался на циклическое время, что делало предсказуемым его социальное поведение, детерминировало патерналистскую модель как семейной, общественной, так и политической жизни.

Итак, на Западе новации, в том числе и политические, явились следствием активности индивида, гражданина-собственника, а на Востоке – общины, принимающей только те ценности, которые соответствовали патернаму общинной жизни, традиционному хронотопу.

Базовые структуры политической жизни в незападном обществе связаны с коммунитаризмом, с общиной, и, следовательно, политическое поведение зависит от общинной идентификации, от культурной /этнической /религиозной идентичности. В

связи с этим и социальные/политические группы, и отдельные члены подобных сообществ сориентированы на конкретные аспекты общинных интересов, а не на политическую сферу.

Так, Л. Пай считает, что характер незападного политического процесса детерминирован формами социальных и собственно личных взаимоотношений, а власть/авторитет/влияние больше связаны с социальным статусом. Именно это и определяет проблему влияния как главную в политической борьбе, выводя за «скобки» дискуссии об альтернативных политических курсах. Процесс рекрутирования политической элиты и участия ее в политике в большей степени связан с культурной социализацией [7, с. 109–122], а не с деятельностью политических партий. Отметим, что даже для современных восточных политических партий, если вообще данный термин подходит для восточных политий, а точнее «братства», стремясь одержать первенство в политической борьбе и реализовать свои интересы, ориентированы на насаждение своего мировидения, мировосприятия, мирочувствования, социокультурных паттернов, основных элементов образа жизни своей группы /сообщества/, клана и т.д.

Французский арабист П. Рондо, характеризуя политические партии в мусульманском мире, отмечает, что унитарные требования, выдвигаемые исламом, делали всегда подозрительными деление людей по кланам, фракциям, враждующим группировкам [5, с. 235–237]. Слово «хизб» (арабское обозначение «партии») обычно переводится в Коране как «раскольническая группировка», т.е. этому слову придается отрицательное значение (хотя в то же время в Коране содержится упоминание о «партии Аллаха» (хизбуллах) и «партии дьявола» (хизбушайтан) [8, с. 15–17].

П. Рондо отмечает, что деление мусульман на три основные ветви нельзя считать партийным делением [5, с. 235–237]. В то же время в исламе задолго до появления современных партий религиозные братства нередко выражали определенные социально-политические тенденции.

– Религиозные братства представляли в классическом исламе наиболее прочную форму ассоциации, – считает П. Рондо [5, с. 235–237]. Это были группы людей, которые, следуя тому или иному мистическому учению, складывались вокруг духовного учителя, выработывая духовную иерархию. По-арабски братство обычно именуется «тарика» (путь), хотя иногда можно

встретить и «хизб», что означает, с одной стороны, некоторую неправомерность существования братства в глазах наиболее правоверных мусульман, но с другой – свидетельствует о возможностях, которыми располагает братство в сфере общественно-политической жизни. П. Рондо подчеркивает существующую преобладающую в исламском мире тенденцию к однопартийному правлению [5, с. 235–237], что объясняется спецификой политических режимов восточных политий в исламской проекции.

Итак, политический процесс в современных восточных политиях – это не процесс овладения (производства) властью, а процесс ее сохранения и использования с целью поддержки имманентно присущего, сложившегося и устоявшегося, ставшего традицией в политической жизни. В основе восточных политий лежит религиозный фактор, позволяющий государству выступать в качестве перманентного мобилизатора и охранителя патернов поведения, социальных практик [8].

Помимо базовых параметров, одинаковых для всех стран периферии, на Востоке существуют специфические черты, детерминированные исламом [13, с. 130–134.].

Мусульманские теологи в качестве одной из коренных особенностей своего вероучения называют единство религии и политики. В качестве аргумента они приводят тезис о том, что Мухаммед был не только проповедником, но и непосредственным организатором общины мусульман – уммы [12, с. 69–77]. Так, иранский политолог Сайид Хади Хосровшахи пишет: «Бог, пророк и великие проповедники, видевшие осуществление принципов ислама в организации процветающего общества, никогда не отделяли религию от политики». По словам Хасана ал-Банни, «в исламе исключен характерный для Европы конфликт между духовным и светским началами, между религией и государством... Христианская идея «богу – богово, кесарю – кесарево» здесь отсутствует, поскольку все принадлежит всемогущему Аллаху» [11, с. 56].

Толкуемая таким образом связь политики и религии означала утверждение теократии как идеальной формы исламского государства.

Ислам с самого начала был социальным движением и служил идеологическим обоснованием создания мусульманского государства. Именно Мединское государство, основанное пророком Мухаммедом, является идеальной организацией и высшим

достижением духовной культуры, образцом для всех современных мусульманских обществ. Хотя, следует подчеркнуть, что Мединская община не была государством в традиционном даже для средневековья смысле. Это, как отмечает Г.М. Керимов, была община-коммуна, члены которой занимались в основном сельским хозяйством и укреплением первых мусульманских военных подразделений [6, с. 9]. Мухаммед, как и другие руководители родов и племен, сам решал все вопросы: судебные, социально-экономические, бытовые. Он и его последователи особенно подчеркивали отличие общины от уже существующих государств.

Так как Коран является «важнейшим руководством для материальной и духовной жизни людей вплоть до страшного суда», а «малейшее отклонение от него есть начало упадка религии, исламских норм и крушение божественной справедливости», то трудно себе представить, что полная реализация всех регламентирующих позиций возможна в неисламском социальном и политическом окружении. Следовательно, главная задача, стоящая перед мусульманским миром, – объединение всей людской семьи для того, чтобы привести «человечество в состояние, которое оно должно достичь, спасти этого носителя божественных качеств от сатаны и деспотических правителей, установить справедливость в мире и передать власть в руки безгрешных духовных правителей, чтобы те передали ее достойным людям» [8, с. 4]. Ведь ислам и исламское правление положат конец несправедливости и жестокости, всем порокам и разложению, помогут людям достичь желаемого совершенства.

В исламе единственной определяющей нормой, в соответствии с которой может быть организована политическая жизнь общества, является выдвигаемая на первый план общность уз веры. Эти узлы образуют основу политической интеграции, социальной солидарности, экономической помощи и духовного братства. Аллах является суверенным правителем всех государств [5, с. 120].

На протяжении последних десятилетий мир был свидетелем неуклонного усиления политической роли ислама как во внутреннем, так и во внешнем политическом развитии целого ряда стран. После революции в Иране (1979 г.) заговорили о «возрожденческом движении почти всемирного масштаба», о «регенерации исламского этоса», о том, что мусульманский мир вступил в «одну из наиболее решающих фаз своей религиозной и культурной истории».

Ученый мир пытается найти объяснение этому феномену. Так, к причинам относят: «извечность бунта» (М. Родинсон); «двойной крах либерального капитализма и огосударственного социализма» (Ж.-Ф. Канн, Ж. Жвийяр); «экспроприацию» религиозности широких мусульманских масс в пользу правящих группировок, использование идеи ислама для политической мобилизации в ущерб подлинному духовному обновлению (Х. Буларес); реакцию на имитацию западных партийно-государственных структур, системы образования, моделей экономического развития; чувство духовного и идеологического вакуума (А. Марун) [анализ проводится по: 12].

Р. Декмеджян считает, что причинами конкретного исламского возрождения могут быть [3, с. 37]: затянувшийся кризис мусульманских обществ, вызванный «дезориентирующим политическим, экономическим и социальным воздействием западного и советского империализма; императивы экономического развития; борьба народов за независимость; арабо-израильский конфликт; потеря арабами Палестины и Иерусалима; возникновение западного и марксистского секуляристских движений; продолжающиеся политические конфликты в арабских странах и в мусульманском мире вообще.

Г. Джемаль связывает революционализацию ислама с тем, что «энтропийные механизмы, действующие в человеческой субстанции, исказили единство воли к смерти и воли к власти. Жертвенная элита, построенная по пассионарно-героической модели, ушла из исламской практики и перестала быть действенной» [4, с. 112]. Поэтому, считает он, исламское сообщество занялось возрождением героической элиты, выделением из своих рядов людей воинской психологической и ментальной ориентации, которые должны составить костяк будущего правящего класса в исламской умме.

Политические и экономические кризисы перекачивались по мусульманскому миру, громыхая государственными переворотами и псевдореволюциями. И все большей части мусульман казалось, что единственным выходом из тупика может служить обращение к исламу, исламская альтернатива, ибо «в руках продажных властей и прочих ахундов, которые были хуже деспотических правителей, Священный Коран использовался как инструмент для насаждения насилия, жестокости, коррупции, оправдания угнетателей и врагов Господа» [8, с. 4–5].

Движение за возвращение к первоначальному исламу представляется реакцией на неспособность элиты в исламских странах установить легитимный общественный порядок в рамках жизнеспособной политической структуры. Корни кризиса легитимности в мусульманских странах профессор политических наук университета штата Нью-Йорк Р. Декмеджян видит в неудачной попытке их политических и интеллектуальных элит заменить традиционный исламский легитимизм светскими идеями легитимизма и социальной сплоченности [3, с. 36].

Политический исламизм резко активизировался не вдруг, а в «определенном социально-политическом контексте, отмеченном социальным крахом развития, который вовсе не обязательно связан с экономическим крахом» [5, с. 124], – отмечает Х. Буларес. Определенность этого социально-политического контекста проявляется двояко: в резком усилении неравенства, росте угнетения со стороны властвующих элит в подавляющем большинстве мусульманских стран и в отчуждении и утрате жизненных ориентиров, возникающих в результате подражательной, имитирующей модернизации.

Г.Х. Янден определяет возрождение ислама как феномен «политического оппозиционизма». По его мнению, вызов Запада 70-х гг. XX века получает политико-религиозный ответ, так как ислам в мусульманских странах является и религией, и политикой, и «не было другой силы или организации, которая оказалась бы способной руководить, вдохновлять и направлять борьбу» [5, с. 122].

Постколониальная стратегия экономического развития в большинстве мусульманских стран дискредитировала в глазах широких масс модернизацию как таковую, так как модернизация происходила за счет снижения уровня жизни громадной части населения. Зревший протест против такой модернизации нуждался в политико-идеологической форме, которая бы нашла, что противопоставить: 1) достаточно быстрому, неподконтрольному изменению условий жизни; 2) наступлению всего «чужого», «импортного», навязанного извне и разлагающего «свое»; 3) резкому усилению и обнажению социального неравенства. Представляется справедливым утверждение о том, что своеобразным идеологическим обоснованием такого рода социальным ожиданиям стал ислам.

Основатель и лидер партии «Джамаат и ислам» в Пакистане Абдул Ала Маудуди

является признанным автором разработки в современных условиях концепции «исламского государства». Он считает: 1) верховная власть в исламском государстве принадлежит Богу, правительство выполняет функцию заместителя (халифа) Бога на Земле; 2) шариат есть основной закон страны; 3) действующее законодательство не должно противоречить шариату; 4) государство не должно преступать «границы», установленные исламом [11, с. 83].

Часть мусульманских теоретиков и идеологов и в настоящее время заявляют, что их вероучение не признает законодательства, вводимого рациональными человеческими аргументами. Так, лозунг «Братьев-мусульман» звучал: «Коран – наша конституция». За главой государства признаются функции административного регулирования исключительно в рамках шариата. Данная традиция уходит корнями в средневековую арабскую философию, в рамках которой и правители, и государственные деятели одновременно являются и судьями, и надзирателями. Их власть может быть исполнительной, административной, судебной, но не законодательной, ибо законодателем является сам Бог.

Одним из важных моментов в учении ислама, по мнению Г.М. Керимова, который активно используется в современных условиях, является толкование нации и гражданства. Согласно Корану «исламская нация» – это умма (народ) – единая нация, сложившаяся в границах всех мусульманских государств. Так, Муаммар Каддафи писал, что «ислам – это фактор сохранения исламской нации, идейная основа арабского национализма» [6, с. 60], а Али Аскер Хекмет уточнял, что «у мусульман один национализм, и этот национализм – ислам, ибо для мусульман национализм – символ веры» [6, с. 55]. «Гражданство» определяется термином «джинсия» и соответствует государственному разделению (например, египтянин, алжирец, иранец и т.п.)

В рамках концепции исламского миропорядка, которая была озвучена в Декларации Международного семинара, прошедшего 3–6 августа 1983 года в Лондоне, подчеркивается, что одной из политических целей уммы является объединение всех исламских движений в единое глобальное движение, «с тем, чтобы создать исламское государство» [5, с. 124]. Процесс создания исламского государства сопряжен, по мнению участников семинара, во-первых, с ликвидацией всех видов власти, находящихся в конфликте с Аллахом и Его Пророком, во-вторых,

всякого политического, экономического, социального, культурного и философского влияния западной цивилизации. Конечной целью исламского варианта глобализации должно стать установление справедливости «во всех человеческих отношениях на всех уровнях в мире» [5, с. 124].

Исламский сценарий глобализации связан с превращением исламской традиции в политическую идеологию, стремящуюся, во-первых, к объединению всех мусульман в едином исламском государстве, и, во-вторых, к тотальной войне против всех неверных с целью их обращения в ислам для дальнейшего их включения в состав исламского государства. Современный автор Аль-Афгани разработал основополагающие принципы панисламизма: «во-первых, отказ от привнесенных концепций в силу их отчужденности от исламского общества и непригодности для него; во-вторых, подтверждение основного принципа (панисламизма) – ислам верен для любого места и времени» [5, с. 112].

Таким образом, на наш взгляд, политический процесс в восточных странах связан с вычлениением и поддержкой в политической и социальной жизни имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного на основе религиозных ценностей.

1. Арабо-исламский мир на пороге XXI века. М.: ИНИОН АН СССР, 1999. 186 с.

2. Воскресенский, А.Д. Незапад в дискурсе мирополитической компаравистики [Текст] / А.Д. Воскресенский // Международные процессы. 2004. № 3. С. 54–63.

3. Васильев Л.С. История Востока. В 2-х т. М.: Высшая школа, 1993.

4. Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре / АН СССР, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке при президиуме. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1991. 186 с.

5. Декмеджян Р. Анатомия исламского возрождения: кризис легитимности, этнический конфликт и поиски исламских альтернатив // Проблемы исламоведения. Вып. 1. М.: ИНИОН АН СССР, 1982. 198 с.

6. Джемаль, Г. Освобождение ислама [Текст] / Г. Джемаль. М., 2004. 416 с.

7. Жданов, Н.В. Исламская концепция миропорядка [Текст] / Н.В. Жданов. М.: Наука, 2003. 568 с.

8. Керимов Г.М. Учение ислама о государстве и политике. М.: Знание, 1986. 64 с.

9. Косов, Г.В. Специфика политического процесса в периферийных странах [Текст] / Г.В. Косов, Ю.Г. Ефимов // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 9. С. 109–122.

10. Косов, Г.В. Политическая концепция ислама: цивилизационный и политологический анализ [Текст] / Г.В. Косов. Ставрополь: Изд-во Возрождение, 2008. 220 с.

11. Косов, Г.В. Становление гражданского общества в России: цивилизационный и политологи-

ческий анализ [Текст] / Г.В. Косов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 4. С. 8–14.

12. Пай, Л. Незападный политический процесс [Текст] / Л. Пай // Политическая наука. 2003. №2. С. 66–85.

13. Плешаков, О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане [Текст] / О.В. Плешаков. М.: Наука, 2003. 286 с.

14. Проблемы исламоведения. Вып. 1. М.: ИНИОН АН СССР, 1982. 198 с.

15. Угринович Д.М. Философические проблемы критики религии. М.: Политиздат, 1965. 349 с.

1. Arabo-islamskij mir na poroge XXI veka. М.: ИНИОН АН СССР, 1999. 186 с. (Russian).

2. Voskresenskij, A.D. Nezapad v diskurse miropoliticheskoj komparativistiki [Текст] / A.D. Voskresenskij // Mezhdunarodnye processy. 2004. № 3. С. 54–63 (Russian).

3. Vasil'ev L.S. Istorija Vostoka. V 2-h t. М.: Vysshaja shkola, 1993 (Russian).

4. Veber M. Raboty M. Vebera po sociologii, religii i kul'ture / AN SSSR, INION, Vsesojuz. mezhdved. centr nauk o cheloveke pri prezidume. Vyp. 2. М.: INION, 1991. 186 с. (Russian).

5. Dekmedzhjan R. Anatomija islamskogo vozrozhdenija: krizis legitimnosti, jetnicheskij konflikt i poiski islamskih al'ternativ // Problemy islamovedenija. Vyp. 1. М.: ИНИОН АН СССР, 1982. 198 с. (Russian).

6. Dzhemal', G. Osvoboždenie Islama [Текст] / G. Dzhemal'. М., 2004. 416 с. (Russian).

7. Zhdanov, N.V. Islamskaja koncepcija miroporjadka [Текст] / N.V. Zhdanov. М.: Nauka, 2003. 568 с. (Russian).

8. Kerimov G.M. Uchenie islama o gosudarstve i politike. М.: Znanie, 1986. 64 с. (Russian).

9. Kosov, G.V. Specifika politicheskogo processa v periferijnyh stranah [Текст] / G.V. Kosov, Ju.G. Efimov // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2012. № 9. С. 109–122 (Russian).

10. Kosov, G.V. Politicheskaja koncepcija islama: civilizacionnyj i politologicheskij analiz [Текст] / G.V. Kosov. Stavropol': Izd-vo Vozrozhdenie, 2008. 220 с. (Russian).

11. Kosov G.V. Stanovlenie grazhdanskogo obshhestva v Rossii: civilizacionnyj i politologicheskij analiz [Текст] / G.V. Kosov // Kaspiskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2009. № 4. С. 8–14 (Russian).

12. Paj, L. Nezapadnyj politicheskij process [Текст] / L. Paj // Politicheskaja nauka. 2003. № 2. С. 66–85 (Russian).

13. Pleshakov, O.V. Islam, islamizm i nominal'naja demokratija v Pakistane [Текст] / O.V. Pleshakov. М.: Nauka, 2003. 286 с. (Russian).

14. Problemy islamovedenija. Vyp. 1. М.: ИНИОН АН СССР, 1982. 198 с. (Russian).

15. Ugrinovich D.M. Filosoficheskie problemy kritiki religii. М.: Politizdat, 1965. 349 с. (Russian).

UDC 32.327

RELIGIOUS FACTOR IN THE POLITICAL PROCESS: THE EXPERIENCE OF EAST POLITIES (MUSLIM CASE)

Kosov Gennady Vladimirovich,

Pyatigorsk State Linguistic University, Professor of International Relations, World Economy and International Law, Doctor of Political Sciences, Professor Pyatigorsk, Russia.
E-mail: kossov1@yandex.ru

Stankevich Galina Viktorovna,

Pyatigorsk State Linguistic University, Professor of International Relations, World Economy and International Law, Doctor of Political Sciences, Associate Professor Pyatigorsk, Russia.
E-mail: stankevichg@rambler.ru

Annotation

The article is devoted to the peculiarities of the political process in countries where Islam is the state religion and it is characterized by its role and influence, both on the domestic and foreign policies of these countries. It reveals the main characteristics of the political process in the eastern countries and the principles of its implementation according to the authors. It identifies the influence of globalization on the policies of these countries and the ways of its development, possible trends in the development of the East of the political process in a globalized world.

Key concepts:

Islam, the community, the political process, globalization.

УДК 123.2+304.4+930.1

АЛЬТЕРНАТИВЫ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ В 1917 г.: ОПЫТ ФИЛОСОФСКО- ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Нехамкин Валерий Аркадьевич,
Московский государственный
технический университет
им. Н.Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, доцент,
г. Москва, Россия.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматриваются альтернативы, которые имелись перед монархической властью в России в конце февраля – начале марта 1917 г. Показываются перспективы их реализации на практике.

Ключевые понятия:

монархия,
исторические альтернативы,
Николай II,
фатализм,
власть.

В 2012 г. исполнилось 95 лет событиям в России, которые, если взять название одноименной работы Д.Рида, «потрясли мир». Меньше чем за год (с февраля по октябрь 1917 г.) в стране произошли две революции (Февральская, Октябрьская), власть потеряли монархия, либералы из Временного правительства, а в итоге произошедших событий страной более 70 лет правили радикальные социалисты (большевики). Сменился не только политический режим, но и форма собственности на средства производства: от преимущественно частной в начале 1917 г. до государственной, национализированной – к весне 1918 г. Радость, «братание» представителей различных слоев общества после свержения монархии в кратчайший срок сменились противоположной тенденцией – всеобщим озлоблением, ненавистью, Гражданской войной 1918–1922 гг.

Быстрота трансформаций привела многих отечественных специалистов к фаталистическому рассмотрению событий 1917 г. По идеологическим причинам тезис о неизбежности прихода к власти большевиков получил наиболее широкое распространение у советских ученых. «Все предшествующее готовило Октябрь» [13, с. 263], – заявлял еще в 30-е гг. М. Н. Покровский. В некоторых работах 80-х гг. данный подход принимал характер аксиомы: «Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. ... предопределена исторической необходимостью» [3, с. 146].

Позиция о неизбежности прихода к власти большевиков продолжала озвучиваться специалистами и в 90-е гг. XX в., когда идеологический диктат перестал существовать. Если в советский период фатализм обосновывался «положениями марксизма-ленинизма», то в последнее десятилетие XX в. его «методологическим» основанием стала мистика или, в лучшем случае, принцип «из двух зол надо выбрать наименьшее». Например, в работе об исторических альтернативах (что уже показательно!) Г. Померанц констатирует: «... Гроза войны 1914–1918 гг. и другие грозы (включая события 1917 г. в России – В.Н.) разразились, потому что над Европой повисло темное духовное облако (курсив мой – В.Н.)...» [12, с. 65]. М. Гефтер писал: «Вопрос из краеугольных – был ли выбор в 1917 году? ...Выбора не было. Свершившееся тогда (приход к власти большевиков – В.Н.) – единственное, что противостояло неизмеримо большей кровавой перетасовке, развалу без смысла. Выбор – позже. Не исторического пути, а уже внутри «пути»...» [1, с. 248–249].

Несмотря на некоторые отличия, сторонники подобной, фаталистической точки зрения, едины в главном: они не оставляют людям, стране выбора. Пытаются убедить, что в 1917 г., кроме реализовавшегося на практике варианта, тенденции (гибель монархии – Временное правительство – большевики), никаких иных альтернатив не существовало. Возникает теоретическая проблема: насколько оправдан такой подход для оценки событий начала 1917 г.? Поскольку недостатки любых видов фатализма сегодня очевидны, целесообразно, на мой взгляд, преодолеть его негативные стороны на базе альтернативной истории или контрфактического моделирования прошлого (КФМ).

В данной работе рассмотрен ряд альтернативных вариантов действий, который мог быть реализован монархической властью в конце февраля – начале марта 1917 г. Такое использование КФМ позволит достичь ряда познавательных и практических целей. Во-первых, опровергнет распространенный тезис, что монархия не имела в данный период никакого выхода из тупика, была однозначно обречена (на чем настаивают фаталисты). Во-вторых, выявит ошибки конкретного правителя в сложившихся обстоятельствах, наметит для него позитивную (с точки зрения автора) программу поведения. В-третьих, отсечет субъективные, «политизированные», нереализуемые в марте 1917 г. альтернативы, о которых писали современники событий, их потомки, покажет недостатки предложенных здесь описаний потенциального прошлого. В-четвертых, даст ценную информацию на тему: как защищать имеющуюся власть в критические моменты истории?

Реконструкция альтернативных вариантов проводится на базе следующей методологии. Во-первых, в соответствии с разработанным автором методом моделирования, состоящим в «приписывании реальной личности каких-либо ирреальных действий» [10, с. 116] с изучением их последствий. Во-вторых, на основе правил Д. Мило [9, с. 197] будет определено: а) «невозможное для данного момента» (альтернативы, не реализуемые на практике); б) траектория «движения от возможных вариантов к конкретно свершившемуся», т.е. пути корректировки реальности, исходя из имеющейся информации. В-третьих, с помощью сравнительного анализа, который позволяет сопоставлять разделенные временем, но похожие по форме и содержанию исторические ситуации.

Конечно, для самодержавия к февралю 1917 г. «веер свободы» действий значительно сузился, по сравнению с предшествующим

периодом [12, с. 59]. Однако способы ухода от революции у монархии существовали даже в это время.

Самый распространенный из них связан с фигурой императора Николая II. Ее ретроспективно негативные оценки звучат до сих пор. С позиции Н.Я. Петракова, «никто объективно не сделал столько для победы большевиков, как последний русский император...» [11, с. II]. Если бы в феврале 1917 г. Россией правил «человек калибра Петра I или Николая I ...» [14, с. 218], – сетовал современник описываемых событий В.В. Шульгин. Следовательно, при таком подходе логика проста: если этот правитель привел страну к двум революциям за год, то его замена на другую личность автоматически ведет к противоположным, позитивным, результатам.

Интересно, что сценарии подобного развития событий начали разрабатывать даже не «склонные» к альтернативности советские философы: «Во главе ... России во время Первой мировой войны стоял умственно ограниченный, неспособный царь – Николай II. Ну, а если бы вместо Николая II царствовал другой, способный и умный человек? ... В этом случае он, вероятно, смог бы предотвратить революцию в России. А раз так, то страна продолжала бы развиваться по капиталистическому пути...» [2, с. 379].

Попытка рассмотреть последствия замены Николая II на иную личность накануне 1917 г. – крайне интересна. Она оправдана методологически (удаление реальной личности – распространенный метод КФМ [см.: 10, с. 113]). У нее есть и фактические основания. Планы дворцового переворота у некоторых представителей правящей элиты (от «правых» до отдельных «великих князей») существовали уже к концу 1916 г. Однако тогда придется разбирать весь круг возможных претендентов на верховную власть, их возможные действия, эффективность в существовавших условиях и т.д. Это может увести далеко в сторону от главной темы исследования. Отсюда в настоящей работе принимаем гипотезу, что император остается прежним.

Недостаточно обоснован, на мой взгляд, и альтернативный вариант, связанный с введением в ситуацию нового институционального «игрока» – патриаршества. Как полагал, например, А.А. Керсновский, патриарх в марте 1917 г. мог сыграть решающую роль в предотвращении антимонархической революции в России. «Будь в России в 1917 г. патриарх, то к нему, а не к предателям с генерал-адъютантскими вензелями, обратился бы за советом Император Николай Александрович – и все пошло бы по-другому. Во всяком случае,

Временного правительства мы не имели бы» [7, с. 49]. Подобная идея не могла быть реализована в данный момент в силу следующих обстоятельств. Во-первых, Николай II правил 22,5 года, но так и не восстановил институт патриаршества. Он (подобно предшественникам) опасался православной церкви как независимой от государства силы (несмотря на личную религиозность), а потому императора устраивала схема, введенная Петром I, опиравшаяся на Св. Синод как орган церковного контроля. Патриаршество в реальности (и совсем не случайно) восстановлено после падения монархии.

Во-вторых, данный институт оказывался бессилем и в практическом плане. Даже если бы патриарх присутствовал в данной ситуации и посоветовал бы Николаю II не отречься от престола, то это никак не решало проблемы неподчинения императору ряда высших военных и гражданских чинов, у которых находилась реальная власть. Отлучение их от церкви (на что мог пойти поддерживающий Николая патриарх в крайнем случае) тоже не давало быстрого положительного эффекта.

Отсеивая невозможное, сформулируем условия «исторической задачи». События в Петрограде застали императора не в столице, а в Ставке, Могилеве-на-Днепре, что снижало эффективность его действий. Николай пытался подавить революционное движение путем посылки на Петроград воинских подразделений под командованием генерала Н.И. Иванова, но они остановились, не доходя столицы, будучи «распропагандированными». Одновременно императору фактически отказались подчиняться начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев, командующие фронтами, флотами, которые предложили Николаю отречься от власти. После этого попыток подавить восстание в столице Николай не предпринял (тем более, что там находились фактически в заложниках императрица, наследник, его дочери).

Что делать в сложившихся условиях? После отречения Николай II оценивал ситуацию крайне пессимистично. В дневнике от 2 марта 1917 г. он записал: «Кругом измена, и трусость, и обман». По мнению бывшего императора, опереться ему в борьбе за власть в тот момент не на кого. Однако, оценивая ситуацию в исторической ретроспективе, согласиться с ним полностью нельзя.

Из реально возможных вариантов, имевшихся для сохранения монархии в феврале-марте 1917 г., можно (обобщив позиции мемуаристов и современных авторов) выделить следующие.

1. Подавление революции с опорой на гвардию. Активный участник событий В. Шульгин утверждал: «Представим себе, что в 1917 году мы бы имели нетронутую и совершенно надежную в политическом смысле гвардию. Никакой революции не произошло бы. Самое большее, что случилось бы, – это отречение императора Николая II. Затем, допустим, что разложившаяся армия бросила бы фронт. Новый император или регент заключил бы мир – пусть невыгодный, но что же делать? ...Затем при помощи гвардии восстановил бы порядок повсюду, ибо... взбунтовавшиеся войска не способны бороться с полками, сохранившими дисциплину. Пусть беспорядки продолжались бы год, два, три... – все равно власть, опирающаяся на твердую силу, восторжествовала бы...» [14, с. 220].

В. Звягинцев видит развитие событий в феврале 1917 г. по аналогии с декабрём 1905 г. «Не брось Николай II свою блестящую гвардию умирать в Мазурские болота ..., оставь корпус кавалерии и два корпуса пехоты в Петрограде и Царском Селе, и где бы была та Февральская революция? Там же, где и Московское восстание 1905 года, грамотно и быстро подавленное одним только Семеновским полком!» [4, с. 339].

Оценим последствия реализации такого варианта. Рассматривая альтернативную ситуацию сквозь призму реальности, поставим вопрос: почему гвардию послали на фронт? Во-первых, Николай в 1914–1916 гг., как и иные правители того времени, считал: боевые действия закончатся после очередного «военного успеха». Надо использовать все имеющиеся возможности вооруженных сил для достижения победы. Кроме того, на фронтах имели место высокие потери, которые требовалось возместить. Во-вторых, показательна аналогичная ситуация в Германии. Кайзер Вильгельм II, видевший опыт Николая, посылает в середине 1918 г. гвардию на фронт. Он прекрасно понимает, что без достижения военного успеха (или «почетного мира» с Антантой) в стране начнется революция. Гвардия его власть тогда не спасет.

В целом вариант подавления антимонархической революции гвардией можно считать крайне маловероятным (но возможным, учитывая наличие в гвардии промонархически настроенных офицеров и солдат) в сложившихся исторических условиях. На мой взгляд, кадровые гвардейские части оказались к февралю 1917 г. в значительной степени уничтоженными на фронте, а их немногие сохранившиеся подразделения сами по себе не оказали бы существенного

влияния на развитие событий. Как отмечал В. Архипенко, «в дни революции сохранившиеся гвардейские части вовсе не поддерживали царя, а солдаты их запасных батальонов, расположенных в Петрограде, одни из первых выступили вместе с восставшим народом. И даже собственный конвой отвернулся от него (Николая II – В.Н.)» [Цит. по: 6, с. 9].

2. Подавление революции с опорой на консервативную часть офицерского корпуса. Этот вариант тоже разрабатывал Шульгин. «Если бы можно было вооружить оставшихся в зале Армии и Флота офицеров, а главное, если бы ... это были люди, ... скажем, корниловского закала, если бы кто-нибудь понял значение военных училищ – ... эта минута могла спасти все... Можно было раздавить бунт, ибо ... «революционный народ» ... сражаться ... бы не стал... Надо было бы сказать ему, что Петроградский гарнизон распускается по домам. ...Надо было бы мерами исключительной жестокости привести солдат к повиновению, выбросить весь сброд из Таврического дворца, восстановить обычный порядок жизни и поставить правительство, ...опирающееся на настоящую гвардию» [14, с. 218].

На наш взгляд, такой вариант тоже мало реален, но мог иметь место на практике с большей вероятностью, чем чисто «гвардейский». Офицеры «корниловского закала» еще должны были сформироваться (сам Л.Г. Корнилов в марте 1917 г. лично арестовал императрицу по приказу Временного правительства). От имени кого бы офицерская масса, привыкшая к повиновению начальникам, отдала бы приказ о роспуске Петроградского гарнизона – не ясно. Однако в случае наличия в данной среде волевых, самостоятельно мыслящих личностей, «поднятия» ими на борьбу военных училищ шанс на противостояние революционным силам у монархистов имелся (даже большевикам в октябре 1917 г. пришлось потратить несколько дней на подавление аналогичного выступления юнкеров в Петрограде).

3. Радикальная конфронтация императора с революционными силами. Показательно, что этот вариант разрабатывают не современники событий, а их потомки. По мнению Звягинцева, для подавления волнений Николаю достаточно было «... арестовать и тут же расстрелять на краю насыпи думскую делегацию, прибывшую требовать у него отречения, после чего объявить Могилев временной столицей империи, предложить Вильгельму сепаратный мир без аннексий и контрибуций, а там ... двинуть

на северную столицу (Петроград – В.Н.) испытанные фронтовые части» [5, с. 113]. Шульгин, в сравнении с этим сценарием, более реалистичен. Он не предлагает расстрелять прибывшую к царю за отречением думскую делегацию (ибо сам входил в ее состав), а сепаратный мир с Германией видит крайним средством при самом неблагоприятном развитии событий. Перенос «временной столицы империи» в Могилев для него – тоже из области фантастики. Открытое же начало Николаем крупномасштабной гражданской войны в феврале 1917 г. не кажется выходом для страны и сегодня. Звягинцев же уверенно утверждает: при осуществлении предложенной программы «последствия для Николая, его семейства, России, Германии и всего мира оказались бы куда менее тяжкими, чем то, что вышло в действительности» [5, с. 113].

Результаты реализации такого варианта очевидны. Во-первых, Петроградский Совет немедленно объявил бы Николая вне закона. Значит, с высокой вероятностью погибла бы его семья. Во-вторых, ни один из командующих фронтами (не говоря о более низком уровне армейского руководства) не выполнил бы в марте 1917 г. при наличии боеспособной армии приказ об открытии фронта немцам. Император оказался бы в глазах военачальников, солдат «изменником». В-третьих, германские войска тоже могли воспользоваться обстановкой («оголением» Восточного фронта) в свою пользу, продолжив наступление. Так что последствия «расстрела думской делегации» в марте 1917 г. оказались бы для Николая и страны гораздо более худшими, чем в реальности.

В сложившихся условиях позитивная программа действий Николая II видится автором следующим образом. Налицо – «бунт» политической элиты. Его требовалось подавить, начав снятием с должностей ряда высших военных с заменой их на лояльных персон. Затем – взяться за ротацию гражданских чиновников.

При невозможности движения на Петроград императору необходимо вернуться назад в Могилев (без объявления его «временной столицей»). Нахождение в районе станции Дно отрывало правителя от средств связи, рычагов управления, делало его беспомощным.

Кроме того, Николай должен был любыми путями (в обмен на уступки) настаивать, чтобы в Ставку отпустили семью (это развязывало свободу рук для дальнейших действий). Далее следовало затягивать пе-

реговоры об отречении под различными формальными предложениями (например, согласование его условий). Добиваться государственных гарантий неприкосновенности себе, семье, особого статуса бывшего императора и т.п.

Главная ошибка Николая – использование в конце февраля 1917 г. только приемов (ходов), которые подсказал ему опыт работы «главным чиновником» бюрократической системы (новое министерство с другим премьером, ответственное перед Государственной Думой, затем – роспуск Думы, военная экспедиция на Петроград). В то же время подавление массового неповиновения представителей высшей политической элиты всегда требует нестандартных действий, смекалки, разработки специфической тактики (неожиданных политических союзов и т.д.), направленной к главной цели. Николай мог действовать комплексно: опереться и на офицерские части, и на сохранившийся состав гвардейских полков, оставшийся (особенно в офицерской среде) верным ему в «мятежной» столице. Однако лишившись традиционных средств управления, потеряв контроль над бюрократической «машиной», император предпочел отказаться от власти.

Ситуация Николая II порождает «урок»: правитель (монархический, демократический и т.п.) должен в идеале не доводить дело до положения, когда его отставки требует не только население, но и значительная часть правящей элиты. Если же он оказался в такой ситуации (когда руководителю страны не подчиняется государственный и особенно – военный аппарат), то требуется заранее разработать план действий в подобной обстановке. Конечно, длительная неограниченная власть (тем более доставшаяся без борьбы, в силу рождения) «расслабляет» правителя, но готовность бороться за нее в чрезвычайных условиях – важный показатель степени его адекватности занимаемому посту (Николай I сумел подавить восстание декабристов в день коронации в декабре 1825 г.).

Еще один аспект оценки альтернатив Николая II дает сравнительный анализ. В похожей (по набору вариантов действий) ситуации в апреле 1605 г. оказался в 16 лет занявший престол Федор Годунов. Доверия к нему в глазах значительной части народа нет. Государственный, военный аппарат правителя сначала признает, но вскоре переходит от саботажа к открытому сопротивлению его приказам. Часть страны занята войсками претендента на верховную власть Дмитрия. Н. Костомаров видит для Федора следующие альтернативы: бежать;

отречься от престола с признанием нового царя (надеясь на милосердие победителя); собрать оставшиеся силы, идти на последний бой. «Годуновы не сделали ничего подобного» [8, с. 148]: они лишь истребляли сторонников Дмитрия в Москве. Итог такой «политики» – дворцовый переворот, смерть Федора, части его семьи в июне 1605 г.

Сопоставление позволяет сделать ряд выводов. Оба правителя столкнулись с неповиновением государственного аппарата, но действовали по-разному. Николай после этого сразу отрекся, Федор предпочел умереть, но не подчиниться. Николай и Федор не стали идти в сложившейся ситуации ни на «решительный бой» с врагом, ни бежать (бросив семью на произвол судьбы). Роднит монархов и общая судьба – насильственная смерть их самих, близких, гражданская война в стране как расплата за ошибочные действия, проявленную слабость в ходе удержания власти. Здесь тоже кроется важнейший исторический «урок».

Конечно, может показаться, что выделенные в работе альтернативы носят чисто теоретический характер. Однако на деле они воспроизводятся в сходных ситуациях. Проблему удержания власти при неподчинении части государственного аппарата приходится решать не только правителям-монархам, но и при иных политических режимах (вспомним М. Горбачева в августе 1991 г., Б. Ельцина осенью 1993 г.). Здесь аналитически осмысленный, обобщенный опыт «нереализованного» прошлого способен пригодиться на практике, иногда – увести ситуацию от острого конфликта. Подобные альтернативы не всегда лежат на виду. Их часто требуется реконструировать средствами научного историософского анализа, собирая из разных источников. Тем более нельзя на основе фиксации наличия альтернатив выявить исторические «уроки», общие правила оптимальных действий в изучаемых ситуациях. Проведенный анализ альтернатив монархии в 1917 г. оставляет надежду на плодотворность КФМ прошлого в целом.

1. Гефтер, М.Я. Из тех и этих лет [Текст] / М.Я. Гефтер. М.: Прогресс, 1991.

2. Диалектический и исторический материализм [Текст] / М.: Политиздат, 1968.

3. Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса [Текст] / Е.М. Жуков, М.А. Барг, Е.Б. Черняк, В.И. Павлов. М.: Наука, 1979.

4. Звягинцев, В.Д. Время игры [Текст] / В.Д. Звягинцев. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

5. Звягинцев, В.Д. Бои местного значения [Текст] / В.Д. Звягинцев. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
6. Касвинов, М.К. Двадцать три ступени вниз [Текст] / М.К. Касвинов. М.: Мысль, 1987.
7. Керсновский, А.А. История русской армии. В 4 т. Т.1. [Текст] / А.А. Керсновский. М.: Голос, 1992.
8. Костомаров, Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613 гг. [Текст] / Н.И. Костомаров. М.: Чарли, 1994.
9. Мило, Д. За экспериментальную, или веселую, историю [Текст] / Д. Мило // THESIS. 1994. № 5. С. 185–205.
10. Нехамкин, В.А. Становление контрфактической истории: философско-методологический аспект. [Текст] / В.А. Нехамкин. М.: МАКС Пресс, 2010.
11. Петраков, Н.Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней [Текст] / Н.Я. Петраков. М.: Экономика, 1998.
12. Померанц, Г.С. История в сослагательном наклонении [Текст] / Г.С. Померанц // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 55–66.
13. Покровский, М.Н. Русская история в самом сжатом очерке [Текст] / М.Н. Покровский. М.: Партиздат, 1932.
14. Шульгин, В.В. Дни. 1920: Записки [Текст] / В.В. Шульгин. М.: Современник, 1989.

1. Gefter, M.Ja. Iz teh i jetih let [Текст] / M.Ja. Gefter. М.: Progress, 1991 (Russian).
2. Dialekticheskij i istoricheskij materializm [Текст] / М.: Politizdat, 1968 (Russian).
3. Zhukov E.M., Barg M.A., Chernjak E.B., Pavlov V.I. Teoreticheskie problemy vseмирno-istoricheskogo processa [Текст] / E.M. Zhukov, M.A. Barg, E.B. Chernjak, V.I. Pavlov. М.: Nauka, 1979 (Russian).
4. Zvjagincev, V.D. Vremja igry [Текст] / V.D. Zvjagincev. М.: JeKSMO-Press, 2001 (Russian).
5. Zvjagincev, V.D. Boi mestnogo znachenija [Текст] / V.D. Zvjagincev. М.: JeKSMO-Press, 2001 (Russian).
6. Kasvinov, M.K. Dvadcat' tri stupeni vniz [Текст] / M.K. Kasvinov. М.: Mysl', 1987 (Russian).
7. Kersnovskij, A.A. Istorija russkoj armii. V 4 t. T.1. [Текст] / A.A. Kersnovskij. М.: Golos, 1992 (Russian).
8. Kostomarov, N.I. Smutnoe vremja Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletija. 1604–1613 gg. [Текст] / N.I. Kostomarov. М.: Charli, 1994 (Russian).
9. Milo, D. Za jeksperimental'nuju, ili veseluju, istoriju [Текст] / D. Milo // THESIS. 1994. № 5. С. 185–205 (Russian).
10. Nехamkin, V.A. Stanovlenie kontrfakticheskoi istorii: filosofsko-metodologicheskij aspekt. [Текст] / V.A. Nехamkin. М.: МАКС Press, 2010 (Russian).
11. Petrakov, N.Ja. Russkaja ruletka: Jekonomicheskij jeksperiment cenozu 150 millionov zhiznej [Текст] / N.Ja. Petrakov. М.: Jekonomika, 1998 (Russian).
12. Pomernac, G.S. Istorija v soslagatel'nom naklonenii [Текст] / G.S. Pomeranc // Voprosy filosofii. 1990. № 11. С. 55–66 (Russian).
13. Pokrovskij, M.N. Russkaja istorija v samom szhatom ocherke [Текст] / M.N. Pokrovskij. М.: Partizdat, 1932 (Russian).
14. Shul'gin, V.V. Dni. 1920: Zapiski [Текст] / V.V. Shul'gin. М.: Sovremennik, 1989 (Russian).

UDC 123.2+304.4+930.1

ALTERNATIVES OF RUSSIAN MONARCHY IN 1917: THE EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL ANALYSIS

Nekhamkin Valeri Arkadyevich,

Bayman Moscow State Technical University,
Professor of the Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Moscow, Russia.

E-mail: nehamkin@rambler.ru

Annotation

The article examines the alternatives of Russian monarchy power at the end of February and at the beginning of March in 1917. It shows the prospects of its realization in practice.

Key concepts:

monarchy,
historical alternatives,
Nicolas II,
fate,
power.

УДК 341

МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО: КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС РОССИИ И ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

Магденко Александр Дмитриевич,
Российская академия правосудия,
Уральский филиал,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: dozent0760@mail.ru

Алимов Алиммирзе Алимович,
Управление МВД России
по г. Челябинску,
отдел лицензионно-разрешительной
работы, инспектор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: alimow@mail.ru

Аннотация

В статье авторами предложено по-новому взглянуть на современное международное право. Многие его системообразующие начала, ряд отдельных наиболее значимых универсальных международных договоров, системы коллективной безопасности и многое другое рассматривается в качестве правовых инструментов и механизмов, обеспечивающих безопасность всего мирового сообщества.

Ключевые понятия:
мировое сообщество,
безопасность мирового сообщества,
инструменты безопасности мирового
сообщества,
угрозы безопасности,
коллективная безопасность.

Конституция России 1993 года является значительной вехой в жизни российского государства. Принятая в переходный этап исторического развития, она отразила в себе как стремления к новому внутреннему устройству общества, так и к новому положению в мире. В частности, в преамбуле указывается, что многонациональный народ Российской Федерации принимает Конституцию, «сознавая себя частью мирового сообщества». При этом следует отметить, что преамбула, являясь составной частью Основного закона, определяет мотивы его принятия. Значение преамбулы нельзя недооценивать, придавая ей лишь характер вводной части к этому важнейшему документу.

Особо следует отметить юридическую силу преамбулы. Считается, что преамбула Конституции имеет для законодательной и исполнительной власти не только моральную, но и юридическую силу, а судами должна восприниматься в качестве «оселка», на котором выверяется адекватность истолкования конституционных норм, содержащихся в разделах, главах и статьях.

Данное утверждение о юридической силе преамбулы нашло непосредственное отражение в правоприменительной практике Конституционного суда РФ, в том числе в части, касающейся указанного фрагмента текста Основного закона. В Определении от 19.11.2009 № 1344-О-Р суд, обозначив свое право на толкование нормативно-правовых актов при разъяснении смысла рассматриваемого правового документа, не только сослался на преамбулу Конституции, но и подтвердил неразрывную взаимосвязь России с мировым сообществом. В частности, он указал следующее: «Поскольку Постановление от 2 февраля 1999 года N 3-П действует в течение достаточно большого срока и, кроме того, имеет распространение во времени и по кругу лиц, аналогичное нормативным предписаниям, Конституционный Суд Российской Федерации при разъяснении данного Постановления исходит из его взаимосвязи с другими правовыми актами, в том числе с действующими нормами в сфере международного права о неприменении смертной казни как вида наказания и международными договорами Российской Федерации, а также из динамики регулирования соответствующих правоотношений и тенденций в мировом сообществе, частью которого осознает себя Российская Федерация (преамбула Конституции Российской Федерации)».

Позиционирование Российской Федерации как части мирового сообщества пре-

допределяет значимость для нее вопросов обеспечения защиты мирового сообщества, особенно в аспекте обеспечения собственной безопасности государства. При этом следует отметить, что человечество, вступившее в начало 3-го тысячелетия, характеризуется нарастающими процессами глобализации и развития коммуникаций, при которых эфемерное и разрозненное мировое сообщество поступательно из политического термина-декларации превращается в юридически значимую действительность современной международной жизни.

На наш взгляд, в нынешних условиях мировое сообщество является совокупностью элементов межгосударственной системы и глобального гражданского общества, при рассмотрении которой в качестве объекта безопасности можно обозначить некоторые инструменты и механизмы защиты.

Инструменты, направленные на обеспечение безопасности всего мирового сообщества, носят политический, военный, экономический и иной характер. Наиболее эффективным правовым инструментом является в целом современное международное право, что прослеживается в его глобальных направлениях. Исследователями выделяется пять подобных направлений: формирование и защита международного правопорядка и международной законности; обеспечение международного мира и международной безопасности; содействие обеспечению и защите прав и свобод человека, противодействие уголовной преступности; международное сотрудничество в экономической, гуманитарной и межцивилизационной областях; формирование, совершенствование и применение санкционных форм международного принуждения и международно-правовой ответственности [7, с. 56–57]. На обеспечение безопасности мирового сообщества ориентированы также такие отдельные системообразующие начала международного права, как принцип мирного сосуществования и сотрудничества государства, принцип неприменения силы или угрозы силой, право международной безопасности, право мирных средств разрешения международных споров, международное уголовное право и др.

Наибольшее значение среди правовых инструментов, обеспечивающих безопасность мирового сообщества, имеют отдельные международно-правовые договоры. Они составляют договорно- и обычно-правовую основу обеспечения безопасности мирового сообщества и противодействия конкретным угрозам.

Особую роль в обеспечении безопасности мирового сообщества и функционирования всех элементов мирового сообщества занимают международные межправительственные организации. Они являются основными организационными механизмами, обеспечивающими безопасность мирового сообщества, и условно могут быть подразделены на специально учреждаемые для борьбы с угрозами безопасности (ООН, региональные организации коллективной безопасности, Интерпол и др.) и создаваемые для осуществления и развития жизненно важных и необходимых процессов существования и деятельности элементов мирового сообщества (специализированные учреждения ООН, Евразийское экономическое сообщество и др.).

Одним из актуальных современных механизмов обеспечения безопасности мирового сообщества является механизм коллективной безопасности, который воплощен в деятельности соответствующих организаций. В основном он предназначается для противодействия такой военной угрозе безопасности государства и мирового сообщества, как агрессия.

Наибольший интерес из существующих организационных форм коллективной безопасности в вопросах обеспечения безопасности мирового сообщества представляют универсальные системы коллективной безопасности, первой из которых, как известно, была Лига Наций.

Несмотря на то что Лига Наций имела множество недостатков, ее появление не только показало существование зачатков мирового сообщества, но и в международно-правовом плане явилось своеобразным «прорывом» в вопросах безопасности мирового сообщества. Существование и деятельность Лиги Наций означало, что вопросы безопасности мирового сообщества на универсальном, глобальном уровне можно и нужно решать.

Следующей универсальной организацией международной безопасности явилась Организация Объединенных Наций, которая согласно уставу «преследует цели: поддерживать международный мир и безопасность... Развивать дружественные отношения между нациями... Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем... Быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей».

ООН создавалась, прежде всего, для того, чтобы не допустить прямого столкновения между государствами (великими

в то время), получившими статус постоянных членов Совета Безопасности ООН, и тем самым обеспечить безопасность всего мирового сообщества [4, с. 235]. Новая организация безопасности должна была ставить перед собой задачу выше, чем просто победа в случае войны, т.е. тем самым отличаться от военных блоков и альянсов [5, с. 117–118].

Основатели ООН изначально придавали ей большое значение в деле обеспечения безопасности мирового сообщества и считали ее существенным механизмом противодействия и предупреждения военных угроз [5, с. 119; 12, с. 116–118]. В коммюнике о Крымской конференции трех союзных держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании от 11 февраля 1945 г. говорилось: «Мы решили в ближайшее время учредить совместно с нашими союзниками всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности. Мы считаем, что это существенно как для предупреждения агрессии, так и для устранения политических, экономических и социальных причин войны путем тесного и постоянного сотрудничества всех миролюбивых народов» [12, с. 47].

Развитие всего мирового сообщества обусловило развитие и совершенствование ООН как универсальной системы коллективной безопасности. В частности, деколонизация, за счет чего произошло увеличение государств мира и членов Организации Объединенных Наций, явилась причиной изменения количества членов одного из главных органов ООН – Совета Безопасности.

Исследователи в настоящее время выступают за реформирование Совета Безопасности по причине того, что «сегодня состав Совета Безопасности ООН не отвечает переменам объективного характера, а именно политическим, экономическим, военным переменам после 1945 года» [13, с. 294].

Изменения, произошедшие в жизни всего мирового сообщества, обусловили современное состояние Организации Объединенных Наций. Как верно отмечает зарубежный исследователь Райн М.С., «практика ООН привела к расширению и углублению масштабов ее юрисдикции, чего не предполагали создатели ООН» [14, с. 198]. Организация продолжает совершенствоваться, причем во всех направлениях как в сфере безопасности, так и в сфере международного сотрудничества. В последней сфере отмечается тот позитивный эффект, который достигается при централизации сотрудничества [8, с. 5].

Несмотря на негативное отношение к деятельности Организации Объединенных Наций со стороны некоторых исследователей [4, с. 17, 558], на наш взгляд, применительно к вопросам обеспечения безопасности мирового сообщества ей следует дать позитивную оценку. ООН, несмотря на происходящие в мире процессы, в том числе связанные с перераспределением военной силы государств, выполняет и продолжает выполнять свою главную функцию – защиту мирового сообщества от угрозы возникновения новой мировой войны, за что в 2001 году была удостоена Нобелевской премии мира.

Значителен вклад в обеспечение безопасности мирового сообщества, кроме рассмотренных нами универсальных систем коллективной безопасности, также региональные системы коллективной безопасности. Они изначально создавались для противодействия военным угрозам безопасности участников и тем самым обеспечивали безопасность мирового сообщества.

Современные региональные механизмы коллективной безопасности по спектру угроз, которым они противодействуют, отличаются от ранее существовавших. Это связано, прежде всего, с развитием мирового сообщества и появлением новых угроз безопасности, для противодействия которым недостаточно усилий одного государства. Согласно уставным и иным международным документам, такие организации как ОДКБ, ШОС и НАТО, противодействуют таким новым угрозам безопасности, как международный терроризм, экстремизм, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованная транснациональная преступность, нелегальная миграция и др.

В целом, отражая роль систем коллективной безопасности как механизмов обеспечения безопасности мирового сообщества, подчеркнем, что они в настоящее время продолжают нести на себе и политически, и юридически отпечаток блокового противостояния, а не общечеловеческого подхода. Это находит отражение даже в деятельности ООН. Поэтому, на наш взгляд, необходимо ставить вопрос об обеспечении безопасности не конкретного государства или группы государств, а всего мирового сообщества. Системы коллективной безопасности, противодействуя определенным угрозам международного характера на соответствующем (региональном или глобальном) уровне, должны быть направлены на обеспечение безопасности всего мирового сообщества.

Специализированные учреждения разрешают существующие острые экономические,

социальные и иные глобальные (региональные) проблемы, которые со временем могут перерасти в угрозу безопасности мировому сообществу.

Учреждения играют роль своеобразного посредника в устранении разногласий между государствами, разными по своей мощи, культуре, размерам и интересам, и служат площадкой для выражения мнений и подходов государств. Обеспечивая сотрудничество государств в специальных (профильных) сферах, учреждения обеспечивают взаимозависимость государств друг от друга, снижая тем самым возможность и желание государств прибегнуть к вооруженному (насилственному) способу разрешения межгосударственных споров.

Специализированные учреждения создают и обеспечивают действие единых международных стандартов и норм в своей сфере деятельности. Этим они обеспечивают наиболее разумное (грамотное, безошибочное) развитие всего мирового сообщества в соответствующих сферах, предотвращая и снижая тем самым возможность возникновения в будущем противоречий, создающих условия для возникновения угроз безопасности мировому сообществу.

Ныне в учредительных документах большинства специализированных учреждений ООН отражена их ответственность перед мировым сообществом, однако больше организационно и морально.

В настоящее время на иной уровень должна быть поставлена ответственность (включая международно-правовую) тех специализированных учреждений, которые не только содействуют развитию (стабилизации) в определенной сфере общечеловеческой деятельности, но и отвечают за безопасность мирового сообщества от определенных угроз, например, МАГАТЭ.

Наиболее ярко необходимость изменения международно-правовой ответственности специализированных учреждений в сфере безопасности мирового сообщества прослеживается через анализ их функций, где речь идет, в основном, лишь о содействии, поощрении или информировании государств и организаций в специальных сферах.

1. Андреев, М.В. Коллективная безопасность в развитии политико-правовой системы ее обеспечения [Текст] / М.В. Андреев / Основные тенденции развития современного международного права. LIBER AMICORUM в честь профессора Геннадия Иринарховича Курдюкова / отв. ред.: А.Б. Мезяев, Н.Е. Тюрина. Казань: Центр инновационных технологий, 2010. С. 36–46.

2. Буткевич, О.В. У истоков международного права [Текст] / О.В. Буткевич. СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 881 с.

3. Додонов В.Н., Панов В.П., Румянцев О.Г. Международное право. Словарь-справочник / под общ. ред. акад. МАИ, д.ю.н. В.Н. Трофимова. М.: ИНФРА-М, 1997. 368 с.

4. Ильин, Ю.Д. Право человека и государства на безопасность в современном мире [Текст] / Ю.Д. Ильин. М.: Норма, 2007. 288 с.

5. Крылов С.Б. И.В. Сталин о международной организации мира и безопасности. Ученые записки. № 9. Вопросы международного права в трудах И.В. Сталина / под ред. профессора Ф.И. Коженикова и доцента Д.А. Гайдукова. М.: Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). 1950. С. 114–121.

6. Ляхов, Е.Г. Защита прав человека как основное направления действия (осуществления) международного права. Специфика прав ребенка [Текст] Е.Г. Ляхов, К.В. Лисукова, В.О. Бояринова // Всеобщая декларация права человека: великая хартия прав и свобод человечества. Материалы международной конференции. М.: Московский университет МВД России, изд-во «Цит-М», 2009. С. 56–68.

7. Малинин, С.А. Избранное: Статьи и отрывки из книг: Право международной безопасности и межгосударственных организаций; договорное, морское, атомное право [Текст] / С.А. Малинин. СПб., 2003. 444 с.

8. Нешатаева Т.Н. Санкции системы ООН (международно-правовой аспект). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. 108 с.

9. Системная история международных отношений в двух томах / под редакцией А.Д. Богатурова. Том второй. События 1945–2003 годов. Изд. 2-е. М.: Культурная революция, 2009. 720 с.

10. Скакунов Э.И. Международно-правовые гарантии безопасности государств. М.: Междунар. отношения, 1983. 192 с.

11. Собакин В.К. Коллективная безопасность – гарантия мирного сосуществования. М.: Издательство ИМО. 1962. 520 с.

12. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1978. Т.5. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.). 1980. 710 с., ил.

13. Цимбривский Т.С. Реформирование Совета Безопасности ООН в реалиях XXI века // Российский ежегодник международного права. СПб: Издательство «Полиграфическое предприятие «Искусство России», 2006. С. 293–300.

14. Черниченко С.В. Теория международного права. В 2-х томах. Том 1: Современные теоретические проблемы. М.: Издательство «НИМПИ», 1999. 336 с.

15. Шibaева Е.А. Специализированные учреждения ООН. Международно-правовые аспекты. М.: Издательство «Международные отношения». 1966. 112 с.

1. Andreev, M.V. Kollektivnaja bezopasnost' v razvitiit politiko-pravovoj sistemy ee obespechenija [Tekst] / M.V. Andreev / Osnovnyye tendencii razvitiija sovremennogo mezhdunarodnogo prava. LIBER AMICORUM v chest' professora Gennadija Irinarhovicha Kurdjukova / отв. red.: A.B. Mezjaev, I. E. Tyurina. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 2010. S. 36–46.

N.E. Tjurina. Kazan': Centr innovacionnyh tehnologij, 2010. S. 36–46. (Russian).

2. Butkevich, O.V. U istokov mezhdunarodnogo prava [Tekst] / O.V. Butkevich. SPb.: Izd-vo R.Aslanova «Juridicheskij centr Press», 2008. 881 s. (Russian).

3. Dodonov V.N., Panov V.P., Rumjancev O.G. Mezhdunarodnoe pravo. Slovar'-spravochnik / pod obshh. red. akad. MAI, d.ju.n. V.N. Trofimova. M.: INFRA-M, 1997. 368 s. (Russian).

4. Il'in, Ju.D. Pravo cheloveka i gosudarstva na bezopasnost' v sovremennom mire [Tekst] / Ju.D. Il'in. M.: Norma, 2007. 288 s. (Russian).

5. Krylov S.B. I.V. Stalin o mezhdunarodnoj organizacii mira i bezopasnosti. Uchenye zapiski. № 9. Voprosy mezhdunarodnogo prava v trudah I.V. Stalina / pod red. professora F.I. Kozhevnikova i docenta D.A. Gajdukova. M.: Akademija obshhestvennyh nauk pri CK VKP(b). 1950. S. 114–121 (Russian).

6. Ljahov, E.G. Zashhita prav cheloveka kak osnovnoe napravlenija dejstviya (osushhestvlenija) mezhdunarodnogo prava. Specifika prav rebenka [Tekst] E.G. Ljahov, K.V. Lisukova, V.O. Bojarinova // Vseobshhaja deklaracija prava cheloveka: velikaja hartija prav i svobod chelovechestva. Materialy mezhdunarodnoj konferencii. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii, izd-vo «Shhit-M», 2009. S. 56–68 (Russian).

7. Malinin, S.A. Izbrannoe: Stat'i i otryvki iz knig: Pravo mezhdunarodnoj bezopasnosti i mezhdunarodnyh organizacij; dogovornoe, morskoe, atomnoe pravo [Tekst] / S.A. Malinin. SPb., 2003. 444 s. (Russian).

8. Neshataeva T.N. Sankcij sistemy OON (mezhdunarodno-pravovoj aspekt). Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1992. 108 s. (Russian).

9. Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v dveh tomah / pod redakciej A.D. Bogaturova. Tom vtoroj. Sobytiya 1945 – 2003 godov. Izd. 2-e. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2009. 720 s. (Russian).

10. Skakunov Je.I. Mezhdunarodno-pravovye garantii bezopasnosti gosudarstv. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1983. 192 s. (Russian).

11. Sobakin V.K. Kollektivnaja bezopasnost' – garantija mirnogo sosushhestvovaniya. M.: Izdatel'stvo IMO. 1962. 520 s. (Russian).

12. Sovetskij Sojuz na mezhdunarodnyh konferencijah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg.: Sb. dokumentov / M-vo inostr. del SSSR. M.: Politizdat, 1978. T.5. Konferencija Ob#edinennyh Nacij v San-Francisko (25 aprelja – 26 ijunja 1945 g.). 1980. 710 s., il. (Russian).

13. Cimbrivskij T.S. Reformirovanie Soveta Bezopasnosti OON v realijah XXI veka // Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. SPb: Izdatel'stvo «Poligraficheskoe predpriatie «Iskusstvo Rossii», 2006. S. 293-300 (Russian).

14. Chernichenko S.V. Teorija mezhdunarodnogo prava. V 2-h tomah. Tom 1: Sovremennye teoreticheskie problemy. M.: Izdatel'stvo «NIMPI», 1999. 336 s. (Russian).

15. Shibaeva E.A. Specializirovannye uchrezhdenija OON. Mezhdunarodno-pravovye aspekty. M.: Izdatel'stvo «Mezhdunarodnye otnoshenija». 1966. 112 s. (Russian).

UDC 341

WORLD COMMUNITY: CONSTITUTIONAL STATUS OF RUSSIA AND ASPECTS OF THE INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION

Magdenko Alexander Dmitrievich,

Associate Professor of state disciplines of Urals Branch of the Russian Academy of Justice (Chelyabinsk), Candidate of Juridical Science, Associate Professor, Chelyabinsk, Russia
E-mail: dozent0760@mail.ru

Alimov Alimirza Alimovich,

Administration of the Ministry of the Interior of Russia in Chelyabinsk, an Inspector, Chelyabinsk, Russia
E-mail: alimow@mail.ru

Annotation

The authors suggest examining new aspects of International Law. A lot of fundamental basics, the most significant international agreements, systems of collective security are considered as law instruments and mechanisms which can guarantee the security of the whole world community.

Key concepts:

world community,
security of the whole world community,
law instruments for the world community's security,
threats of safety,
collective security.

УДК 34

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОТБОРА И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Воропанов Виталий Александрович,

Российская академия народного
хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий кафедрой
государственного управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется развитие системы отбора и подготовки кадров государственной гражданской службы в Российской империи в первой половине XIX в.

Ключевые понятия:

Российская империя,
государственная гражданская служба.

Совершенствование системы государственной гражданской службы и обеспечение пополнения государственного аппарата квалифицированными кадрами являлось одним из приоритетных направлений в юридической политике абсолютной монархии в России XVIII – первой половины XIX вв. Высшее управление государственной гражданской службой сосредоточилось в I Отделении Собственной е.и.в. канцелярии. В 1846 г. монарх учредил при I Отделении «Инспекторский департамент гражданского ведомства», преемственный Герольдии, приняв управление кадрами государственного аппарата «под собственное руководство» [37]. В 1852 г. Николай I доверил работу по замещению должностей в местном государственном аппарате ниже VII класса Табели о рангах ведомственным органам губернского уровня, сократив обязанности губернского правления [44].

Сословные принципы объективно снижали эффективность отбора подданных на государственную гражданскую службу. Отношение дворян к государственной, гражданской службе положительно изменилось с учреждением в конце XVIII в. выборных должностей в местных органах государственного управления и образованием Министерств в столице, однако хроническая нехватка канцелярских работников, их общий низкий профессиональный уровень вынудили законодателя разрешить в 1813–1816 гг. приём на гражданскую службу выпускников средних и начальных духовных школ [3], в 1818 г. – лиц, не окончивших обучение в духовных училищах [9], в 1821 г. – нижних воинских чинов, уволенных из армии после 25 лет службы [10]. Получение образования освобождало лиц от действия сословного ценза, однако выпускники университетов исключались из списков налогоплательщиков лишь после документального подтверждения их намерения поступить на государственную гражданскую службу [7].

С начала XIX в. верховная власть повысила требования к подготовке кадров для государственной гражданской службы. Указом от 24 января 1803 г. Александр I предупредил молодых дворян о том, что после 1807 г. «никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище». Через образование император гарантировал успешную карьеру и социальные преимущества [4]. Общие причины реформирования государственной гражданской службы М.М. Сперанский изложил в записке «Об усовершенствовании общего народного воспитания» (1808 г.), указав на важность отмены чинов, ослаблявших мотивацию юношей к образованию, дававших «ложную

цену местам и достоинствам» и отделявших государственных служащих от народа [2, с. 7–14]. Именной указ от 19 июля 1807 г. запретил приписку «дворян к присутственным местам без действительной службы». Именной указ от 6 августа 1809 г. напомнил об актуальной потребности государства в образованных служащих и прекратил производство в чины VIII и V классов (коллежские ассессоры и статские советники) лиц, не получивших высшего образования, утвердив льготы при назначении в должности и в продвижении по карьере за выпускниками университетов и чиновниками, прошедшими экзаменационные испытания [6]. В 1812–1815 гг. из действия общих правил были изъяты работники аппаратов Военного и Морского министерств, а также Военной и Адмиралтейской счётных экспедиций [8].

Указ от 24 января 1803 г. ввёл 4-ступенчатую бессловную систему образования с преемственностью учебных программ для одноклассных приходских училищ, 3-классных уездных училищ и 6-классных гимназий [5]. Представители дворянского сословия стремились воспитывать детей в привилегированных средних учебных заведениях, приравненных к университетам: благородных пансионах при Московском и Санкт-Петербургском университетах, Демидовском высших наук училище (в Ярославле с 1804 г.), Царскосельском (с 1811 г.), Ришельевском (в Одессе с 1817 г.), Кременецком (с 1819 г.) лицеях, Гимназии высших наук князя Безбородко (в Нежине с 1820 г.) или военно-учебных заведениях (кадетских корпусах, военных училищах и др.) [1, с. 15–23].

Численность государственных служащих неуклонно росла. Верховная власть негативно оценивала распространение дворянских прав и преимуществ, препятствуя притоку в государственный аппарат выходцев из иных сословий, не обладавших консервативно-корпоративным мировоззрением и лишавших устойчивости сформированную структуру населения. Естественный прирост государственных служащих как обособленной социальной группы позволил законодателю закрепить сословные ограничения: «Положение о канцелярских служителях гражданского ведомства» (1827 г.) подразделило лиц, наделённых правом поступления на государственную службу, на 3 разряда: в 1-й вошли потомственные дворяне, во 2-й – дети личных дворян, купцов 1-й гильдии, православных и греко-униатских священников и дьяконов, реформатских пасторов, в 3-й – дети «приказных служителей», учёных и художников. Канцеляристов разных разрядов позволялось представлять к производству в первый классный чин после 2, 4, 6 и 12 лет «действительной службы» соответственно [13].

Требование сословной принадлежности снималось при наличии свидетельства об образовании. На службу принимались выпускники высших и средних общеобразовательных и специальных учебных заведений, уполномоченных присваивать чины: учёной степени «доктора» соответствовал чин VIII класса, «магистра» – IX, «кандидата» – XII, «действительного студента» – XIV [16]. Царскосельский и Ришельевский лицеи поощряли воспитанников чинами IX–XIV классов («по мере успехов и благонаравия»), высшее училище князя Безбородко – XII и XIV, Демидовское – XIV класса [45]. Лица, успешно окончившие гимназию и подготовленные к дальнейшему получению образования в университете, награждались чином XIV класса в случае, если дополнительно обучались греческому языку [15]. Духовные академии присваивали учёные степени магистров и кандидатов, семинарии – чин XIV класса и т.д. [49].

Приём на службу «людей податного состояния» прекратился [22]. Потомственные гражданские служащие превратились в основную источник формирования низшего звена российской бюрократии. Свидетельством преодоления нехватки канцелярских кадров стали указы от 22 декабря 1832 г. и 22 февраля 1839 г., позволившие детям личных дворян и приказных служителей, не имевшим обер-офицерских чинов, записываться в городские и сельские сословия [27].

В то же время «Устав гимназий и училищ уездных и приходских» от 8 декабря 1828 г. упразднил преемственность учебных программ для низших школ и предоставил дворянам преимущественный доступ в гимназии («главнейшая цель учреждения гимназий, есть доставление средств приличного воспитания детям дворян и чиновников» (§ 137) [14]. «Рескриптом» на имя министра от 19 августа 1827 г. император запретил принимать в высшие и средние учебные заведения крепостных крестьян [12]. Обособленные учебные заведения сблизились с системой образовательных учреждений: Московский и С.-Петербургский университетские благородные пансионы в 1830 г. были реорганизованы в гимназии (в 1833 г. на базе 1-й гимназии в Москве создан дворянский институт [28]), школы «высших наук» в Нежине и Ярославле в 1832–1833 г. – в лицеи [26]. Устав от 24 апреля 1840 г. закрепил новый профиль лицея князя Безбородко, объявив целью его деятельности «распространение основательных сведений по части отечественного законодательства»; подготовку к обучению в юридическом лицее возложили на местную гимназию [38]. На базе Кременецкого лицея, переведённого в Киев, в 1834 г. открылся очередной Импе-

раторский университет – св. Владимира [29] (Варшавский и Виленский университеты были упразднены после польского восстания [23]). Надзор над системой общеобразовательных учебных заведений был усилен с принятием «Положения об учебных округах» от 25 июня 1835 г., расширившим полномочия попечителя учебного округа и учредившим при нём совет в составе помощника, ректора университета, инспектора казённых училищ и начальников крупных учебных заведений [31]. Общий устав императорских российских университетов от 26 июля 1835 г. сузил автономию высших учебных заведений [32].

В империи неуклонно росло число образовательных учреждений, складывалась общегосударственная система подготовки юристов. Тем не менее развитие сети начальных школ не удовлетворяло кадровых потребностей гражданской службы. В целях подготовки канцелярских работников и оказания помощи семьям малоимущих чиновников в образовании детей Николай I учредил специальные учебные заведения: в 1824 г. – в Рязани по инициативе местной администрации [25]; в 1828 г. – ещё 12 для 21 губернии и 2-х областей с общим числом учащихся 555 чел. [19] В свою очередь, на Урале возникли 2 училища для детей канцелярских служителей: Вятскому выделили средства для содержания 30 воспитанников, Пермскому, принимавшему юношей из Пермской и Оренбургской губерний, – 45 [20]. В 1829 г. монарх разрешил дополнительный приём в училища «пансионеров» из семей «чиновников и дворян» для обучения на платной основе [21]. В 1832 г. специальная школа открылась в центре Восточной Сибири – Иркутске, рассчитанная на 25 воспитанников и 10 «пансионеров» из Иркутской и Енисейской губерний [24]. Петрозаводское училище, запланированное исключительно для пополнения кадрами Олонецкой губернии, в 1840 г. преобразовали в «пансион» при местной гимназии [39].

Отличников, выявленных аттестационными комиссиями училищ («в присутствии Попечительного совета»), переводили на 3-й год обучения в гимназии, особо одарённых учеников – в города с университетами для дополнительного посещения «лекций русского правоведения». Выпускники училищ для детей канцелярских служителей и особых отделений при гимназиях вступали в службу канцеляристами низшего и высшего разрядов или принимались сверх штата до открытия вакансий, обязуясь отработать в губернии 8 и 6 лет соответственно [18]. В 1845 г. Государственный совет уполномочил министра внутренних дел открывать новые училища для детей канцелярских служителей и увеличивать число их воспитанников до 100 чел. [42] Ряд специальных

школ дополнили «Отделения воспитанников», учреждённые в 1823 г. при приказах общественного призрения в Полтаве и Ярославле и выпускавшие младших и старших писцов, обязанных прослужить 10 и 8 лет [11].

«Местное начальство над каждым училищем», находившимся в ведении Министерства внутренних дел, законодатель поручил специальным Попечительным советам в составе губернатора, губернского директора училищ, а также губернского предводителя дворянства и непременно члена приказа общественного призрения или, в случае их отсутствия, – чиновникам, назначенным монархом по представлению министра [17].

Николай I повысил значение высшего образования и упорядочил полномочия учебных заведений по награждению чинами: с 1835 г. учёная степень «кандидата» соответствовала чину X класса, чин остальных выпускников университетов, сохранивших звание «действительных студентов», вырос до XII класса [33]. «Устав о службе гражданской по определению правительства», включённый в том III Свода законов Российской империи, закрепил перечень учебных заведений, награждавших успешных выпускников чинами [50]. Царскосельский (с 1844 г. Александровский) лицей и Императорское училище правоведения присваивали чины IX–XIV классов, лицеи Рижский, Демидовский и князя Безбородко – XII и XIV классов [51]. С 1849 г. чина XIV класса удостаивались воспитанники гимназий, получившие юридические знания (обученные «русскому законоведению») [43].

Законодатель усилил зависимость начальных условий карьеры чиновника от полученного образования и сословного происхождения: Положение о порядке производства в чины по гражданской службе от 25 июня 1834 г. подразделило выпускников учебных заведений на 3 разряда. Общий темп продвижения по рангам Табели для служащих 1-го разряда являлся равным до IX класса (титулярного советника), в чин коллежского асессора потомственные дворяне производились через 4 года, иные лица – через 6 лет. Канцелярским работникам, окончившим средние учебные заведения, закон позволял присваивать чин XIV класса в соответствии с их групповой принадлежностью (по Положению 1827 г.) через 1, 2 и 4 года службы, перевод из IX в VIII класс осуществлялся для потомственных дворян через 4 года, для иных – лиц через 10 лет. Наконец выпускникам низших учебных заведений и служащим, не имевшим аттестатов, чин XIV класса давался через 2, 4 года и 6 лет, их перевод из IX в VIII класс мог осуществляться не ранее чем через 5 и 10 лет. Сроки производства в очередной чин сокращались за выдающиеся

успехи («особенные отличия»), достигнутые на государственной службе [30].

Спустя 10 лет Дополнительными правилами к Уставу о гражданской службе (от 28 ноября 1844 г.) законодатель установил образовательный минимум для получения первого классного чина в объёме учебной программы уездного училища: без аттестата потомственные дворяне производились в коллежские регистраторы через 4 года добросовестной службы, канцеляристы 2-го разряда – через 6 лет, лица, причисленные к почётным гражданам, – через 12 лет, старые работники 3-го разряда при наличии начального образования имели право после 8 лет службы в одном ведомстве на получение «звания и преимуществ личного почётного гражданства», после 16-ти – на производство в чин XIV класса, при отсутствии аттестата – на повышение социального статуса через 10 лет и увеличение до трети жалованья через 20 лет добросовестной службы (при условии прохождения «особого испытания») [41]. Наконец именным указом от 9 декабря 1856 г. отменил ускоренный темп чиновничьего производства для государственных служащих, получивших образование: срок выслуги в чине до VIII класса составил 3 года, до V класса – 4 [48].

Правительство Николая I разработало комплекс мер, поощрявших службу в отдельных периферийных провинциях – в Белоруссии, Литве, на Кавказе, Европейском Севере, Урале, в Сибири и Америке, вошедших в раздел V книги I тома III Свода законов 1842 г., затем 1857 г. издания («О преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях империи и губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской»). «Общие» и «частные преимущества» включали повышенные материальные компенсации, льготы в чиновничьем производстве и при замещении классовых должностей [52]. Из-под действия указа от 6 августа 1809 г. были исключены Грузия, губернии Кавказская, Олонекская, Сибирь. В 1837 г. монарх позволил набирать канцелярских служащих в Сибири среди ссыльных, происходивших из привилегированных сословий [36]. Положение от 9 июня 1842 г. «в виде особого изъятия» наделило правом поступления на службу в ряде уездов Архангельской и Вологодской губерний, в Астраханской, Вятской, Олонекской, Оренбургской губерниях, Кавказской области (Ставропольской губернии), губерниях и областях Западной и Восточной Сибири выходцев из городских сословий и семей церковнослужителей, имевших свидетельства о среднем образовании [40].

Для обеспечения образования детей добросовестных гражданских служащих в 1837–1848 гг. монарх ввёл обучение за счёт средств государства – по 20 воспитанников в Астраханской, Пермской и Оренбургской,

Тобольской, Томской и Иркутской гимназиях. Иркутская гимназия дополнительно принимала по 10 школьников из Енисейской губернии. По одному из выпускников, «отличившихся способностями, успехами и поведением», следовало ежегодно направлять для получения высшего образования по выбранной ими специальности в Казанский университет. Лица, чьё обучение оплатило государство, обязались отслужить в губерниях от 6 до 8 лет. В гимназиях было введено преподавание юридических дисциплин, позволявшее поощрять выпускников, имевших «особенные и отличные познания в русском законоведении», при приёме на государственную службу чином XIV класса [34].

Отдельным вниманием правительства пользовалась подготовка кадров для службы на Кавказе [35]. «Положением о Кавказском учебном округе», утверждённом 29 октября 1853 г., предусматривалось финансирование в Екатеринбургской, Кутаисской, Ставропольской и Тифлисской гимназиях 362 мест для детей русских дворян, представителей этнических элит и казачьих офицеров. Лучшие выпускники гимназий («кавказские казённые воспитанники») направлялись для дальнейшего образования в столичные учебные заведения: Московский и С.-Петербургский университеты, Училище правоведения, Институт путей сообщения и др., обязуясь после их окончания «прослужить на Кавказе и за Кавказом не менее шести лет» [47]. Право на чин XIV класса распространялось на всех воспитанников кавказских гимназий, успешно завершивших курс обучения и получивших юридические знания [46].

Таким образом, развитие системы отбора и подготовки кадров государственной гражданской службы в Российской империи в первой половине XIX в. выражалось в планомерном сужении круга лиц, допущенных на службу, и усилении зависимости условий карьеры чиновника от его сословного происхождения и полученного образования. Общая нехватка делопроизводителей в органах государственного управления компенсировалась внесением дополнений в законодательство, разрешавших приём на службу в виде исключения лиц непривилегированных сословий. Естественный прирост потомственных гражданских служащих позволил законодателю с началом второй четверти XIX в. окончательно замкнуть их в сословную группу. При этом разнородность происхождения чиновников обусловила дифференциацию условий, влиявших на темп их продвижения по карьере. Требование сословной принадлежности ослаблялось при получении подданным образования. Однако обучение в общеобразовательных заведениях было нацелено на преимущественную

подготовку к гражданской службе дворян. Законодатель последовательно фиксировал рост значения образования для карьеры государственного служащего.

Для поддержки семей законопослушных и малоимущих чиновников монарх санкционировал государственное финансирование обучения с установлением для воспитанников обязательной срочной службы, учредил сеть специальных школ (училищ для детей канцелярских служащих). Одновременно правительство решало задачи по укреплению государства в периферийных провинциях империи и интеграции в состав российской социально-политической «элиты» её обособленных этнических («национальных») групп.

Правительство Николая I завершило реализацию «программы» Петра Великого, направленную на становление и развитие профессионального государственного аппарата в России. Управление кадрами государственной службы император поставил под личное руководство посредством I Отделения Собственной е.и.в. канцелярии. Признанием роста компетентности губернских чиновников стало делегирование местным отраслевым органам полномочий по подбору канцелярских работников. Удовлетворительные успехи в предварительной подготовке кадров для государственной гражданской службы позволили законодательно упростить зависимость чиновничества от образования.

Абсолютная монархия закрепила социальную дистанцию между государственными служащими как представителями государственной власти и остальным населением. В среднесрочной перспективе политика российской верховной власти в сфере управления кадрами государственной гражданской службы завершилась крушением имперского государства.

1. Диссон Ю.А. Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 26 с.

2. Сперанский М.М. Об усовершенствовании общего народного воспитания // Воспитательная работа в школе. 2010. № 5. С. 7-14.

3. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. I. Т. XXII. № 25506; т. XXXIII. № 26204.

4. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVII. № 20597. П. 24.

5. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVIII. № 21501.

6. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. № 23771.

7. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXI. № 24864.

8. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXII. № 25047; т. XXXIII. № 25862.

9. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXV. № 27498.

10. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXVII. № 28593.

11. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29517; т. XXXIX. № 30054, 30105.

12. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. II. № 1308.

13. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. II. № 1469. Ст. I-V.

14. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. II. № 2502.

15. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. II. № 2502. § 235.

16. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. II. № 27646. § 9, 44; (Свод законов Российской империи (далее – СЗ РИ). Т. III. СПб., 1833. Кн. I. Ст. 64-73.

17. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 1814. § 20-43.

18. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 1814. § 86-104.

19. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. Штаты к № 1814; № 1817, 2238, 2242, 2394. П. 7-12.

20. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 2185.

21. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. IV. № 3131.

22. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. IV. № 3191.

23. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VII. № 5317.

24. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VII. № 5334.

25. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VII. № 5472.

26. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VII. № 5659; т. VIII. № 6370.

27. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VII. № 5842. П. 8; т. XIV. № 12042.

28. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VIII. № 6003.

29. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VIII. № 6558, 6670.

30. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. IX. № 7224.

31. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8262.

32. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8337.

33. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8337. § 128; т. XIX. № 17806. § 3.

34. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XII. № 10408. Ст. 1-7; т. XIX. № 17544. § 1-10; № 22185. § 1-10; т. XXI. № 20073. § 1-10; СЗ РИ. Т. III. Кн. I. Ст. 104, 485, 526, 527, 1254, 1275, 1277, 1304, 1305.

35. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XII. № 10408. Ст. 12; т. XXI. № 20716; т. XXIII. № 22838. § 75; т. XXIV. № 23307. § 4.

36. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XII. № 10470. П. 5.

37. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XII. № 20401.

38. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XV. № 13415.

39. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XV. № 13759.

40. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XVII. № 15731. § 2-4; СЗ РИ. Т. III. Кн. I. Ст. 1267.

41. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIX. № 18474.

42. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XX. № 19558.

43. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXIV. № 23113; СЗ РИ. Т. III. СПб., 1857. Кн. I. Ст. 97.

44. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXVII. № 25944. Ст. 124. П. 1.

45. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXVIII. № 21606. Ст. 20; XXXI. № 24325. П. 18; т. XXXIV. № 26827. § 102, 105, 143; № 26875. П.1; СЗ РИ. Т. III. СПб., 1833. Кн. I. Ст. 78-81.

46. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXVIII. № 27646. § 45; СЗ РИ. Т. III. Кн. I. Ст. 102.

47. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXVIII. № 27646. § 48; СЗ РИ. Т. III. Кн. I. Ст. 182, 1307, 1387.

48. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXI. № 31237.

49. СЗ РИ. Т. III. СПб., 1833. Кн. I. Ст. 74-77, 82-141.

50. СЗ РИ. Т. III. СПб., 1857. Кн. I. Ст. 97-104, 156, 163 и др.

51. СЗ РИ. Т. III. СПб., 1857. Кн. I. Ст. 196, 199, 201-206, 240.

52. СЗ РИ. Т. III. СПб., 1857. Кн. I. Ст. 1254-1410.

1. Disson Ju.A. Licei i blagorodnye pansiony v sisteme narodnogo prosveshhenija Rossii v pervoj treti XIX v.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2008. 26 s. (Russian).

2. Speranskij M.M. Ob usovershenstvovanii obshhego narodnogo vospitanija // Vospitatel'naja rabota v shkole. 2010. № 5. С. 7-14 (Russian).

3. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (dalee – PSZ RI). Sobr. I. T. XXII. № 25506; т. XXXIII. № 26204 (Russian).

4. PSZ RI. Sobr. I. T. XXVII. № 20597. P. 24 (Russian).

5. PSZ RI. Sobr. I. T. XXVIII. № 21501 (Russian).

6. PSZ RI. Sobr. I. T. XXX. № 23771 (Russian).

7. PSZ RI. Sobr. I. T. XXXI. № 24864 (Russian).

8. PSZ RI. Sobr. I. T. XXXII. № 25047; t. XXXIII. № 25862 (Russian).
9. PSZ RI. Sobr. I. T. XXXV. № 27498 (Russian).
10. PSZ RI. Sobr. I. T. XXXVII. № 28593 (Russian).
11. PSZ RI. Sobr. I. T. XXXVIII. № 29517; t. XXXIX. № 30054, 30105 (Russian).
12. PSZ RI. Sobr. II. T. II. № 1308 (Russian).
13. PSZ RI. Sobr. II. T. II. № 1469. St. I–V (Russian).
14. PSZ RI. Sobr. II. T. II. № 2502 (Russian).
15. PSZ RI. Sobr. II. T. II. № 2502. § 235 (Russian).
16. PSZ RI. Sobr. II. T. II. № 27646. § 9, 44; (Svod zakonov Rossijskoj imperii (dalee – SZ RI). T. III. SPb., 1833. Kn. I. St. 64–73 (Russian).
17. PSZ RI. Sobr. II. T. III. № 1814. § 20–43 (Russian).
18. PSZ RI. Sobr. II. T. III. № 1814. § 86–104 (Russian).
19. PSZ RI. Sobr. II. T. III. Shtaty k № 1814; № 1817, 2238, 2242, 2394. P. 7–12 (Russian).
20. PSZ RI. Sobr. II. T. III. № 2185 (Russian).
21. PSZ RI. Sobr. II. T. IV. № 3131 (Russian).
22. PSZ RI. Sobr. II. T. IV. № 3191 (Russian).
23. PSZ RI. Sobr. II. T. VII. № 5317 (Russian).
24. PSZ RI. Sobr. II. T. VII. № 5334 (Russian).
25. PSZ RI. Sobr. II. T. VII. № 5472 (Russian).
26. PSZ RI. Sobr. II. T. VII. № 5659; t. VIII. № 6370 (Russian).
27. PSZ RI. Sobr. II. T. VII. № 5842. P. 8; t. XIV. № 12042 (Russian).
28. PSZ RI. Sobr. II. T. VIII. № 6003 (Russian).
29. PSZ RI. Sobr. II. T. VIII. № 6558, 6670 (Russian).
30. PSZ RI. Sobr. II. T. IX. № 7224 (Russian).
31. PSZ RI. Sobr. II. T. X. № 8262 (Russian).
32. PSZ RI. Sobr. II. T. X. № 8337 (Russian).
33. PSZ RI. Sobr. II. T. X. № 8337. § 128; t. XIX. № 17806. § 3 (Russian).
34. PSZ RI. Sobr. II. T. XII. № 10408. St. 1–7; t. XIX. № 17544. § 1–10; № 22185. § 1–10; t. XXI. № 20073. § 1–10; SZ RI. T. III. Kn. I. St. 104, 485, 526, 527, 1254, 1275, 1277, 1304, 1305 (Russian).
35. PSZ RI. Sobr. II. T. XII. № 10408. St. 12; t. XXI. № 20716; t. XXIII. № 22838. § 75; t. XXIV. № 23307. § 4 (Russian).
36. PSZ RI. Sobr. II. T. XII. № 10470. P. 5 (Russian).
37. PSZ RI. Sobr. II. T. XII. № 20401 (Russian).
38. PSZ RI. Sobr. II. T. XV. № 13415 (Russian).
39. PSZ RI. Sobr. II. T. XV. № 13759 (Russian).
40. PSZ RI. Sobr. II. T. XVII. № 15731. § 2–4; SZ RI. T. III. Kn. I. St. 1267 (Russian).
41. PSZ RI. Sobr. II. T. XIX. № 18474 (Russian).
42. PSZ RI. Sobr. II. T. XX. № 19558 (Russian).
43. PSZ RI. Sobr. II. T. XXIV. № 23113; SZ RI. T. III. SPb., 1857. Kn. I. St. 97 (Russian).
44. PSZ RI. Sobr. II. T. XXVII. № 25944. St. 124. P. 1 (Russian).
45. PSZ RI. Sobr. II. T. XXVIII. № 21606. St. 20; XXXI. № 24325. P. 18; t. XXXIV. № 26827. § 102, 105, 143; № 26875. P.1; SZ RI. T. III. SPb., 1833. Kn. I. St. 78–81 (Russian).
46. PSZ RI. Sobr. II. T. XXVIII. № 27646. § 45; SZ RI. T. III. Kn. I. St. 102 (Russian).
47. PSZ RI. Sobr. II. T. XXVIII. № 27646. § 48; SZ RI. T. III. Kn. I. St. 182, 1307, 1387 (Russian).
48. PSZ RI. Sobr. II. T. XXXI. № 31237 (Russian).
49. SZ RI. T. III. SPb., 1833. Kn. I. St. 74–77, 82–141 (Russian).
50. SZ RI. T. III. SPb., 1857. Kn. I. St. 97–104, 156, 163 i dr. (Russian).
51. SZ RI. T. III. SPb., 1857. Kn. I. St. 196, 199, 201–206, 240 (Russian).
52. SZ RI. T. III. SPb., 1857. Kn. I. St. 1254–1410 (Russian).

UDC 34

THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF SELECTING AND TRAINING THE PERSONNEL FOR STATE CIVIL SERVICE IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST PERIOD OF XIX CENTURY.

Voropanov Vitaliy Aleksandrovich,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch,

The Head of the Chair of State Management, Legal Groundwork of State and Municipal Service, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Chelyabinsk, Russia.

E-mail: voropanov@yandex.ru

Annotation

The article analyses the development of the system of selecting and training the personnel for state civil service in the Russian Empire in the first period of XIX century.

Key concepts:

The Russian Empire, state civil service.

УДК 330.101.2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Орехов Андрей Михайлович,

Российский университет
дружбы народов,
доцент кафедры социальной философии,
доктор философских наук,
г. Москва, Россия.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Ахмедов Фахрaddin Насраддин оглы,

Российский университет
дружбы народов,
доцент кафедры финансов и кредита,
кандидат экономических наук,
г. Москва, Россия.
E-mail: akhemedov@mx.rudn.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу экономической идеологии как научного концепта социальных наук. Экономическая идеология – это система утверждений и убеждений относительно экономических фактов и явлений, выражающих отношение людей к различным хозяйственным процессам. Существует два типа экономических идеологий: «экономизированные» версии политических идеологий и собственно экономические идеологии, вырастающие из конкретных экономических учений. Структурно экономическая идеология складывается из шести основных элементов: экономические теории и гипотезы; псевдонаучное экономическое знание; экономические ценности; эмоции и убеждения; практические ориентиры и алгоритмы действий; образ экономического будущего.

Ключевые понятия:
экономическая наука,
экономическая идеология.

Никакая экономическая идеология не вечна, и с вероятностью, близкой к единице, мы в конечном итоге отбрасываем каждую из них.

Й. Шумпетер

Развитие экономической теории, методологии и философии экономической мысли настоятельно диктует необходимость последовательного упорядочения экономических категорий и понятий. Ясность, точность и однозначность экономического языка являются важнейшими составляющими современного экономического знания. Мы даже полагаем, что в рамках экономической методологии и философии экономики имеет право на существование целое направление, занимающееся подобным анализом, – мы бы обозначили его как «экономическая концептология» или «категориальный анализ в экономической науке».

Именно в рамках такого анализа и необходимо, на наш взгляд, провести исследование концепта «экономическая идеология». Однако для начала мы должны вспомнить, что есть идеология сама по себе как социальный институт.

Идеология – это система утверждений и убеждений относительно каких-либо значимых социальных ценностей и фактов, чаще всего – политических и экономических; субъектом идеологии, как правило, является класс или общественная группа.

Идеология выполняет в обществе две основных функции.

Во-первых, она *выражает различные групповые интересы*, включая интересы классов и иных больших, массоподобных социальных групп.

Во-вторых, идеология *придает смысл действиям индивидов*, входящих в эти группы. Во имя победы некоторых идеологий (особенно политических) люди порой готовы пожертвовать собственной жизнью, и это правило является верным абсолютно для всех исторических эпох.

Британский исследователь Л.Барадат выделяет пять ключевых характеристик идеологии.

1) Термин идеология многозначен, – первоначально он, как известно, обозначал «ложное, иллюзорное сознание», но сейчас он употребляется в основном в его *политическом значении*.

2) Все идеологии интерпретируют настоящее и направляются желания людей в отношении строго определенного будущего, причем это будущее представляется ими как *лучшее состояние* по отношению к данному настоящему.

3) Каждая из идеологий предлагает проделать ряд специфических шагов по достижению этого будущего.

4) Все идеологии ориентированы на внедрение в массовое, коллективное сознание.

5) Идеологии тем или иным образом выражают мотивы и цели людей [8, Р. 1].

К идеологиям могут быть применены различные критерии классификаций. Тот же Л. Барадат предлагает три основных способа классификации идеологий.

По первой из них, все идеологии ведут счет от левых идеологий к правым идеологиям: соответственно – *радикальная левая, либеральная, умеренная, консервативная, радикальная правая.*

По второму из них, классификация проводится от апологии прогрессивных изменений в направлении ретрогрессивных (retrogressive) перемен: *радикальная либеральная, умеренная, консервативная, реакционная;* существующее положение вещей защищает, как правило, умеренная идеология.

Третий способ акцентирует внимание на принципе двух экстремумов: здесь экстремальные (радикальные) желания групп и классов выражают *радикальная и реакционная идеологии*, между ними расположены *либеральная, умеренная и консервативная идеологии*, причем статус-кво отстаивает консерватизм [8, Р. 13–17].

Однако все эти классификации относятся в первую очередь к *политической идеологии*. Но идеологии также могут быть религиозными, национальными, научными* (и т.п.) и, разумеется, *экономическими*.

Идеологии также можно классифицировать по их субъекту, носителю: пролетарская идеология, буржуазная идеология, православная идеология, институционалистская идеология, монетаристская идеология и т.п.

Еще один важнейший признак идеологии – это ее *таинственность, неразлагаемость* на чисто рациональные начала. Идеология всегда апеллирует к некоей таинственной экзистенции, которую нельзя до конца выразить языком и перевести на рациональные понятия и доказательства; принцип *«наши – не наши»*, определяющий суть самой идеологии и разделения на «своих» и «чужих», никогда до конца не разлагается на рациональные начала, он

как бы вырастает из «инстинкта», «интуиции», «бессознательного».

Н. Луман в связи с этим подчеркивает:

«Опора всякой идеологии состоит, прежде всего, в некоммуницируемости той проблемы, с которой она связана, в зашифровке того, что ее вдохновляет, в невидимости ее исходного пункта» [4, с.199].

Экономическая идеология – это система утверждений и убеждений относительно экономических фактов и явлений. Или, немножко иначе: экономическая идеология – это система утверждений и убеждений, выражающих отношение людей к различным хозяйственным процессам.

Помимо концепта «экономическая идеология», в употреблении у экономистов находится также термин «хозяйственная идеология», – его можно считать синонимом «экономической идеологии». Вот, к примеру, какое определение «хозяйственной идеологии» дает И.И. Агапова:

«Что представляет собой хозяйственная идеология? В общем виде – это система взглядов, представлений, означающая внесение в экономические рассуждения определенной системы ценностей, определенное представление о социально-экономическом идеале, достижение которого выступает как цель экономического развития» [3, с.160].

Можно также привести определение А.И. Самсина:

«Экономическая (хозяйственная) идеология представляет собой более или менее упорядоченный взгляд на экономику, системное мировоззрение, в котором сплетаются познавательные, нормативные и символические элементы. Экономическая идеология включает в себя особые представления о ценностях, об общественно-экономическом идеале (например, об экономической свободе, материальном равенстве, трудовой солидарности). Нельзя забывать, что эти ключевые ценности понимаются и обосновываются разными хозяйственными субъектами, исходя из их интересов. ... Экономическая идеология, как правило, выступает в форме программ, проектов деятельности в разных областях хозяйства. В них находят выражение определенные цели, направления и способы их реализации» [6, с. 215].

Следовательно, выражая различные утверждения и убеждения, экономическая

* Термин «научный» нами употребляется в широком смысле: антисциентизм, к примеру, это тоже «научная» идеология, поскольку так или иначе выражает отношение к науке; но по своей сущности антисциентизм – это антинаучная идеология.

идеология затрагивает не все социальные факты, а лишь экономические, хозяйственные факты и процессы. Однако это только первый признак экономической идеологии. Следующим признаком должно быть следующее: экономическая идеология системна, она не просто совокупность идей, она есть система идей, ныне часто излагаемых в форме *определенного научного учения*. Современная экономическая идеология не может не апеллировать к научным аргументам, иначе ее просто не примут всерьез.

Третий признак экономической идеологии – это ее способность быть элементом «пропаганды и агитации», возможность быть доступной, легко внедряться в массовое сознание. Экономическая идеология, если она хочет быть таковой, должна быть популярной, и всякий «идеолог» должен быть способен ее изложить в двух-трех фразах для непонимающего избирателя*.

Однако именно этот момент ведет к тому, что экономическая идеология в значительной степени упрощает и вульгаризирует сами научные учения, на которых она основывается, а зачастую и искажает их. Ленинско-сталинская идеология Советской России или маоистская идеология Китая – классические примеры вульгаризации искажения классического марксизма К.Маркса и Ф.Энгельса.

Следующий вопрос, – и вопрос во многом ключевой, – это вопрос о классификации экономических идеологий. Здесь возможно идти двумя путями: либо классифицировать экономические идеологии подобно политическим идеологиям, либо вводить собственно экономическую типологию, непосредственно вырастающую из господствующих на данный момент экономических учений.

«Экономизированные» версии политических идеологий позволяют нам утверждать существование следующих экономических идеологий (разумеется, эта классификация в любой момент может быть изменена или дополнена):

- 1) праворадикальная (фашистская, расистская и т.п.) экономическая идеология;
- 2) консервативная экономическая идеология;
- 3) либеральная экономическая идеология;
- 4) социал-демократическая (социалистическая) экономическая идеология;

5) леворадикальная (коммунистическая, анархистская и т.п.) экономическая идеология;

Второй путь – это классификация экономической идеологии в зависимости от господствующих в настоящий момент экономических учений**. Здесь, например, можно предложить следующий вариант типологии:

- 1) монетаристская экономическая идеология;
- 2) неоклассическая экономическая идеология;
- 3) кейнсианская экономическая идеология;
- 4) институционалистская экономическая идеология;
- 5) леворадикальная (главным образом, марксистская, но также и иные анархистская и т.п.) экономическая идеология.

Между этими двумя типами экономических идеологий – «экономизированными» политическими и собственно экономическими, т.е. вытекающими из конкретных экономических учений, – существует тесная взаимозависимость. Причем мы бы не стали здесь определенно утверждать, что есть следствие, а что есть причина, – ситуация может быть различной.

В первом случае изначальная политическая ориентация экономиста диктует ему выбор «собственно экономической» идеологии. Политические ценности и политическое «видение» экономиста диктуют ему выбор того или иного конкретного экономического учения, а вместе с ним и «собственно экономической» идеологии [7]. Например, для экономиста леворадикальной политической ориентации характерен выбор в пользу марксизма или модного ныне институционализма.

Другой путь, противоположный, – когда экономист делает выбор в пользу «экономизированной» политической идеологии исходя из имеющегося у него научного вектора в пользу конкретного экономического учения. Например, сторонник неоклассического анализа чаще всего делает выбор в пользу либеральной или консервативной экономической идеологии.

В целом связь между двумя типами экономических идеологий – «экономизированной» политической и «собственно экономической» может быть отражена в следующих двух таблицах:

*Вспомним потрясающие по краткости и емкости смысла ленинские лозунги эпохи большевистской революции: «Вся власть – Советам!», «Земля – крестьянам!», «Фабрики – рабочим!» и т.п.

**Мы их будем обозначать далее как «собственно экономические» идеологии.

Таблица 1

«Экономизированная» политическая идеология	Выбор «собственно экономической» идеологии
праворадикальная	монетаризм, неоклассика
консервативная	монетаризм, неоклассика
либеральная	неоклассика, кейнсианство, институционализм
социал-демократическая	кейнсианство, институционализм, марксизм
леворадикальная	институционализм, марксизм

Например, согласно Й. Шумпетеру, исходной предпосылкой кейнсианской экономической идеологии стал взгляд на капитализм как на *стагнирующую экономическую систему*, которую необходимо периодически «приводить в порядок» государственным интервенционизмом:

Таблица 2

«Собственно экономическая» идеология	Выбор «экономизированной» политической идеологии
монетаристская	праворадикальная, консервативная политическая идеология
неоклассическая	консервативная, либеральная, социал-демократическая политическая идеология
кейнсианская	либеральная, социал-демократическая политическая идеология
институционалистская	либеральная, социал-демократическая, леворадикальная политическая идеология
марксистская	социал-демократическая, леворадикальная политическая идеология

«И снова [в случае Кейнса] именно идеология – *видение* приходящего в упадок капитализма, которое определяло (*видело*) причину упадка в одной из множества особенностей современного капитализма, и одерживала победу, а не аналитическая реализация в книге 1936 года, которая сама по себе, без защиты в виде широкого принятия идеологии, значительно сильнее пострадала бы от критики, направлявшейся в ее адрес почти с самого начала» [7, с. 260–261].

Итак, у нас существуют не только две разновидности экономических идеологий («экономизированные» политические идеологии и собственно экономические идеологии), но и также два пути их возникновения: в первом случае экономист располагает уже сформировавшимися политическими взглядами, и на их основе он выбирает *собственно экономическую идеологию* (или даже конструирует ее, – случай Кейнса и Маркса), а во втором случае экономист-исследователь, экономист-теоретик, экономист-ученый сначала делает выбор в пользу *собственно экономической идеологии* и уже на основе этого выбора определяет свои предпочтения в пользу той или иной версии «экономизированной» политической идеологии. Сместем предположить, что второй случай все же встречается реже, чем первый.

Возможно существование на практике комбинации этих идеологий и других убеждений, концепций в зависимости от решаемых глобальных задач: «Исход будет зависеть от довольно неопределенных перспектив многофакторного развития глобальной экономики, синтезирующей экономические, политические, идеологические, культурные и ментальные компоненты» [2, с. 53].

Теперь к вопросу о структуре экономической идеологии. На наш взгляд, экономическая идеология включает в себя *шесть основных элементов*:

- а) *экономические теории и гипотезы;*
- б) *псевдонаучное экономическое знание;*
- в) *ценности;*
- г) *эмоции, убеждения;*
- д) *практические ориентиры, алгоритмы действий;*
- е) *образ экономического будущего* [1, с. 210].

Экономические теории и гипотезы являются своего рода «фундаментом» экономической идеологии – *фундаментом*, который порой недоступен обозрению из-за надстроенных над ним нескольких этажей.

Функция теорий и гипотез в экономической идеологии – *объяснительная*: при их помощи объясняются различные хозяйственные факты и феномены; однако вследствие специфики самого института идеологии эта функция чаще всего трансформируется в функцию, так сказать, «ссылочную»: хозяйственные факты и феномены в большей степени не объясняют посредством теорий и гипотез, а просто *ссылаются* на них, наделяя их порой «магической», «волшебной» объяснительной силой. Идеальный случай для всякой экономической идеологии: чтобы лежащие в ее основании экономические теории и гипотезы объясняли «весь хозяйственный мир» и желательны как можно *проще и доступнее*. Сложные качественные интерпретации, метафизический и вообще всякий спекулятивный философский дискурс, математический аппарат, громоздкие статистические калькуляции отбрасываются экономической идеологией как ненужный объяснительный элемент.

Псевдонаучное экономическое знание выступает в качестве следующего важнейшего компонента экономической идеологии, – причем это знание может быть различного происхождения: социально-мифологическое (т.е. базирующееся на так называемых «социальных мифах»), религиозное, обыденно-житейское и т.п. [5, гл. 2]. Главная функция этого знания – *медиаторная*: связать между собой в единый узел, с одной стороны, экономические теории и гипотезы как фундамент экономической идеологии, а с другой – последующие элементы этой идеологии – *ценности, практические ориентиры и образ экономического будущего*.

Псевдонаучное экономическое знание можно сравнить со *связующей остаточной жидкостью*, заполняющей собой все свободные «поры» и «полости» экономической идеологии, – его используют тогда, когда нельзя использовать все остальные элементы этого института, и идеологу остается только один выход – подключить экономическую псевдонауку для обоснования своих выводов. Часто к этому присоединяются эмоции и убеждения, которые дополняются примитивными алгоритмами действий и практических ориентиров, – например, «догоним и перегоним Америку», «поднимем в два раза производство мяса и молока» и т.п.

Ценности (их также можно обозначать как «экономические ценности») являются еще одним компонентом экономической

идеологии. Задача ценностей в экономической идеологии – показать преимущество данных целей, смыслов и мотивов поведения перед всеми иными целями, смыслами и мотивами.

Эмоции, убеждения являются неотъемлемым звеном экономической идеологии. Функция экономической идеологии – убеждать людей, и делать это страстно и эмоционально, как бы *вести* людей за харизматическим политическим лидером, проводником данной идеологии. Здесь очень многое зависит от харизмы самого лидера, от его умения быть популярным и доступным для электората.

Практические ориентиры, алгоритмы действий должны продемонстрировать способность экономической идеологии решать назревшие экономические проблемы, причем во многих случаях это решение должно стать подобием «разрубания» сверхзапутанного гордиева узла. Там, где необходимы сложные и тонко просчитанные экономические действия, экономическая идеология традиционно предлагает свое *топорное решение*, некую «универсальную отмычку» для всех хозяйственных проблем; и, если вдруг такое решение будет когда-нибудь проведено в жизнь, оно неминуемо повлечет за собой цепь экономических потрясений и катастроф.

Образ экономического будущего как компонент экономической идеологии играет в ней роль *волшебного зеркала*, в которое всматриваются все приверженцы данной идеологии, и должны видеть в нем «идеальную хозяйственную реальность», к которой их ведет данная идеология*.

Итак, мы живем в мире, где помимо политических идеологий весьма значимую роль играют экономические (хозяйственные) идеологии. Эта роль не всегда заметна при беглом взгляде на социальную реальность, но при анализе собственно экономических явлений и феноменов она должна, безусловно, браться в расчет и всячески учитываться. Здесь мы исследовали вопрос только о двух типах экономических идеологий: «экономизированных» политических и «собственно экономических». Вероятно, этот анализ можно в дальнейшем еще больше углубить и расширить и выявить новые, пока неизвестные виды экономического «знания», способного принимать форму идеологий. Роль экономических идеологий в принятии различных

* Например, в советской идеологии роль такого «зеркала» выполнял образ коммунизма с его *непрерывно льющим потоком* «источников общественного богатства».

теорий и гипотез, а также конкретных хозяйственных решений ни в коем случае не должна недооцениваться и принижаться, иначе мы можем легко попасть в ситуацию Алисы из известной сказки Льюиса Кэрролла, которая однажды ехала в поезде и получила следующее замечание от Контролера, проверявшего билеты:

«И вообще ты едешь не в ту сторону!»

Так вот, экономисту знание экономической идеологии как раз и нужно для того, чтобы ехать в «ту сторону».

1. Ананьин, О.И. Структура экономико-теоретического знания [Текст] / О.И. Ананьин. М., 2005. 243 с.

2. Ахмедов, Ф.Н. Финансовая система как детерминант экономического роста России в условиях мирового кризиса [Текст] / Ф.Н. Ахмедов. Материалы V Международной научно-практической конференции «Современная экономическая теория и реформирование экономики России (Москва – Ницца)». М., «Экономика», 2010.

3. Агапова, И.И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия [Текст] / И.И. Агапова. М., 2002.

4. Луман Н. Тавтология и парадокс в само-описаниях современного общества // Социологос, вып.1, М., 1991.

5. Орехов, А.М. Философия экономики в России: рождение традиции [Текст] / А.М. Орехов. М., 2011.

6. Самсин, А.И. Основы философии экономики [Текст] / А.И. Самсин. М., 2003.

7. Шумпетер, Й. Наука и идеология [Текст] / Й. Шумпетер / Философия экономики: Антология. М., 2012. 520 с.

8. Baradat L. Political Ideologies: their Origins and Impact. London, 1997.

1. Anan'in, O.I. Struktura jekonomiko-teoreticheskogo znanija [Tekst] / O.I. Anan'in. M., 2005. 243 s. (Russian).

2. Ahmedov, F.N. Finansovaja sistema kak determinant jekonomicheskogo rosta Rossii v uslovijah mirovogo krizisa [Tekst] / F.N. Ahmedov. Materialy V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Sovremennaja jekonomicheskaja teorija i reformirovanie jekonomiki Rossii (Moskva-Nicca)». M., «Jekonomika», 2010. (Russian).

3. Agapova, I.I. Jekonomika i jetika: aspekty vzaimodejstvija [Tekst] / I.I. Agapova. M., 2002. (Russian).

4. Luman N. Tavtologija i paradoks v samopisanijah sovremennogo obshhestva // Sociologos, vyp.1, M., 1991. (Russian).

5. Orehov, A.M. Filosofija jekonomiki v Rossii: rozhdenie tradicii [Tekst] / A.M. Orehov. M., 2011. (Russian).

6. Samsin, A.I. Osnovy filosofii jekonomiki [Tekst] / A.I. Samsin. M., 2003.

7. Shumpeter, J. Nauka i ideologija [Tekst] / J. Shumpeter / Filosofija jekonomiki: Antologija. M., 2012. 520 s. (Russian).

8. Baradat L. Political Ideologies: their Origins and Impact. London, 1997. (English).

UDC 330.101.2

ECONOMIC IDEOLOGY: THE EXPERIENCE OF INTERPRETATION

Orekhov Andrey Mihailovich

Peoples' Friendship University of Russia, Associate Professor of the Chair of Social Philosophy, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia.

E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Akhmedov Fahraddin Nasraddin ogly,

Peoples' Friendship University of Russia, Associate Professor of the Chair of Finance and Credit, Candidate of Economic Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: akhmedov@mx.rudn.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of economic ideology as a scientific concept of social sciences. Economic ideology is a system of statements and convictions concerning economic facts and phenomena, expressing the attitude of people to different economic processes. There are two types of economic ideologies: "economized" versions of political ideologies and proper economic ideologies, rising from concrete economic doctrines. Structurally economic ideology embraces six main elements: economic theories and hypotheses; pseudoscientific economic knowledge; economic values; emotions and convictions; practical orientations and algorithms of actions; image of economic future.

Key concepts:

economic science,
economic ideology.

УДК 658.8

ДИНАМИКА ТРАНСАКЦИОННЫХ ПАРАМЕТРОВ ИНФОРМАЦИОННО- СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Коблова Юлия Александровна,
Саратовский государственный
социально-экономический университет,
доцент кафедры институциональной
экономики,
кандидат экономических наук,
г. Саратов, Россия.
E-mail: sovcova_yulya@rambler.ru

Аннотация

В статье исследуется изменение транзакционных параметров современной экономики. Доказано, что переход от системы традиционного рынка к информационно-сетевой экономике способствует разрешению проблемы чрезмерно высоких транзакционных издержек. Выявлены факторы и механизмы снижения традиционно выделяемых видов транзакционных издержек благодаря виртуализации экономических отношений и формированию виртуальной экономической среды.

Ключевые понятия:
информационно-сетевая экономика,
институциональная система,
транзакция,
транзакционные издержки.

Институты являются фундаментальными факторами экономического развития, через которые отображается качество и своеобразие экономической системы каждой страны. Совокупность сложившихся в обществе институтов определяет, насколько экономическая реальность отличается от идеала, описываемого неоклассической теорией, а содержание институциональной системы отражает величина транзакционных издержек. Выступая своеобразным индикатором несовершенства экономики, транзакционные издержки присутствуют во всех видах хозяйственной деятельности. Переход мировой экономической системы к новому постиндустриальному укладу и формирование экономики нового типа, основанной на информационно-сетевых механизмах развития, трансформирует транзакционные параметры экономической системы традиционного рынка, что выражается в изменении уровня, структуры и динамики транзакционных издержек. В условиях становления информационно-сетевой экономики актуализируется необходимость учета и анализа факторов и последствий данных изменений.

Как известно, с развитием рыночной экономики и достижением ее зрелости роль транзакционных издержек постепенно выходит на передний план. Расчеты общей динамики и величины транзакционных издержек в экономике США за период с 1870 по 1970 г., произведенные Дж.Уоллисом и Д.Нортом, показали, что за 100 лет развития рыночного хозяйства доля транзакционного сектора в ВВП США более чем удвоилась [10].

Нынешний этап рыночной институционализации российской экономики также характеризуется растущей динамикой транзакционных издержек. Статистические данные по структуре занятости в РФ свидетельствуют о том, что за период 2005–2012 гг. доля занятых в транзакционном секторе экономики имела устойчивую тенденцию к росту. Показатель достиг максимума, равняющегося 64,9% в 2011 г., тогда как минимум, составивший 60,3%, имел место в 2005 г. (рис. 1) [3].

В качестве главных причин расширения транзакционного сектора называются углубление специализации и разделения труда, технический прогресс, приведший к увеличению размеров фирм, усиление роли государства по отношению к частному сектору.

С одной стороны, эти факторы обеспечили конкурентные преимущества странам

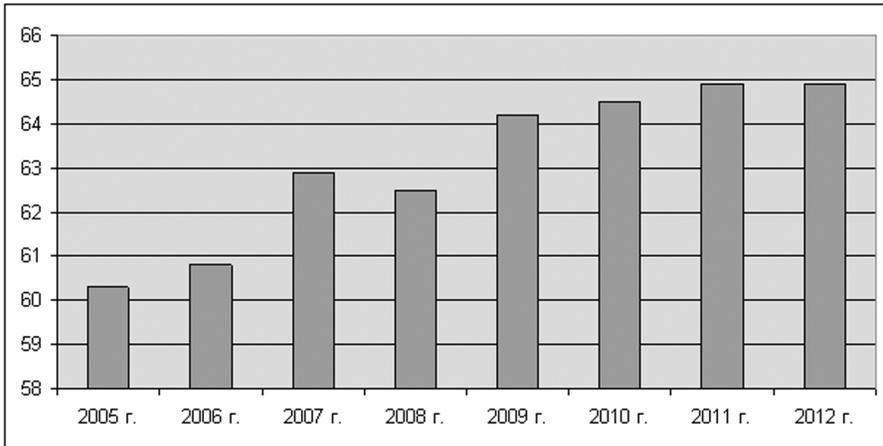

Рис 1. Доля занятых в транзакционном секторе России, 2005–2012 гг., в %

с развитой рыночной экономикой и могут быть расценены как способ достижения экономического благополучия и лидерства в сложившемся мировом хозяйстве. С другой стороны, сложилась ситуация, когда затраты на обмен товаров во многих случаях превысили затраты на их непосредственное производство, что ставит под сомнение целесообразность заключения сделок. Исходя из этого, дальнейшее расширение транзакционного сектора является признаком снижения эффективности рыночного хозяйства и индикатором истощения его потенциала.

По нашему мнению, *переход от системы традиционного рынка к сетевой экономической системе с горизонтальными связями способствует разрешению данного противоречия и снимает проблему раздутых транзакционных издержек.*

Информационно-сетевая экономика – это экономическая система рыночного типа, характеризующаяся высоким уровнем информатизации экономических процессов, приоритетом прямых длительных связей в структуре взаимоотношений между экономическими агентами и расширением виртуальных механизмов осуществления и координации их деятельности. Принципиальной особенностью информационно-сетевой экономики является формирование онлайн- (виртуальной) экономической среды, которая способствует росту числа и снижению издержек совершаемых транзакций. Описывая использование информационно-сетевых и виртуальных механизмов в бизнес-процессах, С. Хапров пишет: «Для того чтобы продать свой товар, мне не нужно паспорта и сертификатов качества. Мне

не нужно регистрироваться в налоговой инспекции или открывать магазины в Нью-Йорке, Париже и Токио. И, тем не менее, это реальная среда. Хотя в ней нет юристов и арбитражных судов – все сделки выполняются» [8, с. 52]. Данные опросов также свидетельствуют, что главными факторами, стимулирующими использование сети Интернет в деятельности фирм, выступают институциональные факторы, способствующие снижению удельных транзакционных издержек: лучшая координация с партнерами, снижение времени на сбыт продукции и др. [2, с. 17].

Рассмотрим факторы и механизм снижения традиционно выделяемых видов транзакционных издержек в условиях информационно-сетевой экономики.

Издержки заключения сделок. Развитие электронной коммерции, формирование электронного рынка, снижение роли посредников, возможность заключения сделок в электронной форме сокращают транзакционные издержки заключения сделок в информационно-сетевой экономике.

Электронная коммерция, объединяющая B2B и B2C виртуального пространства, включает всю коммерческую деятельность, которая осуществляется посредством информационных технологий. Возможности снижения издержек в сегменте B2B (business-to-business) весьма значительны, что обусловлено сокращением количества посредников при заключении контракта. В зависимости от отрасли такая экономия составляет от 2 до 40%. Иллюстрацией значительного снижения затрат в системах электронной коммерции служат приведенные ниже данные (табл.1) [9, с. 28].

Таблица 1

Сравнительная характеристика интернет-торговли и традиционной торговли

Товарная группа	Себестоимость продаж в традиционных системах, долл. США	Себестоимость продаж в Интернете, долл. США
Программное обеспечение	15,00	0,2 – 0,5
Банковские услуги	1,08	0,13
Авиабилеты	8,0	1,0
Биллинг	2,22 – 3,32	0,65 – 1,1
Страховые полисы	400 – 700	200 – 350
Торговая наценка на продовольствие	25 – 50	5 – 10

Значительные возможности снижения транзакционных издержек связывают с переходом на заключение сделок в электронной форме или виртуальными контрактами. Оформление такого рода сделок стало возможным благодаря электронному документообороту и электронной подписи, которые используются во многих странах даже на высоком государственном уровне и для подписания межгосударственных договоров. Например, электронная подпись была использована при подписании соглашения о цифровой торговле между США и Ирландией [5, с. 60]. Современное российское законодательство также предусматривает возможность заключения договора посредством электронной связи. Так, по данным 2011 года, удельный вес организаций, использовавших электронный документооборот в своей экономической деятельности, составил 61,9% [3].

Издержки поиска информации. В информационно-сетевой экономике технологии поиска информации и возможность ее мгновенной и безвозмездной передачи через Сеть делают информацию широко доступной, приводят к практически полному сокращению транзакционных издержек поиска и передачи в информации. Став полноправным пользователем Интернета в информационно-цифровую эпоху, экономические агенты получили доступ к огромному числу информационных ресурсов. Поиск необходимой информации в информационно-сетевой экономике призваны осуществлять поисковые системы. Поисковые механизмы представляют собой специальные программы, осуществляющие поиск страниц в сети Интернет. Они извлекают гипертекстовые ссылки с этих страниц, в автоматическом режиме

индексируют информацию и выстраивают базы данных. «Интеллектуальные» поисковые средства способны не только осуществлять поиск информации, но и выполнять транзакции. Они могут быть нацелены на поиск информации специфической тематики, обработку содержания документов, индексацию других видов ресурсов.

Кроме поисковых программ, эффективному поиску информации служат *каталоги*, составляемые редакторами, которые просматривают каждый новый сайт, или самими составителями описаний, что обеспечивает более высокое качество поиска.

О возрастающих масштабах использования российскими экономическими агентами сети Интернет для поиска и размещения информации свидетельствуют следующие данные (табл.2) [3].

Издержки ведения переговоров. В информационно-сетевой экономике происходит значительное сокращение временных и денежных затрат на ведение переговоров. Развитие сети Интернет и основанных на ней средств коммуникации повышают скорость и эффективность проведения переговоров, заключения контрактов и поддержки соглашений. Бизнес-общение все больше проводится в «удаленном», виртуальном формате.

Современный сервис бизнес-общения включает онлайн-встречи, онлайн-собеседования, веб-конференции, онлайн-переговоры, онлайн-совещания и т.д.

Удобства и преимущества онлайн-переговоров используют все большее число крупных банков, торговых сетей и многих других компаний с разветвленной сетью. В их числе экономия времени и денежных средств на поездках, транспортных и командировочных расходах, сокращение длительности переговоров, возможность работать с

Таблица 2

Удельный вес организаций, использующих сеть Интернет для связи с поставщиками и потребителями товаров, %

Цель использования сети Интернет	2003	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Получение сведений о товарах (работах, услугах)	24,6	29,1	34,5	38,7	42,1	46,6	52,5	54,8
Предоставление сведений о потребностях организации в товарах (работах, услугах)	13,7	17,5	22,7	26,2	28,9	32,2	37,6	41,0
Размещение заказов на товары (работы, услуги)	12,1	16,3	20,5	24,1	25,3	28,8	35,0	39,2
Предоставление сведений об организации, ее товарах (работах, услугах)	17,6	20,3	22,6	25,2	27,8	31,3	36,4	40,1
Получение заказов на выпускаемые товары (работы, услуги)	10,5	12,6	12,6	13,6	13,0	14,4	16,9	17,1

документами и приложениями, находясь во время переговоров на своем рабочем месте, достижение лучшей согласованности в работе партнеров при переводе онлайн-совещаний на регулярную основу и др.

Издержки измерения. Информационно-сетевая экономика предоставляет более широкие возможности для оценки и сопоставления свойств различных товаров на основе мнения как экспертов, так и широкого круга пользователей. Этому способствуют новые механизмы получения информации и производства знаний – ноосорсинг и краудсорсинг.

Краудсорсинг (от англ. *crowd* – толпа) – это способ генерации новых знаний и информации на основе привлечения к решению проблемы любого заинтересованного члена социума. В его основе лежат сетевые технологии, позволяющие привлекать пользователей Интернет («народных экспертов») для участия в процессе открытого обсуждения. Интернет можно рассматривать как инструмент краудсорсинга, поскольку он предоставляет инструменты посредничества между группой людей или организаций, преследующих те или иные цели, и непосредственно широкой публикой, которая может помочь достичь этой цели. В качестве краудсорсинговых платформ могут использоваться: Google Groups, группы на Facebook, самый

известный пример краудсорсингового проекта – Википедия и др. [4, с. 10].

В качестве цели может выступать получение достоверной информации о характеристиках и особенностях различных продуктов и услуг, обмен опытом их приобретения и использования.

Однако решать более сложные задачи с помощью краудсорсинга невозможно. В качестве серьезного инструмента измерения и анализа свойств тех или иных объектов выступает ноосорсинг. Ноосорсинг (от греч. *noos* – разум) предполагает управление знаниями и информацией экспертными профессиональными сообществами. Данный механизм позволяет проводить экспертизы с участием профессиональных экспертов, формировать иерархию результатов на основе ранжирования достижений пользователей методом коллегиальной оценки, предоставлять инструменты для исследовательской и практической работы, осуществлять подготовку аналитических материалов, реализовывать глобальные проекты в различных сферах деятельности [4].

Отдельный класс информационных систем в информационно-сетевой экономике образуют виртуальные социальные сети, которые предоставляют максимальные возможности для обмена информацией.

Издержки спецификации и защиты прав собственности. Динамика издержек специ-

фикации и защиты прав собственности в информационно-сетевой экономике включает две противоположные тенденции, порождаемые одним процессом – расширением круга объектов собственности за счет нематериальных ценностей и повышением их роли в экономическом развитии. Об этом свидетельствует устойчивое повышение стоимости акций ведущих мировых компаний, таких как Dell, Oracle, Cisco, Licent Technologies и др., произошедшее не за счет увеличения стоимости основного капитала, а за счет прироста нематериальных (интеллектуальных) активов компании [1, с. 14].

В условиях информационно-сетевой экономики важное значение приобретает институт интеллектуальной собственности. Нематериальная природа объектов интеллектуальной собственности обуславливает их основное свойство – это способность к тиражированию.

С одной стороны, это свойство приводит к размыванию прав собственности и нечеткости их спецификации: специфицировать интеллектуальную собственность намного сложнее, так как пучок прав собственности может распадаться на множество правомочий, правообладателем которых будут являться различные субъекты. Способность к тиражированию объектов интеллектуальной собственности также породила общую проблему для мировой экономики – значительный рост интеллектуального пиратства, что актуализирует необходимость эффективной защиты интеллектуальной собственности и многократно увеличивает издержки спецификации и защиты прав собственности.

С другой стороны, способность к тиражированию и возможность неограниченного распространения знаний и информации в цифровой форме свидетельствует об общественном характере этих благ. Свободный доступ к информации в сети Интернет позволяет воспользоваться ею любому субъекту, что делает данную информацию общественным достоянием. Устойчивое увеличение масштабов знаниевых активов в сети Интернет свидетельствует о расширении сферы взаимодействия между людьми с использованием неограниченных ресурсов, где отсутствует необходимость в спецификации и защите прав собственности на них. В этом контексте удельные транзакционные издержки спецификации и защиты прав собственности снижаются в условиях информационно-сетевой экономики.

Издержки оппортунистического поведения. В информационно-сетевой экономике

появляются новые механизмы, призванные обеспечивать надежность исполнения контрактных обязательств. Институциональные исследования показали, что именно сетевые организации являются важнейшим очагом зарождения «культуры доверия» в современном обществе. Уильямсон продемонстрировал, что существует немало институциональных механизмов, способных превращать «просто» обещания в «обязательства, заслуживающие доверия». К их числу относятся обмен «заложниками», предоставление обеспечения, забота о поддержании репутации, публичные заявления о взятых на себя обязательствах и др. Эти механизмы обеспечивают такую перестройку стимулов, при которой индивиды становятся заинтересованными в выполнении принятых обязательств, а у окружающих появляются основания им доверять [6]. Концентрация доверия в рамках сетевой структуры приводит к формированию социального капитала как «определенного потенциала общества или его части, возникающего как результат доверия между его членами» [7, с. 52]. Социальный капитал играет роль встроенного механизма предупреждения и нейтрализации оппортунистического поведения в Сети, минимизируя тем самым соответствующие транзакционные издержки.

На основании вышеизложенного обобщим тенденции динамики транзакционных издержек в информационно-сетевой экономике (табл. 3).

Регулирующее воздействие государства на транзакционный сектор и транзакционные параметры экономики осуществляется в рамках транзакционной политики.

Транзакционная политика, т.е. экономическая политика государства в отношении проводимых на рынке транзакций, имеет множество проявлений, которые касаются правил совершения сделок, возмещения ущерба от приобретения некачественных товаров, проведения финансовых, страховых и прочих операций. Конечной целью этой политики является оптимизация и сокращение транзакционных издержек. При этом чем сложнее совершаемые транзакции, тем в большей степени они требуют регулирования. В информационно-сетевой экономике значительно меняются условия и среда осуществления транзакций, что вызывает отчетливую необходимость пересмотра и корректировки проводимой транзакционной политики, ее общесистемных и селективных мер. Так, можно очертить круг объектов, правовое регулирование которых в условиях информационно-сетевой экономики требует изменения и

Таблица 3

**Тенденции динамики транзакционных издержек
в информационно-сетевой экономике**

<i>Тип ТСИ</i>	<i>Динамика</i>	<i>Факторы</i>
Издержки заключения сделок	Снижение	Развитие электронной коммерции Формирование электронного рынка Заключение виртуальных контрактов
Издержки поиска информации	Снижение	Развитие электронных поисковых систем Формирование электронных каталогов Увеличение скорости передачи данных
Издержки ведения переговоров	Снижение	Новые способы бизнес-общения (онлайн-встречи, онлайн-собеседования, веб-конференция и др.)
Издержки измерения	Снижение	Социальные сети Краудсорсинг Ноосорсинг
Издержки спецификации и защиты прав собственности	Увеличение	Рост интеллектуального пиратства Неопределенный правовой статус цифровых объектов Несоответствие имущественного законодательства новым реалиям
	Снижение	Свободный доступ к информации Расширение сферы общественных благ
Издержки оппортунистического поведения	Снижение	Повышение уровня доверия Накопление социального капитала

дополнения действующих правовых норм. В их числе: электронные транзакции, защита прав участников электронных транзакций, интеллектуальная собственность в сети Интернет, виртуальные трудовые отношения, налогообложение электронной коммерции, электронные платежные системы. Соответственно, транзакционная политика в условиях информационно-сетевой экономики, на наш взгляд, должна быть нацелена на решение следующих первоочередных задач:

- формирование правового поля осуществления электронных транзакций;
- создание правового механизма защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов экономических субъектов в процессе осуществления электронных транзакций;
- обеспечение защиты прав интеллектуальной собственности в сети Интернет;
- реформирование трудового законодательства с учетом расширения сферы виртуальной трудовой деятельности;
- формирование системы налогообложения результатов виртуальной экономической деятельности;

- поиск наиболее оптимальных схем осуществления электронных платежей.

Таким образом, в условиях информационно-сетевой экономики происходит трансформация транзакционных параметров, уровень транзакционных издержек имеет тенденцию к снижению, что обусловлено, главным образом, развитием сети Интернет и соответствующих технологий и средств коммуникации. Они обеспечивают развитие электронной коммерции и электронного рынка, позволяют осуществлять эффективный поиск информации и дают возможность ее мгновенной и безвозмездной передачи, повышают скорость и эффективность проведения переговоров, заключения контрактов и поддержки соглашений, предоставляют более широкие возможности для сопоставления свойств различных товаров, расширяют сферу общественного присвоения знаний и информации. Сетевой характер взаимодействия экономических агентов способствует повышению уровня доверия и накоплению в обществе социального капитала. Оптимизации транзакционных параметров также способствует проводимая государством

транзакционная политика, отвечающая новым реалиям и вызовами информационно-сетевой экономики.

1. Интеллектуальная собственность – XXI век. Правовая защита инноваций [Текст]: Материалы конференции. М.: РАП, МФГС, 2010.

2. Конохова, Ю.А. Направления повышения эффективности электронной торговли [Текст] / Ю.А. Конохова // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. №3 (март).

3. Сайт Федеральной службы государственной статистики России. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 12.11.2013 г.).

4. Славин, Б. От краудсорсинга к ноосорсингу [Текст] / Б. Славин // Открытые системы. 2012. № 1.

5. Стрелец, И.А. Сетевая экономика [Текст] И.А. Стрелец: учеб. М.: ЭКСМО, 2006.

6. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, отношенческая контрактация. СПб.: Лениздат, 1996.

7. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Текст] / Ф.Фукуяма. М.: АСТ; Ермак, 2004.

8. Хапров, С. Цифровой коммунизм [Текст] / Сергей Хапров. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013.

9. Юрасов, А.В. Основы электронной коммерции [Текст] / А.В. Юрасов. Учебник для вузов. М.: Горячая линия – Телеком, 2008.

10. Wallis J.J., North D. C. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870 – 1970 // Long-Term Factors in American Economic Growth. Studies in Income and Wealth. N 51 / S.L. Engerman, R.E.Gallman (eds.). Chicago; L.: University of Chicago Press, 1988.

1. Intellektual'naja sobstvennost' – XXI vek. Pravovaja zashhita innovacij [Текст]: Materialy konferencii. M.: RAP, MFGS, 2010 (Russian).

2. Konjuhova, Ju.A. Napravlenija povyshenija jefektivnosti jelektronnoj trgovli [Текст] / Ju.A. Konjuhova // Rossijskij vneshejekonomicheskij vestnik. 2008. №3 (mart) (Russian).

3. Sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki Rossii. 2012 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.gks.ru> (data obrashhenija: 12.11.2013 g.) (Russian).

4. Slavin, B. Ot kraudsorsinga k noosorsingu [Текст] / B. Slavin // Otkrytye sistemy. 2012. № 1 (Russian).

5. Strelec, I.A. Setevaja jekonomika [Текст] I.A. Strelec: ucheb. M.: JeKSMO, 2006 (Russian).

6. Uil'jamson O. Jekonomicheskie instituty kapitalizma. Firmy, rynki, otnoshencheskaja kontraktacija. SPb.: Lenizdat, 1996 (Russian).

7. Fukujama, F. Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniju [Текст] / F.Fukujama. M.: AST; Ermak, 2004 (Russian).

8. Haprov, S. Cifrovoj kommunizm [Текст] / Sergej Haprov. M.: Moskovskij finansovo-promyshlennyj universitet «Sinergija», 2013 (Russian).

9. Jurasov, A.V. Osnovy jelektronnoj kommercii [Текст] / A.V. Jurasov. Uchebnik dlja vuzov. M.: Gorjachaja linija – Telekom, 2008 (Russian).

10. Wallis J.J., North D. C. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870 – 1970 // Long-Term Factors in American Economic Growth. Studies in Income and Wealth. N 51 / S.L. Engerman, R.E.Gallman (eds.). Chicago; L.: University of Chicago Press, 1988 (English).

UDC 658.8

DYNAMICS OF TRANSACTION PARAMETERS OF INFORMATION AND NETWORK ECONOMICS

Koblova Yulia Aleksandrovna

Saratov State University of Social Economics, Associate Professor of the Chair of Institutional Economics, Candidate of Economic Sciences, Saratov, Russia.

E-mail: sovcova_yulya@rambler.ru

Annotation

This article examines the change in transaction parameters of the modern economy. It is proved that the transition from a traditional market to information and network economy contributes to solving the problem of excessively high transaction costs. The author points out the factors and the mechanism of reducing traditionally selected types of transaction costs through virtualization of economic relations and the formation of a virtual economic environment.

Key concepts:

information and network economics, institutional system, transaction, transaction costs.

УДК 008:398.23

ПРОДАННЫЙ СМЕХ

Зелезинская Лариса Андреевна,

Благовещенский государственный педагогический университет,
Управление международного образования и сотрудничества,
начальник организационно-методического отдела,
г. Благовещенск, Амурская область,
Россия.
E-mail: zelezinskaya_larisa@list.ru

Чупров Александр Степанович,

Благовещенский государственный педагогический университет,
заведующий кафедрой истории,
философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Благовещенск, Амурская область,
Россия.
E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрена эволюция юмора как особой разновидности комического, возникшей в эпоху становления западной демократии. Показано, что юмор появился как специфический способ утверждения свободы личности, в основе которого лежит интеллектуальное творчество человека. Вместе с тем констатируется процесс деградации юмора в современную эпоху, в условиях доминирования массовой культуры, превращение его в предмет купли-продажи через СМИ и Интернет.

Ключевые понятия:

юмор,
юморист,
иенские романтики,
свобода,
индивидуальность,
массовая культура,
шоу-бизнес.

Наверное, многим с детства знакома сказка немецкого писателя Джеймса Крюса «Тим Талер, или Проданный смех». В ней рассказывается, как мрачный и злой барон Треч, т.е. черт, уговорил мальчика из бедной семьи Тима Талера, обладавшего веселым заразительным смехом и обворожительной улыбкой, обменять свой смех и улыбку на фантастическую способность выигрывать любое, самое невероятное, пари. Хотя мальчик стал богатым и знаменитым, утрата способности смеяться сделала его несчастным, тогда как барон, занимавшийся крупным бизнесом, сделал чужой смех и улыбку средством обогащения, орудием воздействия на своих партнеров – конкурентов по бизнесу. Конечно, сказка Д. Крюса – это история со счастливым концом. Благодаря друзьям мальчик вернул себе способность смеяться и улыбаться людям. Нечто похожее происходит и со смехом в современной массовой культуре. Вот только счастливого конца у этой совсем не сказочной истории пока не видно.

Современные средства массовой информации, телевидение и Интернет буквально переполнены всевозможными телешоу, развлекательными передачами, телесериалами, занимательными видео. Большой популярностью, особенно среди молодежи, пользуются КВН, Comedy Club, «Наша Russia», Comedy Battle, ХБ, «This is хорошо» и т.д. Для обывателей они являются своеобразным средством снятия напряжения, отвлечения от различных проблем повседневной жизни или просто времяпрепровождением (так сказать, смотрят, чтобы «убить» время), становясь неотъемлемой частью жизни людей и занимая огромное количество свободного времени. Отметим также, что просмотр подобного рода программ и сериалов не требует от зрителя никакой интеллектуальной работы. Напротив, в них даже диктуют нам, когда и где надо смеяться. Так где же здесь тот тонкий, интеллектуальный юмор, требующий для его понимания живости и напряжения ума, а при создании – таланта и довольно больших умственных усилий? Да и юмор ли это вообще? Для ответа на этот вопрос обратимся к значению слова «юмор», его происхождению.

Осмысление юмора – в его классическом понимании – сформировалось в конце XVIII века в лоне немецкого романтизма, а также под влияниями идей Жана Поля Гегеля и их последователей и, конечно, представителей школы естественного права (одним из которых был Вольтер), согласно концепции которых, человек от рождения обладает неотъемлемыми естественными

правами (право на жизнь, свободу, равенство). В 90-х годах сложился кружок йенских романтиков, в который вошли братья Шлегели (Фридрих и Август Вильгельм), Тик, Новалис. Их принцип романтической эстетики стоял на позициях ничем не ограниченного субъективизма. Можно сказать, что «романтическая ирония» этих мыслителей покоится на признании всевластия субъекта, «все существующее лишь простая видимость, к чему и не стоит серьезно относиться» [5, с. 220]. Говоря о назначении романтической поэзии, Ф. Шлегель пишет: «Она должна превратить остроумие в поэзию, насытить искусство серьезным познавательным содержанием и внести в него юмористическое одушевление» [4, с. 172–173]. По его мнению, романтическая ирония является самой свободной из всех вольностей, «так как благодаря ей человек способен возвыситься над самим собой, и в то же время ей присуща всякая закономерность, так как она безусловно необходима» [4, с. 176]. Как заметил Гегель, юмор вообще стал «последней фазой романтизма», поскольку в своей сущности юмор есть романтическая ирония, которая «означает отрицание художником всяких сдерживающих начал и эгоистическое жонглирование всеми человеческими целями и идеалами, ценностями и устремлениями, традициями и обычаями» [2, с. 469].

Эту оценку отчасти подтверждает и эволюция, которую проделал термин «юмор» в английском языке. За век до Шекспира слово «юмор», изначально обозначавшее состояние жидкости, влаги, было применено к тем четырем жидкостям, которые определяли темперамент индивидуума: крови, флегме, желтой и черной желчи; это было в Средние века. Позднее это слово начало применяться для обозначения самого темперамента или состояния эмоций, создающихся разнообразной смесью этих жидкостей. В эпизоде «Отелло» мы можем увидеть, что этот переход еще сохраняется:

Эмилия

– Он не ревнив?

Дездемона

– Кто? Он?

По-моему, его родное солнце

В нем это иссушило!

(Drew all such *humors* from him) [6, с. 68].

Неслучайно во французском языке одним из значений слова «юмор» до сих пор является «жидкость». Но именно в английском языке (раньше, чем в других) оно все больше и больше стало использоваться для обозначения любой неожиданной и странной тенденции или ситуации. Здесь появилась идея неопределенности характера и индиви-

дуальности. Слово «юморист» у Шекспира, по-видимому, означало человека, который развлекал публику странным и необычным поведением больше, чем уродством. Сходную особенность юмора – «говорение неуместных (странных) вещей» – подметил еще Аристотель в своей «Риторике». Таким образом, изначально английское слово «юмор» подчеркивало, прежде всего, уникальность и неожиданность в характере тех, кто вызывал смех. Именно в этом значении английское слово «юмор» (и, соответственно, «юморист») вошло почти во все европейские языки: от финского до испанского. Это слово позволило ассоциировать смех с любовью и добродушием. Оно – как никакое другое – позволяло определить характер сочинений таких гениев комического, как Филдинг, Стерн, Голдсмит и Жан Поль.

Для Жана Поля и его последователей юмор был не только искусством, но и этикой, и философией жизни. То, над чем мы смеемся, полагал он, это маловажно и бесконечно мало по сравнению с идеалом бесконечной возвышенности. И пока все человеческие вещи бесконечно малы, тенденция нашего смеха состоит в поощрении сострадания к человечеству и в то же время в предоставлении большей славы Богу. Жан Поль оригинально объяснил, что когда мы смеемся над глупостью других людей, – это происходит только потому, что мы приписали или, как он говорит, «одолжили» им наше понимание, и, таким образом, стало возможным воспринять контраст между минимумом и максимумом такого понимания. Его утверждение «Шутка не знает иной цели помимо своего существования. Поэтический цвет ее крапивы не жжет, и едва ли почувствуешь удары ее розог, цветущих и проросших листьями» [3, с. 140] было подкреплено хорошей язвительной критикой теории смеха Гоббса: «Смеясь, не столько чувствуешь, как поднимаешься вверх сам (чаще, вероятно, чувствуешь обратное), сколько чувствуешь, как другой идет вниз... Смеющиеся добродушны и нередко встают в ряды осмеиваемых; дети и женщины смеются больше других, гордцы, сравнивающие себя со всеми, меньше всех» [3, с. 145].

Добродушный характер юмора подчеркивает и Лоренс Стерн, говоря о том, что если его книга написана против чего-то – то против недоброжелательности и гнева (перевод предложен автором) [11, с. 131], и признание Байрона: «Если я смеюсь над какой-либо смертной вещью, то (смеюсь) над тем, над чем я не могу плакать» (Перевод предложен автором) [7].

(Д.Г. Байрон в переводе (под общей редакцией Р.Ф. Усмановой):

«Теперь, когда смеюсь над чем-нибудь,

*Смеюсь, чтоб не заплакать, а вздыхаю
Лишь потому, что трудно
не вздохнуть!»* [1, с. 199].

Почти то же самое встречаем мы и у Гейне:

*«И когда сердце оборвано,
Оборвано и разбито,*

У нас еще остается прекрасный и пронзительный смех».

(Перевод предложен автором) [10, с. 30].

Гегель, говоря о юморе, утверждал, что настоящий юмор вызывает у нас сочувствие, а высшая форма комедии – та, в которой герой наслаждается возвышением над обстоятельствами. «Неотделимы от комического, – говорил он, – бесконечная доброта и уверенность, готовые подняться выше своих собственных противоречий, не испытывая ни оттенка горечи, ни чувства каких-либо неудач. Это есть счастливое состояние рассудка, здоровое положение духа, которое, осознавая себя, может страдать от разрушения своих целей» (Перевод предложен автором) [9, с. 302].

Все эти взгляды оказали огромное влияние на формирование классического понимания юмора, но здесь также необходимо учитывать исторический контекст, ведь нельзя представить это явление без главной характеристики эпохи, ставшей впоследствии неотъемлемой чертой юмора. XVIII век в Европе и США прошел под знаком свободы: свободы личности, индивидуальности, люди всячески боролись за свои права. Юмор стал выступать неким способом утверждения этой свободы, своей личности, своих умственных способностей. Появлялись профессиональные юмористы, которые, по мнению Макса Истмена (перевод предложен автором) [8, с. 84], впервые были в Америке, и, возможно, это неслучайно, ведь и буржуазная революция и Декларация независимости, утверждающая права и свободы людей, появились ранее, чем в Европе. Юморист – это личность, которая творит. Юморист не был ни сатириком, ни клоуном, ни комиком, ни каким-либо шутником или шутком. Это человек от природы забавного ума и довольно нелепого обаяния, который просто стоит и говорит, не отпуская при этом шуточек по этому поводу. Все, что он делает или вынужден делать, – неуместно. Арлекин, чтобы рассмешить людей, наряжается, но юморист, зная, что весь окружающий мир наряжен, достигает того же результата, выходя в своей собственной одежде. «Если и есть какая-то «соль» его шуток, она заключается в милой честности, которая лежит под всем его несоответствием, – не глубокая честность, воз-

можно, а честный провинциализм в обществе, слишком перенапряженном в попытке уйти от него» (перевод предложен автором) [8, с. 84]. Одним из основателей этой традиции был Артемус Уорд (настоящее имя Чарльз Фаррар Браун) – американский писатель-юморист, выступал как лектор и автор комических фельетонов. Наиболее выдающимся юмористом, как отмечает М. Истмен (перевод предложен автором), был Марк Твен, чей провинциализм был, наверное, самым веселым из тех, с которыми когда-либо сталкивалась культура [8, с. 85].

Впоследствии, вплоть примерно до 90-х годов XX века, юмор и являлся таковым. Он выступал способом утверждения свободы юмориста, свидетельствовал о его интеллекте и парадоксальности мышления. Сама способность «юморить» была признаком свободной личности, чего, к сожалению, нельзя сказать о большинстве якобы юмористических передач, которые транслирует современное телевидение и предлагает нам Интернет. Юмор (если его можно назвать таковым) стал орудием массовой культуры, люди перестали творить: шутки и остроты (часто пошлые и низкопробные) за них пишут другие. Происходит своего рода вырождение как авторов, так и зрителей, которым, как было отмечено выше, постановщики диктуют, в какой момент действия им следует хохотать, тем самым поработав их и превращая в «зомби». Зрителям не дают возможности подумать, самим дойти до «соли» шуток, потому что все, вызывающее смех, лежит на поверхности и сводится к нескольким мотивам: в основном сексуальному и бытовому. Раньше юмор принадлежал, скорее, к интеллектуальной сфере, сфере остроумия. В шутках ничего не говорилось прямо. Мысль была настолько завуалирована, что приходилось прилагать определенные умственные усилия, чтобы «постичь» шутку. Юмор был построен на намеках, притом весьма тонких. Как говорил Вольтер, настоящий юмор предполагает уважение к интеллекту слушателя (читателя). Современные же шутки характеризуются прямолинейностью и даже грубостью, что во многом делает их невыносимыми для старшего поколения. Юмор, являвшийся ранее способом утверждения свободы личности и индивидуальности, стал сферой шоу-бизнеса, банальным предметом купли-продажи, источником прибыли; его производство поставлено на поток, а потому всё чаще и больше он становится похожим на «палёную» водку.

1. Байрон Д.Г. Дон Жуан // Собрание сочинений в четырех томах / Д.Г. Байрон; [сост. и общ. ред. Р. Ф. Усмановой]. М.: Правда. Т. 1. 1981. 606 с.

2. Гилберт К.Э., Кун Г. История эстетики / К.Э. Гилберт, Г. Кун. СПб.: Алетейя, 2000. 653 с.

3. Жан Поль. Приготовительная школа эстетики / Жан Поль. М.: Искусство, 1981. 448 с.

4. Литературная теория немецкого романтизма: документы под ред., со вступит. статьей и комментариями Н.Я. Берковского / Государственная академия искусствознания, Институт литературы; ред., авт. предисл. Н.Я. Берковский, пер. Т.И. Сильман, ред. И.Я. Колубовский. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1934. 335 с.

5. Овсянников М.Ф. История эстетической мысли: учебное пособие. 2-е изд., доп. / М.Ф. Овсянников. М.: Высшая школа, 1984. 336 с.

6. Шекспир В. Отелло; Макбет: [трагедии] / В. Шекспир; [пер. с англ. Б. Пастернака]. СПб.: Азбука-классика, 2006. 251 с.

7. Byron G.G. Don Juan / G.G. Byron. London : Printed for John and H.L. Hunt, 1824. 129 p. URL: <http://archive.org/stream/donjuan05byro#page/n3/mode/2up> (дата обращения: 15.10.2011 г.).

8. Eastman M. The Sense of Humor / M. Eastman. New York: Charles Scribner's Sons, 1922. 257 p.

9. Hegel G. W.F. The Philosophy of Fine Art, translated by Osmaston F. P. B. Vol. IV. London: G. Bell and Sons, LTD, 1920. 356 p. URL: <http://archive.org/stream/philosophyofine19204hege#page/n7/mode/2up> (дата обращения 04.05.2012 г.).

10. Heine's Poems, Selected and Edited with Introduction and Notes by Eggert C.E. Boston: Ginn and Company, 1906. 233 p. URL: <http://archive.org/stream/heinespoems00heingoo#page/n7/mode/2up> (дата обращения 25.11.2011 г.).

11. Sterne L. The works of Laurence Sterne, in one volume: with a life of the author written by himself / L. Sterne. Philadelphia: Claxton, Remsen & Haffelfinger, 1873. 416 p. URL: <https://archive.org/stream/worksoflaurences00ster#page/n7/mode/2up> (дата обращения 29.10.2013 г.).

1. Bajron D.G. Don Zhuan // Sobranie sochinenij v chetyreh tomah / D.G. Bajron; [sost. i obszh. red. R. F. Usmanovoj]. M.: Pravda. T. 1. 1981. 606 s. (Russian).

2. Gilbert K.Je., Kun G. Istorija jestetiki / K.Je. Gilbert, G. Kun. SPb.: Aletejja, 2000. 653 s. (Russian).

3. Zhan Pol'. Prigotovitel'naja shkola jestetiki / Zhan Pol'. M.: Iskusstvo, 1981. 448 s. (Russian).

4. Literaturnaja teorija nemeckogo romantizma: dokumenty pod red., so vstupit. stat'ej i kommentarijami N.Ja. Berkovskogo / Gosudarstvennaja Akademija iskusstvovoznaniija, Institut literatury; red., avt. predisl. N.Ja. Berkovskij, per. T.I. Sil'man, red. I.Ja. Kolubovskij. L.: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade, 1934. 335 s. (Russian).

5. Ovsjannikov M.F. Istorija jesteticheskoi mysli: uchebnoe posobie. 2-e izd., dop. / M.F. Ovsjannikov. M.: Vysshaja shkola, 1984. 336 s. (Russian).

6. Shekspir V. Otello; Makbet: [tragedii] / V. Shekspir; [per. s angl. B. Pasternaka]. SPb.: Azbuka-klassika, 2006. 251 s. (Russian).

7. Byron G.G. Don Juan / G.G. Byron. London : Printed for John and H.L. Hunt, 1824. 129 p. URL: <http://archive.org/stream/donjuan05byro#page/n3/mode/2up> (data obrashhenija: 15.10.2011 g.) (English).

8. Eastman M. The Sense of Humor / M. Eastman. New York: Charles Scribner's Sons, 1922. 257 p. (English).

9. Hegel G. W.F. The Philosophy of Fine Art, translated by Osmaston F. P. B. Vol. IV. London: G. Bell and Sons, LTD, 1920. 356 p. URL: <http://archive.org/stream/philosophyofine19204hege#page/n7/mode/2up> (data obrashhenija 04.05.2012 g.) (English).

10. Heine's Poems, Selected and Edited with Introduction and Notes by Eggert C.E. Boston: Ginn and Company, 1906. 233 p. URL: <http://archive.org/stream/heinespoems00heingoo#page/n7/mode/2up> (data obrashhenija 25.11.2011 g.) (English).

11. Sterne L. The works of Laurence Sterne, in one volume: with a life of the author written by himself / L. Sterne. Philadelphia: Claxton, Remsen & Haffelfinger, 1873. 416 p. URL: <https://archive.org/stream/worksoflaurences00ster#page/n7/mode/2up> (data obrashhenija 29.10.2013 g.) (English).

UDC 008:398.23

SOLD HUMOUR

Zelezinskaya Larisa Andreevna,
Blagoveshchensk State Pedagogical
University, Department of International
Education and Cooperation,
Director of Organizational- and methodical
Department,
Blagoveshchensk, the Amur Region, Russia
E-mail: zelezinskaya_larisa@list.ru

Chuprov Aleksander Stepanovich,
Blagoveshchensk State Pedagogical
University, Head of the Chair of History,
Philosophy and Cultural Studies,
Doctor of Philosophy, Professor,
Blagoveshchensk, the Amur Region, Russia
E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Annotation

The given article deals with the evolution of humor as a specific kind of the comic, which appeared in the epoch of formation of western democracy. It is shown that humor appeared as a particular way of the individual freedom confirmation, which is based on human intellectual creativity. Besides, the process of degradation of humor in the modern era of mass-culture domination and its turning into an object of sale through the mass media and the Internet have been stated.

Key concepts:

humour,
humourist,
Jena romantics,
freedom,
individuality,
mass-culture,
show-business.

УДК 130.2

ГЕНЕЗИС И СМЫСЛОВАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ФЕНОМЕНА ДОМА

Рымарович Светлана Николаевна,
Российский государственный социальный
университет,
Курский институт социального
образования (филиал),
доцент кафедры философии
и социологии,
кандидат философских наук, доцент,
г. Курск, Россия.
E-mail: blagodat77@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о возникновении феномена дома и его детерминирующих смыслах в культурном опыте человечества. Природно-культурный феномен жилища зарождается в раннем палеолите как форма пространственной организации существования человека и, начиная с неолита, получает цивилизационное антропологическое содержание.

Ключевые понятия:

дом,
природа,
культура,
цивилизация,
доместикация.

Анализ многоуровневого и полисемантического концепта «дом» пользуется популярностью в современном социально-гуманитарном знании. В работах отечественных философов и культурологов можно встретить различные интерпретации этого феномена, имеющие вместе с тем прочную взаимосвязь. Представим некоторые из них:

- дом как один из важных факторов человеческого существования, организующий все основополагающие аспекты бытия (О.Ф. Филимонова);
- дом как основополагающий, всеобъемлющий архетипический образ (В.Г. Щукин, М.В. Петрова);
- идея дома как смыслообраз, объединяющий человеческую жизнь и ее переживание (С.Н. Алехина, Е.А. Когай);
- дом как мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим (Т.В. Цивьян);
- дом как сомо- и психоморфный топос (Б.М. Цейтлин);
- дом как способ контакта человека с миром (А.В. Говорунов), «медиационный комплекс» между человеком и миром (А.К. Байбурин);
- дом как локус пространства повседневности (В.Д. Лелеко);
- идея дома как суть цивилизационного процесса (Б.В. Марков, Е.Л. Разова).

Однако почему и каким образом зарождается идея дома, жилища в духовном опыте человечества? Как и когда появляется феномен дома как продукт материальной культуры, произведение архитектуры? Каковы изначальные предпосылки и более поздние содержательные смыслы появления феномена дома? Ответы на поставленные вопросы предполагают обращение не только к философским текстам, но, прежде всего, к осмыслению фактов исторического, археологического, этнографического, культурологического и психологического знания.

Следует отметить недостаточную разработанность вопроса о возникновении жилища, времени, причинах и предпосылках данного события. Безусловно, первостепенное значение на пути прояснения этого вопроса, принадлежит истории и археологии. Тем не менее, некоторую ясность способны внести философские, культурологические, этнографические и психологические исследования, особенно в осмыслении материалов мифологических источников. Следует понимать также, что рождение жилища, дома – событие не одномоментное, а поэтапное, растянутое во времени, согласующееся с основными этапами социально-культурной эволюции человечества. Дискуссионным представля-

ется вопрос и о соотношении природных и социально-культурных оснований феномена человеческого дома.

Психологическая наука утверждает, что одним из важнейших условий человеческой жизни является обеспечение ее безопасности либо природными средствами, либо с помощью создания искусственной среды. Последнее составляет одну из важнейших сторон проявления культурной деятельности человека, следы которой можно обнаружить у самых истоков человечества. Потребность человека в жилище, как считает этнография, первейшая, явившаяся стимулом многих культурных достижений человечества. При этом жилище, дом осознается как первая линия обороны от угроз, исходящих от окружающей среды (второй такой линией является одежда, в особенности в суровых климатических условиях). Так, археологи обращают внимание на существование двух видов палеолитических статуэток женщин: одетых и совершенно обнаженных [8, с. 128]. Предположительно, статуэтки обнаженных женщин – символ древнего человека в домашней обстановке, «за плотной стеной из костей и шкур», в безопасности.

Учеными-археологами установлено, что гоминиды существуют около 6 млн лет (австралопитек), и около 2,6 млн лет назад человек умелый (*Homo habilis*) уже изготавливал каменные орудия и строил искусственные жилища. Таким образом, феномен жилища появляется в опыте человечества уже в раннем палеолите. Однако первое человеческое жилище еще сложно назвать домом. Это были наземные примитивные жилища на открытом пространстве из ветвей, листьев и окружающих сооружений из камня, очень похожие на логова зверей, гнезда птиц, пчелиные ульи и т.п. Жилище начинает осознаваться как дом с момента включения его человеком в общую систему культуры, понимания жилища как части своего образа жизни, наполнения его миром вещей, созданных самим человеком.

Философия признает пространственное восприятие мира человеком онтологичным. Р. Декарт полагает протяженность одной из субстанций мирового целого наряду с мышлением. И. Кант определяет пространство, наряду со временем, априорной (т.е. доопытной, врожденной) формой бытия человека. П.А. Флоренский считает, что вся культура может быть понята как деятельность по организации пространства. Неслучайно уже с периода позднего палеолита человек начинает создавать карты окружающего его мира. Так, на стоянке Межирич в среднем течении Днепра (13 тыс. лет до н.э.) удалось найти первобытную карту местности в виде

обломка мамонтового бивня, на котором был вырезан рисунок, изображающий лес, берег реки, большие сооружения на нем [16]. Это была одна из первых попыток овладения пространством, ориентации в нем уже формализованным образом.

Территориальность, одно из проявлений пространственности, отмечена учеными как инвариантный архетип поведения не только человека, но и животного мира в целом, важнейшее проявление социальности [12, с. 99]. Всякий животный коллектив (на постоянной или временной основе) занимает какую-то территорию, где он обитает, кормится, размножается, т.е. осваивает этот фрагмент пространства. Причем освоение территории заключается в первую очередь в ее присвоении, вступлении в обладание ею, что в обязательном порядке требует обозначения ее границ, а также выделения зоны непосредственного обитания (в наиболее полном виде – жилища).

Вообще, территория имела огромное значение в жизни человека первобытной эпохи. Когда люди использовали все ресурсы на месте своего проживания, они начинали кочевать в поисках новых земель, богатых дичью лесов. Используя метод математического моделирования, ученые пришли к выводу, что 10–12 тыс. лет назад произошел первый в истории человечества ресурсный экологический кризис [9, с. 127], который дал толчок изменениям как в материальной, так и в духовной областях жизни человека. Перемены были настолько колоссальными, что это позволило ряду исследователей вслед за английским археологом Г. Чайлдом говорить о «неолитической революции» [15]. Только после этого человек полностью выделяется из остального животного мира, начинает создавать новые биогеохимические циклы, новые формы неживой материи, новые виды животных. Он становится менее зависим от природного пространства, т.к. уже умеет интенсифицировать имеющиеся ресурсные возможности. По словам Н.Н. Моисеева, именно от этой революции «ведут отсчет часы истории общества (уже не антропогенеза)» [9, с. 127].

Неолитическая революция (в разной периодизации неолит начинается с VIII–VII тыс. до н.э. и заканчивается в IV тыс. до н.э.) представляет собой переход от присваивающего хозяйства (собирательства и охоты) к производящему хозяйству (земледелию и скотоводству). В результате происходит трансформация образа жизни человека: четко дифференцируются оседлые и кочевые сообщества. С переходом части человеческих коллективов к принципиально иной форме ведения хозяйства, требующей

оседлости, появляются долговременные поселения, структура которых уже напоминает урбанистические комплексы (протогород Иерихон, «мегаполисы древности» Трипольской культуры и др.). Таким образом, впервые можно говорить о формировании у человека архитектурного мышления, зарождении архитектуры как деятельности человека по искусственной организации предметно-пространственной среды обитания, начале создания архитектурных сооружений, обязательно включающих в себя «образ сооружения, идею его устойчивости и включенность в ландшафт» [3, с. 14].

Неолит неслучайно охарактеризован исследователями как особый системно-преобразовательный тип культуры [4, с. 40], когда человек впервые начинает заниматься целенаправленной преобразовательной деятельностью по изменению природы и общества. В максимальной степени это касается как материального создания дома, так и надления этого феномена духовными смыслами. В период неолита отсутствуют войны, по всей Ойкумене налаживается мирная жизнь и, насколько это возможно, стабилизируются семейные отношения с господством матриархата. В земледельческих обществах усиливается религиозный культ плодородия, человек много времени начинает посвящать домашнему хозяйству. Удивительное новшество неолита, свидетельствующее о повышенном внимании к дому и, вероятно, о культе и почитании жилища, – это миниатюрные глиняные модели домов и очагов (например, при раскопках трипольских памятников были найдены глиняные макеты одноэтажных и двухэтажных домов, с крошечными печами, предметами мебели и утвари).

Мы полагаем, эпоху неолита по праву можно назвать «эпохой дома», или «эпохой зарождения дома», потому как сущность неолитической революции – в одомашнивании, доместикации, переходе человека от «завоевания» макропространства Ойкумены – к освоению микропространства собственного жилища. Следует отметить, что традиционно понятие доместикации распространялось только на животный мир, на растения, но не относилось к человеку. Однако современное социально-гуманитарное знание расширяет смысловые рамки понятия доместикации и представляет его как способ становления цивилизации и культуры. По мнению ряда исследователей, именно в «одомашнивании» людей и мира состоит суть цивилизационного процесса, поэтому исключение «домашности» из ценностного комплекса человеческой цивилизации может грозить человеку утратой собственного

места, потерей идентичности и ситуацией экзистенциального одиночества [7; 10; 6].

Цивилизация как процесс доместикации – это процесс поиска человеком своего места в бытии, обустройства на этом месте и осознания мира сквозь призму обустроенного места, ставшего домом человека в общеантропологическом (дом как обитаемый и осознанный мир, место в мире) и частном (дом как жилище) смысле. Доместикация как размещение, овладение пространством, предполагает не только занятие некоего географического ареала или ниши в общем строе жизни (что свойственно и животным), но и осознание границ и наполнение их содержательным смыслом, т.е. превращение просто места в человеческое место [10, с. 39]. Следовательно, доместикация – цивилизация – гуманизация (очеловечивание человека) – есть звенья одной смысловой цепи.

Дискуссионным является вопрос, принадлежит ли феномен жилища, дома только человеческой культуре, или его истоки глубиннее, узнаются в природной, биологической сфере? Общеизвестно, что животные также имеют свои дома, даже простейшие, причем природа являет удивительные примеры «архитектурного мастерства» животного мира: подземные галереи и сложнейшие лабиринты кротовой норы, «небоскреб»-муравейник, оригинальные соты пчелиного улья, причудливая раковина моллюска, являющаяся частью его организма, переносной дом – панцирь черепахи и т.д. Аналогии домостроения человека и живых структурных жилищеподобных форм, а также искусственных построек животных – прослежены еще в глубокой древности (Демокрит). Действительно, древние человеческие сооружения – гнезда, шалаши и т.п. – часто трудно отличить от построек каких-либо животных. Современная бионика приводит все больше доказательств того, что многие технические устройства и сооружения разработаны по образцу, наблюдаемому в природе, большинство человеческих изобретений уже «запатентовано» природой. Однако в основе бионических закономерностей скорее всего находится не подражание человеку природе, а органически присущие человеку формы трудовой строительной и любой другой творческой деятельности [1]. В этой связи становятся понятными оригинальные мысли О. Шпенглера: «Первоначальная форма дома всецело возрастает из органического чувства... Она обладает такой же внутренней необходимостью, как раковина моллюска, как пчелиный улей, как птичий гнездо...» [14, с. 122–123].

Безусловно, архитектурное поведение животных объясняется сложнейшими инстин-

тами, сложившимися у них в течение долгого исторического развития. Независимо от своих типов и видов, жилища животных выполняют строго установленные природой функции: укрытия от неблагоприятной погоды и противника, места сна, выращивания потомства, хранения припасов и отдыха. Несмотря на то что жилища животных выстроены в высшей степени целесообразно, согласно программе последовательных действий, ни одно животное не имеет в сознании образа будущего сооружения как целого и не способно изменить свою «строительную программу», которая заложена генетически. И только в человеческом сознании «есть целостный образ того, что предстоит соорудить. Такой образ и называется проектом» [3, с. 12].

Тем не менее необходимо признать, что само классическое противопоставление «природа – культура» в современном социально-гуманитарном знании уже не имеет столь явной оппозиционной напряженности. А.Е. Чучин-Русов обращает внимание на то обстоятельство, что смысловые компоненты латинского слова «cultura» (обрабатывание, возделывание, уход, разведение, воспитание, образование, развитие, поклонение, почитание) могут быть отнесены не только к человеческому, но и к животному миру [13]. В данном контексте культуру следует понимать как определенную и, возможно, высшую стадию в развитии природы, в эволюции программ коллективного поведения живых организмов. По словам А.Я. Флиера, «культура природна в той же мере, насколько природен сам человек, насколько его биологическое начало определяет параметры его социального и интеллектуального Бытия. А это означает, что не противопоставление природы культуре, а наоборот, системный компаративный анализ черт их родства и свойств культуры как части природы может вывести нас на новые научные открытия» [11]. Например, культурные характеристики можно отнести к пчелиному улью или муравейнику, с их далеко не простыми и по-своему совершенными формами коллективной жизни. Это в полной мере касается и продуктов деятельности человека, в том числе и построения дома, жилища. Так, к примеру, если различие между птичьими гнездами и современными железобетонными мегаполисами очевидно, то сложно понять, в чем принципиальное различие между гнездом птицы и шалашом первобытного человека. Разница видится только в технике исполнения и, безусловно, в наполнении дома человека цивилизационным, антропологическим содержанием.

Полагаем, существует определенная смысловая детерминация идеи дома в ду-

ховном опыте человечества. Так, в *психобиологическом аспекте* пребывание человека в доме, жилище может быть представлено как продолжение его внутриутробного существования (З. Фрейд, К.Г. Юнг и др.). Дом для каждого человека выступает как продолжение его беззаботного и безопасного эмбрионального развития. Архитектурные феномены, таким образом, можно трактовать как отображение коллективного бессознательного, а именно опыта рождения, присущего человеку как биологическому виду. Например, образ пещеры обращает к глубоко спрятанным переживаниям в материнской утробе. Ученые предполагают, что первобытные люди воспринимали пещеру как материнское чрево и ощущали себя в ней подобно детенышам кенгуру в родительской сумке.

С.В. Климова среди важнейших архетипических функций дома называет стабилизирующую, исцеляющую и обновляющую, а также связующую с опытом предков, рода, коллективным бессознательным [5]. Жилище, помимо непревзойденной степени защиты от окружающей среды, обеспечивает населяющему его такие ощущения, как уют, комфорт, а также чувство принадлежности к определенному месту, роду в целом («идентичность»), осознания самого себя («самоидентификация»).

Безусловно, общественную практику древней эпохи, в особенности палеолитическую и мезолитическую, можно охарактеризовать как социально ориентированную. Именно социальные проблемы, включая задачи самоорганизации и полагания границ рода, в огромной степени детерминировали цели, основания и результаты деятельности людей [12, с. 100]. В *социально-антропологическом аспекте* дом осознается как место упорядочивания человеческого бытия и социализации человека, начало вхождения его в коллектив. Поэтому образ Дома является фундаментальной основой и предельной составляющей человеческой социальности [5].

Дом обеспечивает потребность человека в укорененности, исходя из концепции гуманистического психоанализа Э. Фромма. Человек с древности желает быть неотъемлемой частью социального мира, ощущать свою принадлежность к коллективу, что объясняется, в первую очередь, соображениями личной безопасности. Для этого необходимо жить вместе со своим родом, зачастую в общем доме – «первобытной коммуналке» (длинные прямоугольные строения с рядом очагов по центральной оси – частые находки времени позднего палеолита на Восточноевропейской равнине). И только много позже, уже в эпоху развития человеческой цивили-

зации смысловым понятием «дом» начинает выражаться отношение человека не только к родному очагу, коллективу сородичей, но и к отечеству, близкой сердцу природе, Земле как колыбели человечества в целом.

Далеко не сразу дом начинает быть ценностью для человека, а также средоточием системы ценностей человеческой культуры. *Этико-аксиологическая детерминация жилища*, обретение дома как ценности – относительно позднее событие человеческой культуры, имевшее, тем не менее, свои истоки в неолитической эпохе. Дом, вне всякого сомнения, уже представлял определенную значимость для земледельца, ведущего оседлый образ жизни. С усложнением социально-культурного развития человечества идея дома наполняется новыми смыслами: нравственность, память, вера, традиция.

Семиотико-символическая детерминация существования дома также имеет свои корни в древности. Уже в эпоху палеолита необходима была родовая этнокультурная маркировка жилищ и поселений. Позже архитектурный семиозис стал отражать племенные, национальные, социально-классовые, государственные, конфессиональные, политико-идеологические и иные параметры архитектурных сооружений [12, с. 100]. Из семиотико-символической функции дома в дальнейшем появляется понятие «красота» применительно к архитектуре.

Итак, дом – древнейший природно-культурный феномен. Дом, как форма пространственной организации существования человека, появляется в палеолитическую эпоху и начинает наполняться антропологическим цивилизационным содержанием только с периода неолита, когда человек переходит от освоения макространства Ойкумены к микропространству своего поселения и жилища. Процесс домостроения обуславливает возникновение и развитие человеческой цивилизации.

Изначально феномен жилища лежит вне культуры – он биологичен и является неотъемлемым атрибутом всего животного мира. Человек, впервые создавая свой дом, не подражал животному миру, а действовал в соответствии с органическими, присущими ему формами трудовой творческой деятельности. В дальнейшем дом осознается как феномен человеческой культуры, архетип, и приобретает многоуровневое смысловое содержание.

Возникновение и существование дома детерминируется, в первую очередь, психо-биологическим и социально-антропологическим факторами, и затем уже этико-аксиологическим и семиотико-символическим факторами.

В завершении отметим весьма интересную и немаловажную деталь. В футурологических произведениях в основном представлена сверхсложная и необычная техническая сторона будущего, однако немного необычного в изображении жилища. Невозможно увидеть ничего принципиально отличного от того, что уже есть в опыте человечества. Это еще раз доказывает архетипичность феномена дома, его единообразность в основе, что подтверждают и результаты историко-археологических, культурологических и философских исследований [3; 12; 2].

1. Архитектурная бионика [Текст] / Под редакцией Ю.С. Лебедева. М.: Стройиздат, 1990. 269 с.
2. Гидион, З. Пространство, время, архитектура [Текст] / З. Гидион. М.: Стройиздат, 1975. 567 с.
3. Глазачев, В.Л. Зарождение зодчества [Текст] / В.Л. Глазачев. М.: Стройиздат, 1983. 126 с.
4. Ермишина, Н.Д. Неолит – системно-преобразовательный тип культуры [Текст] / Н.Д. Ермишина // Вопросы культурологии. 2012. № 5. С. 39–44.
5. Климова, С.В. Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома [Электронный ресурс] / С.В. Климова. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/function.html> (дата обращения: 25.04.2013 г.).
6. Козырьков, В.П. Направления и формы домостроения современного общества [Текст] / В.П. Козырьков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2010. № 1. С. 20–26.
7. Марков, Б.В. Культура повседневности. Учебное пособие [Текст] / Б.В. Марков. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
8. Матюшин, Г.Н. У колыбели истории [Текст] / Г.Н. Матюшин. М.: «Просвещение», 1972. 255 с.
9. Моисеев, Н.Н. Системная организация биосферы и концепция коэволюции [Текст] / Н.Н. Моисеев // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 123–130.
10. Разова, Е.Л. Дом: место социального и культурного становления человека [Текст] / Е.Л. Разова / Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2004. 179 с.
11. Флиер, А.Я. Происхождение культуры: новая концепция культурогенеза [Электронный ресурс] / А.Я. Флиер. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/ (дата обращения: 25.04.2013 г.).
12. Флиер, А.Я. Рождение жилища: пространственное самоопределение первобытного человека [Текст] / А.Я. Флиер // Общественные науки и современность. 1992. № 5. С. 96–101.
13. Чучин-Русов, А.Е. Конвергенция культур [Текст] / А.Е. Чучин-Русов. М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997. 40 с.
14. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы [Текст] / О. Шпенглер / Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.
15. Childe, G. Man Makes Himself [Text] / G. Childe. Oxford: Oxford University Press, 1936.

16. Gregorovich, A. Ancient Inventions of Ukraine [Electronic resource] / A. Gregorovich. URL: <http://www.infoukes.com/history/inventions/> (reference date: 25.04.2013).

1. Arhitekturnaja bionika [Tekst] / Pod redakcij Ju.S. Lebedeva. M.: Strojizdat, 1990. 269 s. (Russian).

2. Gidion, Z. Prostranstvo, vremja, arhitektura [Tekst] / Z. Gidion. M.: Strojizdat, 1975. 567 s. (Russian).

3. Glazachev, V.L. Zarozhdenie zodchestva [Tekst] / V.L. Glazachev. M.: Strojizdat, 1983. 126 s. (Russian).

4. Ermishina, N.D. Neolit – sistemno-preobrazovatel'nyj tip kul'tury [Tekst] / N.D. Ermishina // Voprosy kul'turologii. 2012. № 5. S. 39-44 (Russian).

5. Klimova, S.V. Social'no-filosofskie aspekty analiza arhetipicheskikh funkcij doma [Elektronnyj resurs] / S.V. Klimova. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/function.html> (data obrashhenija: 25.04.2013 g.) (Russian).

6. Kozyr'kov, V.P. Napravljenija i formy domestikacii sovremennogo obshhestva [Tekst] / V.P. Kozyr'kov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija Social'nye nauki. 2010. № 1. S. 20-26 (Russian).

7. Markov, B.V. Kul'tura povsednevnosti. Uchebnoe posobie [Tekst] / B.V. Markov. SPb.: Piter, 2008. 352 s. (Russian).

8. Matjushin, G.N. U kolybeli istorii [Tekst] / G.N. Matjushin. M.: «Prosveshhenie», 1972. 255 s. (Russian).

9. Moiseev, N.N. Sistemnaja organizacija biosfery i koncepcija kojevoljucii [Tekst] / N.N. Moiseev // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 2. S. 123–130 (Russian).

10. Razova, E.L. Dom: mesto social'nogo i kul'turnogo stanovlenija cheloveka [Tekst] / E.L. Razova / Dis. ... kand. filos. nauk. SPb., 2004. 179 s.

11. Flier, A.Ja. Proishozhdenie kul'tury: novaja koncepcija kul'turogeneza [Elektronnyj resurs] / A.Ja. Flier. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/ (data obrashhenija: 25.04.2013 g.) (Russian).

12. Flier, A.Ja. Rozhdenie zhilishha: prostranstvennoe samoopredelenie pervobytnogo cheloveka [Tekst] / A.Ja. Flier // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1992. № 5. S. 96-101 (Russian).

13. Chuchin-Rusov, A.E. Konvergencija kul'tur [Tekst] / A.E. Chuchin-Rusov. M.: IChP «Izdatel'stvo Magistr», 1997. 40 s. (Russian).

14. Shpengler, O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy [Tekst] / O. Shpengler / Per. s nem. i primech. I.I. Mahan'kova. M.: Mysl', 1998. 606 s. (Russian).

15. Childe, G. Man Makes Himself [Text] / G. Childe. Oxford: Oxford University Press, 1936 (English).

16. Gregorovich, A. Ancient Inventions of Ukraine [Electronic resource] / A. Gregorovich. URL: <http://www.infoukes.com/history/inventions/> (reference date: 25.04.2013) (English).

UDC 130.2

GENESIS AND CONCEPTUAL DETERMINATION OF THE PHENOMENON OF HOME

Rymarovich Svetlana Nikolaevna,
Russian State Social University, Kursk
Institute of Social Education (branch),
Associate Professor of the Chair of
Philosophy and Sociology,
Candidate of Philosophical Sciences,
Kursk, Russia
E-mail: blagodot77@list.ru

Annotation

The article considers the problem of the origin of the phenomenon of home and its determining senses in the cultural experience of mankind. Natural-cultural phenomenon of home started in the early Paleolithic as a form of spatial organization of human existence and, since the Neolithic, has received civilizational anthropological content.

Key concepts:

home,
nature,
culture,
civilization,
domestication.

УДК 94(470)

ВРАЧЕБНО-ТРУДОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ (на примере Южного Урала)

Смирнов Геннадий Сергеевич,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

Челябинский филиал,

доцент кафедры государственного
управления, правового обеспечения
государственной и муниципальной
службы,

кандидат исторических наук,
г. Челябинск, Россия.

E-mail: aandg@inbox.ru

Аннотация

В статье в исторической ретроспективе на примере отдельного региона рассматриваются изменения в деятельности экспертных комиссий по установлению инвалидности граждан в России, связанные с коренной ломкой социальных отношений в ходе рыночных реформ.

Ключевые понятия:

врачебно-трудовая экспертиза,
врачебно-трудовые экспертные комиссии,
инвалиды,
государственная политика,
социальная реабилитация,
Южный Урал.

Деятельность медико-экспертных комиссий является важнейшим индикатором результативности государственной политики в отношении многочисленной социально-демографической группы экономически неактивного населения – инвалидов, нуждающихся в регулярной социальной защите, без которой ставится под вопрос само их физическое выживание. Коренная ломка социальных отношений в ходе реализации политики «шоковой терапии» и дальнейшего либерального реформирования сопровождалась либерализацией концепции инвалидности, новыми теоретическими подходами к пониманию как социальных проблем инвалидности, так и роли государства в их разрешении. Возникшее при этом противоречие заключалось в том, что потребность в разрешении проблем в их прежнем понимании не исчезала, а, наоборот, усиливалась в связи с резким сокращением доступа инвалидов к элементарным жизненным благам, без чего широко продекларированная их интеграция в общество остается лишь благим пожеланием [7].

Вместе с тем, несмотря на коренную ломку представлений об инвалидности, по-прежнему право и возможность получения государственной поддержки появляются лишь после официального признания за человеком статуса инвалида, и занимаются этим исключительно экспертные комиссии.

В рамках современных обществоведческих и гуманитарных наук основное внимание исследователей сосредоточено на изучении «должного», то есть сущности нового содержания исследуемого сектора социальной политики, при этом совершенно не обращается внимания на «сущее», на реальные потребности инвалидов в определенных видах государственной поддержки и степень удовлетворенности этих потребностей. В результате сохраняется и даже расширяется «белое пятно» в части понимания уровня соответствия – несоответствия практической деятельности провозглашенным принципам. Одним из перспективных направлений исследований в зоне этого «пятна» является, по мнению автора, изучение меняющихся в ходе либерализации государственного управления условий и содержания деятельности экспертных комиссий как важнейшего инструмента реализации политики в отношении инвалидности и инвалидов.

К началу либеральных реформ в СССР уже длительное время существовала система врачебно-трудовых экспертных комиссий (ВТЭК). Основная их задача заключалась в определении степени потери индивидом способности к производительному труду и самообслуживанию и разработке соответствующих рекомендаций в области условий труда (для

частично трудоспособных) и мер компенсации потери способности к самообслуживанию в виде различных форм реабилитации (медицинской, социальной и профессиональной). Придание человеку статуса инвалида служило основанием для его социального обеспечения в виде пенсии по инвалидности [3].

Эта задача в качестве основной сохранялась вплоть до середины 1990-х годов, когда труд перестал рассматриваться как основная функция человека, и, соответственно, понятие трудоспособности было вытеснено другим базовым понятием – «степень интегрированности в общество», основанным на абстрактном понимании инвалидности как «существенного ограничения жизнедеятельности». Социальная реабилитация стала считаться не способом поддержания жизненного уровня человека, неспособного это делать самостоятельно, а лишь средством интеграции инвалидов в общество. При этом само понимание сути интеграции существенно изменилось [4].

Данный подход стал активно внедряться после принятия в 1995 г. закона «О социальной защите инвалидов в России» (на практике с 1997 г.).

До начала либерального реформирования ВТЭК организационно входили в структуру учреждений системы социального обеспечения, а в ходе вытеснения собесов учреждениями социальной защиты, они вошли в эту новую структуру, подвергнувшись тем самым влиянию тех же факторов, которые воздействовали на всю формировавшуюся систему соцзащиты.

К началу реформ в Челябинской области работал 31 ВТЭК, в которых было занято 95 врачей [1, с. 49]. Все комиссии были укомплектованы квалифицированными врачами-экспертами. Главной задачей их деятельности по-прежнему оставалось освидетельствование больных и инвалидов с целью решения вопроса о трудоспособности, необходимости выделения спецавтотранспорта, санаторно-курортного лечения, профессиональной или трудовой реабилитации [1, с. 77]. В Оренбургской области действовало всего 17 комиссий, но и численность инвалидов там была, соответственно, ниже [2, д. 1244, л. 78].

Резкое падение уровня жизни населения в начале радикального рыночного реформирования, стремительный рост цен на медикаменты и введение платного медицинского обслуживания заметно стимулировали выход лиц с проблемами здоровья на инвалидность, что в какой-то мере компенсировало удорожание лечения за счет предоставляемых инвалидам льгот. Только с 1994 по 1995 г. выход на первичную инвалидность в Челябинской

обл. увеличился с 5,3 до 7,2 тыс. [1, с. 77]. В Оренбургской обл. число инвалидов увеличилось за четыре года (1993–1997) с 84 тыс. до 116 тыс., почти вдвое.

Несмотря на увеличение нагрузки, связанной с ростом первичной инвалидности, количество ВТЭК и численность работающих в них врачей на протяжении многих лет оставались практически неизменными, а финансирование их деятельности сократилось. Так, экспертам перестали оплачивать разъезды по городу и области, не выделялся транспорт для выездных заседаний. Все это затрудняло их работу, вело к росту очередности на освидетельствование [8, с. 159–160]. Например, в профпатологическую ВТЭК в Челябинске она составляла к 1995 г. два года [1, с. 78]. Это вело к ухудшению положения инвалидов, которые, не пройдя освидетельствование, не получали ни пенсий, ни средств технической реабилитации, ни лекарств по льготным ценам, ни других видов реабилитации.

Возникли и трудности организационного характера, связанные с нарастанием общей необязательности и неисполнительности, особенно в межведомственных отношениях. Согласно Положению о ВТЭК 1956 г., экспертные комиссии создавались на базе лечебных учреждений, в которых имелись условия для всестороннего обследования больных (врачи по узким специальностям, диагностические кабинеты и др.) [6]. Это позволяло осуществлять работу комиссий на достаточно высоком профессиональном и организационном уровне. С началом реформ условия работы ВТЭК резко ухудшились. Медицинские учреждения, многие из которых стали муниципальными, уже не были заинтересованы в создании необходимых условий для комиссий. Об этом свидетельствует множество фактов. Хотя, согласно действовавшему законодательству, комиссии по-прежнему были «должны обеспечиваться всем органами здравоохранения», но, по словам главного эксперта Челябинской области, «это все действует лишь на бумаге» [5, д. 1524, л. 9]. Особенно сложная ситуация сложилась с предоставлением площадей для размещения врачей и автотранспорта при проведении выездных заседаний. О безвозмездном речь уже не шла. «Нас задавили арендной платой», – жаловался главный эксперт. В результате приходилось довольствоваться крохотными помещениями, зачастую совершенно непригодными для экспертной работы. «Часто в помещениях, где проводится освидетельствование и где поэтому собираются больные, немощные люди, не на чем сидеть, нет элементарных удобств, не хватает оборудования», – заявляла по этому

поводу начальник Главного управления социальной защиты населения области [5, д. 1524, л. 38].

С 1998 г., когда в соответствии с новыми представлениями об инвалидности состав комиссий расширился и в них стали включать наряду с врачами еще и реабилитологов и специалистов по социальной работе, а сама служба из межрайонной вновь стала областной, расходы по ее содержанию взяли на себя областные бюджеты. Но ситуация от этого не улучшилась. Конфликты между районными администрациями по вопросам обеспечения помещениями, автотранспортом и бензином сменились конфликтами тех же администраций с областными управлениями социальной защиты. «Казалось бы, местным бюджетам стало легче. Но захотелось, чтобы стало еще легче: службу МСЭ стали изгонять из лечебных учреждений, лишать их помещений, лишать нормальных условий работы» [5, д. 1524, л. 38].

Такая же картина наблюдалась и в Оренбургской области. Возросшее количество освидетельствований требовало увеличения числа первичных ВТЭК и увеличения количества выездных заседаний, но недостаток транспортных средств и отсутствие бензина не позволяли этого делать [2, д. 1244, л. 40]. К тому же возникла проблема повышения и сохранения квалификации экспертов.

Согласно нормативам, они должны были регулярно проходить переподготовку в Санкт-Петербургском институте усовершенствования врачей-экспертов, но, например, в 1996 г. из-за отказа в финансировании вместо запланированных 14 человек там обучалось только 3 врача, и еще 2 врача прошли менее качественную переподготовку в институте усовершенствования врачей г. Челябинска [2, д. 1244, л. 78]. В целом условия деятельности экспертных комиссий и в Оренбургской области также изменились в худшую сторону [5, л. 1524, л. 9].

До 1997–1998 годов комиссии оставались врачебно-трудовыми. Затем началось преобразование их в бюро и комиссии медико-социальной экспертизы (МСЭ), что требовало существенного дополнительного финансирования, которое возлагалось на маломощные региональные бюджеты. Решение оказалось непродуманным. В результате служба оказалась в критическом положении. Реорганизация наложила на неё дополнительные функции и задачи по решению вопросов реабилитации инвалидов на основе взаимодействия с другими региональными службами, а нормативная и организационная основа для такого взаимодействия отсутствовала.

Потребовалось введение ставок новых специалистов – дипломированных психологов, социальных реабилитологов и социальных работников, подготовка которых не велась, а средства на их оплату отсутствовали. Всё это делалось без соответствующего расширения площадей. Новых работников некуда было даже посадить. «Часто в помещениях бюро МСЭ, где проводится освидетельствование, не на чем сидеть, нет элементарных удобств, не хватает оборудования», – жаловался главный эксперт области [5, д. 1524, л. 38].

В соответствии с законом о социальной защите инвалидов служба МСЭ с 1998 г. приступила к разработке индивидуальных программ реабилитации инвалида (ИПР), а с 2001 г. – программ реабилитации пострадавших от радиационного воздействия (ПРП). Число разработанных индивидуальных программ ежегодно возрастало: в Челябинской области в 2001 г. – 9 тыс., в 2002 г. – уже 11 тыс. ИПР и 3693 ПРП. Однако до поставленной цели обеспечения программой каждого инвалида, не потерявшего реабилитационный потенциал, было очень далеко.

Тем не менее постепенно закладывались основы новых подходов к реабилитации инвалидов – правовые, информационно-статистические и производственные, создавалась реабилитационная социальная инфраструктура. Однако деятельность в этом направлении велась непоследовательно и медленными темпами. Гарантированный перечень реабилитационных мероприятий так и не был разработан. Поэтому органы социальной защиты не имели возможности предоставить инвалиду весь набор реабилитационных услуг, предусмотренных ИПР. По этой причине в регионе был высок процент инвалидов, отказавшихся от ИПР. Несколько лучше обстояли дела с реабилитацией инвалидов вследствие производственного травматизма и профессиональных заболеваний, поскольку в таких случаях мероприятия, согласно закону, финансировались работодателями. Именно для этой категории инвалидов и разрабатывались в первую очередь ИПР [5, д. 18, л. 29 об.].

В 2003 г. вопрос о работе службы МСЭ специально рассматривался на коллегии министерства социальных отношений Челябинской области. К этому времени в службе области работало уже 162 специалиста, из них: 112 врачей-экспертов, 7 психологов, 27 реабилитологов, 16 специалистов по социальной работе. Оставались незанятыми 26 вакансий психологов, 6 – реабилитологов, 17 – специалистов по социальной работе.

Как видим, несмотря на расширение перечня специалистов, занятых в разработке ИПР, полностью укомплектованы комиссии были только врачами. Представителей других специальностей не хватало – от 18% реабилитологов до 79% психологов. При этом среди экспертов высокую долю составляли совместители (свыше 6% специалистов по социальной работе, 12,5% реабилитологов, 19% врачей, 40% психологов). Значительная нехватка медицинских психологов объяснялась тем, что данных специалистов на Южном Урале не готовили. В связи с этим Госслужба МСЭ была вынуждена направлять врачей общего профиля для прохождения специализации по психологии в Петербург, в СПИУВЭК, что требовало значительных материальных затрат. На момент рассмотрения вопроса там проходили специализацию 4 врача на 11-месячном цикле и 2 врача на 4-месячном цикле.

Требование обязательного тематического усовершенствования врачей-экспертов не реже одного раза в пять лет, как и в начале 1990-х, не выполнялось. Стоимость обучения специалиста на минимальном (месячном) цикле составляла около 15 000 руб., поэтому отправить всех, кому необходима специализация, служба не имела возможности. В 2003 г. прошли усовершенствование в СПИУВЭКе всего 4 врача при наличии 18 заявок.

Коллегия также констатировала, что практически ни одно помещение, где располагается бюро МСЭ, не отвечает нормативам, разработанным Минздравсоцразвития, ни по площадям, ни по оснащению необходимым инвентарем. Не отвечало современным требованиям делопроизводства также материально-техническое оснащение МСЭ. Во многих бюро отсутствовали даже пишущие машинки, а персональных компьютеров, принтеров, ксерксов не было ни в одном первичном бюро. Закупив в 2003 г. 6 компьютеров и израсходовав на это значительную сумму, Госслужба МСЭ ощутила нехватку средств на покупку расходных материалов и обслуживание оргтехники. В соответствии с нормативами предусматривалось наличие автомобиля в каждом бюро, а имелось в наличии всего 7 автомашин, да и у тех срок службы либо истек, либо подходил к концу [5, д. 63, л. 10].

Некомфортные условия работы с больными вызывали раздражение и конфликты. Врачи часто грубили пациентам, те в свою очередь писали жалобы. Общее заключение, сделанное на заседании коллегии, оказалось неутешительным: служба абсо-

лютно не готова к выполнению возложенных на неё новых задач.

Для улучшения ситуации в министерстве социальных отношений области были разработаны межведомственная комплексная программа «О мерах социальной защиты инвалидов Челябинской области на 2004–2006 годы», которая была призвана создать систему оказания реабилитационных услуг инвалидам, и целевая программа «Обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов и маломобильных групп населения к объектам социальной инфраструктуры и информации», рассчитанная на 2003–2004 годы [5, д. 18, л. 29 об. – 30], но они не имели прямого отношения к созданию условий для реализации конкретных реабилитационных технологий в рамках реализации ИПР.

Большие надежды на решение наиболее острых проблем службы за счет федерального бюджета региональные органы социальной защиты населения возлагали на 2004 г., объявленный президентом «Годом инвалидов», однако принятый в том же году 122-й федеральный закон «о монетизации льгот» имел совсем иную направленность, существенно снижал финансовые возможности регионов. А с начала 2005 г. большая часть мер по социальной поддержке инвалидов перешла в компетенцию федерального бюджета и фондов – пенсионного, медицинского и социального страхования. Государственная медико-экспертная служба была изъята из непосредственного подчинения региональным органам социальной защиты населения и преобразована в ФГУ медико-социальной экспертизы [5, д. 59, л. 21].

Таким образом, можно выделить две основные проблемы в деятельности экспертных комиссий периода нахождения их в составе региональных и муниципальных органов социальной защиты. Первая была связана с общим ухудшением социально-экономической и социальной ситуации в стране (плохое финансирование, разбалансировка управленческих механизмов, падение престижа и т.д.), что делало саму постановку вопроса о смене концепции реабилитации инвалидов преждевременной.

Вторая была связана со структурной перестройкой службы, постановкой перед ней совершенно иных целей и возложением на нее совершенно иных функций. Здесь полное отсутствие условий для функционирования на новых принципах привело к декларативности, систематическому невыполнению поставленных задач, существенному несоответствию идеальных представлений реальному положению вещей.

Заложницей в итоге всего этого оказалась прежде всего социально-демографическая группа, в интересах которой якобы и начиналось реформирование врачебно-трудовой экспертизы в медико-социальную. Хотели «как лучше», а получилось «как всегда».

1. Гартман Н.А., Смирнов С.С. Становление и развитие системы социальной защиты населения в Челябинской области. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2000. 158 с.

2. Государственный архив Оренбургской обл. Ф.Р. – 1082. Оп.1.

3. Кедров П.С. Медико-социальная экспертиза РФ. Историческая справка [Электронный ресурс]. URL: http://mse74.ru/aboutus/Istoricheskaya_spravka (дата обращения: 22.09.2013 г.).

4. О социальной защите инвалидов в РФ: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ // Консультант Плюс. Дата сохранения: 06.06.2012.

5. Объединенный государственный архив Челябинской обл. Ф.Р – 948. Оп. 1;18.

6. Положение о врачебно-трудовых экспертных комиссиях. Приложение к Постановлению Совета Министров РСФСР от 21 декабря 1956 г. № 792 // Законодательство СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/sss/14494> (дата обращения: 22.09.2013 г.).

7. Смирнов, Г.С. Система социальной реабилитации инвалидов на Южном Урале в условиях «монетизации льгот» (2004 – 2010) [Текст] / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов // Социум и власть. 2013. № 1. С.114–118.

8. Смирнов, Г.С. Становление системы социальной защиты населения в регионе: уроки кризисов и векторы модернизации (на материалах Южного Урала) [Текст] / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов. Челябинск: Челябинский филиал РАНХиГС, 2012. 261 с.

1. Gartman N.A., Smirnov S.S. Stanovlenie i razvitie sistemy social'noj zashhity naselenija v Cheljabinskoy oblasti. Cheljabinsk: Izd-vo ChelGU, 2000. 158 s. (Russian).

2. Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj obl. F.R.–1082. Op.1 (Russian).

3. Kedrov P.S. Mediko-social'na jekspertiza RF. Istoricheskaja spravka [Elektronnyj resurs]. URL: http://mse74.ru/aboutus/Istoricheskaya_spravka (data obrashhenija: 22.09.2013 g.) (Russian).

4. O social'noj zashhite invalidov v RF: Federal'nyj zakon ot 24.11.1995 № 181-FZ // Konsul'tant Pljus. Data sohraneniya: 06.06.2012 (Russian).

5. Ob#edinennyj gosudarstvennyj arhiv Cheljabinskoy obl. F.R – 948. Op. 1;18 (Russian).

6. Polozhenie o vrachebno-trudovyh jekspertnyh komissijah. Prilozhenie k Postanovleniju Soveta Ministrov RSFSR ot 21 dekabrja 1956 g. № 792 // Zakonodatel'stvo SSSR [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.lawmix.ru/sss/14494> (data obrashhenija: 22.09.2013 g.) (Russian).

7. Smirnov, G.S. Sistema social'noj rehabilitacii invalidov na Juzhnom Urale v uslovijah «monetizacii l'got» (2004 – 2010) [Tekst] / G.S. Smirnov, S.S. Smirnov // Socium i vlast'. 2013. № 1. S.114–118 (Russian).

8. Smirnov, G.S. Stanovlenie sistemy social'noj zashhity naselenija v regione: uroki krizisov i vektory modernizacii (na materialah Juzhnogo Urala) [Tekst] / G.S. Smirnov, S.S. Smirnov. Cheljabinsk: Cheljabinskij filial RANHiGS, 2012. 261 s. (Russian).

UDC 94(470)

MEDICO-LABOUR EXAMINATION IN THE SYSTEM OF SOCIAL PROTECTION OF POPULATION (ON THE MATERIALS OF THE SOUTHERN URALS)

Smirnov Gennady Sergeevich,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch,

Associate Professor of the Department of Public Administration, Legal Support of the State and Municipal Service, Candidate of Historical Sciences.

Chelyabinsk, Russia.

E-mail: aandg@inbox.ru

Annotation

The article in the historical retrospective on the example of the particular region considers changes in the activities of expert commissions for determination of citizens' disability in Russia, connected with fundamental breaking of the fragile social relations in the course of implementation of the policy of «shock therapy» and the liberal reform.

Key concepts:

medical-labour examination, medical-labour expert Commission, disabled people, public policy, social rehabilitation, the Southern Urals.

УДК 321(091); 34(091)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ в 1920 – 1922 гг.

Панькин Станислав Игоревич,

Финансовый университет
при Правительстве Российской
Федерации,
филиал в г. Челябинске,
старший преподаватель,
кандидат социологических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: pstanislav78@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу политических программ организаторов вооруженных выступлений в регионе в 1920–1922 годах. Выявлены особенности идеологий в различных очагах с учётом национального и социального состава участников движения. Показано развитие основных идей и постулатов повстанчества в рассматриваемый период.

Ключевые понятия:

повстанчество,
политическая платформа,
дезертирство,
военные руководители,
восстания.

В 1920–1922 гг. Южный Урал являлся ареной массового повстанческого движения. Единой программы борьбы с властью не существовало, различными были цели участников выступлений. В программных политических документах повстанцы излагали причины, цели и средства борьбы, требования к местной и центральной властям, свой взгляд на решение главных проблем российского общества и государства. В числе последних были затрагиваемые во всех воззваниях: продразверстка, отношение к РКП(б) и другим политическим партиям, взаимоотношения крестьянства (казачества) и власти, государственно-правовое устройство России, роль РККА и трудовых армий.

Для реконструкции политической платформы необходимо обратиться к материалам, исходившим из повстанческого лагеря. Требования повстанцев и их взгляды в концентрированном виде изложены в декларациях, постановлениях, воззваниях, дополнением служит делопроизводственная документация: приказы, переписка, протоколы и постановления собраний.

Хронологически первым является восстание «Черного орла» в Уфимской губернии в феврале–марте 1920 г., возникшее как стихийный протест насильственным действиям по изъятию продуктов. Документы «штабов» (очагов восстания) дают представление о направленности вооруженного протеста. Воззвание в Заинске так объясняет причины выступления: «Зачем мы восстали? ... Мы – многомиллионное крестьянство. Наши враги – коммунисты. Они пьют нашу кровь и угнетают нас как рабов. Они отбирают наш последний кусок для того, чтобы вести гражданскую войну...» [2, с. 128]. Воззвание штаба «Черного орла» провозглашало идеи: «Да здравствует народное правительство, избранное тайным и равным для всех голосованием!», «Да здравствует республика и самоопределение народностей!» [4]. В этом восстании звучали зачастую взаимоисключающие лозунги: в Бугульминском уезде – здравицы в честь Красной армии, Ленина, Троцкого, божественной веры, а также – «Долой большевиков – угнетателей»; в Мензелинском – «Да здравствует Всенародное учредительное собрание!» [3, с. 279]. Эти расхождения не мешают обозначить основные положения идеологии «Черного орла»: а) признание Советов, Красной армии, обвинение РКП (б), за исключением главных «вождей», б) «подлинное народное представительство с равным и тайным голосованием», в) прекращение гражданской войны, свободная торговля и отмена продразверстки. В целом восстание по характеру не было национальным и антисоветским, антикоммунизм оставался на местном уровне, как и

антиправительственные высказывания, а на практике советы сохранялись, несмотря на присутствие идей Учредительного собрания.

Представляется уместным изложить эсеровское видение проблемы повстанчества, поскольку РКП(б) обвиняла партию социалистов-революционеров в идейном руководстве почти всеми восстаниями. Из материалов, изъятых челябинскими чекистами летом 1920 г., следует, что левые эсеры свою главную цель видели в развитии «процесса социализации, органического вытеснения всех элементов принуждения» [5]. Провозглашался принцип децентрализации и федерализма в экономической и политической сферах. Руководство всеми сторонами жизни трудящихся должны были осуществлять избранные на сходах «трудовые, профессиональные и потреббщества, союзы и группы специальных комитетов», созывавшие съезды делегатов, избиравшие «свои Советы» вплоть до федерального уровня. Политическая автономия дополнялась, таким образом, экономической самостоятельностью и представительством корпоративной модели. Гарантом порядка должны были выступить, по мнению эсеров, повстанческие отряды, подчиненные «Военным комитетам – официальным представителям самообороны территорий». Касаясь трудовых отношений, критике подверглась трудповинность, «апеллирующая к рабским стимулам понуждения» и противоречащая «цели социализма: защите конкретной личности трудящегося, а не абстрактных интересов труда, оторванных от самого человека». Эсеры желали пресечь тенденции к усилению военной власти, возникшие из-за того, что «компартия, не имея поддержки масс, пытается превратить войну России с Польшей в национальную».

Новые сюжеты в воззваниях повстанцев появляются летом-осенью 1920 г. во время начала продкомпаний и усиленных мобилизаций в регионе. Они исходили от представителей новых сил, включившихся в политическую борьбу. Важной вехой в развитии повстанчества явилось восстание кавбригады в Бузулуке в июле 1920 г., во главе с начдивом А.П. Сапожковым, ставшее прецедентом для последовавших за ним мятежей в воинских частях, где установки сапожковцев повторялись и дополнялись. В начале восстания А. Сапожков выдвинул лозунги: «Долой коммунистов, старых спецов, да здравствует свободная торговля!» [3, с. 301]. Название, данное восставшей части – «1-я Красная Армия Правды» – несло в себе двойной смысл. Она становилась базой для формирования вооруженных сил нового типа, «войск Правды» – подлинной Красной Армии, верной идеям революции, в отличие от «ведущей

захватнические войны» РККА, кроме того в понятии «Армия Правды» выделяли политическую организацию, провозгласившую борьбу с режимом.

В первом обращении «Армии Правды» указаны причины выступления: отстранение населения от участия во власти, эксплуатация крестьян «бандами продармейцев», произвол комиссаров [3, с. 759]. Основные идеи получили развитие в воззвании «Ко всему беднейшему... и угнетенному ... населению», где сообщалось: «... на фронте мы получали тысячи писем от наших отцов, братьев, живущих в тылу. Все они были полны стонами и жалобами на все те насилия, ... лишения имущества и даже жизни, которые производились от имени народа... Советской Власти ... Партия коммунистов забрала власть в стране и стала проводить диктатуру, то есть полную власть одной только партии, но не диктатуры всего пролетариата» [1, с. 190–191].

В виде последовательно изложенных программных требований составлена «декларация прав человека < и > гражданина РСФСР»: ликвидация политконтроля в лице комиссаров, сокращение трибуналов в войсках, отмена смертной казни, перевыборы Советов, упразднение органов ЧК, провозглашение равенства наций с предоставлением автономии или права выхода из состава Федерации, передача церкви под власть церковных советов [1, с. 189–190]. Необходимо отметить, что вина за состояние, в котором оказалось общество, возлагалась, за исключением «честных коммунистов» (включая В.И. Ленина и Л. Троцкого), на РКП(б) в целом. Документы свидетельствуют, что А. Сапожков допускал возможность диалога лишь с центральным руководством, исключая уполномоченных и местные власти: «мы хотим заставить правительство < прислушаться> к нашему голосу ... и изменить политику в образе правления страной...» [3, с. 759].

«Сапожковщину», как явление, стоит рассматривать как форму военной оппозиции, поиск альтернативы коммунистической идее и крестьянской стихии в виде заговора и последующего мятежа.

Осенью 1920 г. в Челябинской губернии часть казаков объединилась с дезертирами и, вступив в вооруженную борьбу с властью, выдвинула политические лозунги. Платформу таких отрядов можно рассмотреть на примере документов «Голубой Армии» (Челябинский и Троицкий уезды). В развернутом воззвании пояснялись цели выступления: «Голубая Армия» не является орудием в руках какой-нибудь партии или класса, а большинства русского народа ... волю которого она исполняет, борется за немедленный созыв Учредительного собрания». Здесь, как и в «Армии Правды»,

присутствует двойной подход к названию с т.з. военной и политической организации, а отличием является восприятие РКП(б) и Советов как единого целого, альтернативой им провозглашалось Учредительное собрание, что характерно для повстанцев-казаков. Штаб «Голубой Армии» заявлял: «Все для народа и все через народ ... Беспартийные граждане ... должны быть хозяевами страны, а не какая-нибудь партия или класс» [6]. Новым сюжетом звучало отрицание любой партийности, идеи социального неравенства как старого образца, так и нового, в форме диктатуры классов.

В четко прослеживаемой организационной и идеологической связи с выступлениями в Челябинской губернии следует рассматривать движение в Малой Башкирии (август-декабрь 1920). Его особенностью являлось наличие различных группировок в руководстве. Одни стояли на платформе самостоятельности Башкирии в рамках советской системы и неприятия пришлых коммунистов. Другие, обходя молчанием Советы, провозглашали идею Учредительного собрания и бескомпромиссной борьбы с РКП(б). Листовка повстанческого «Штаба Красной Армии Башкирии» раскрывала направленность и лозунги выступления: «мы объединяемся и ведем борьбу для избавления от варварского отношения коммунистов к башкирам. Да здравствует самоопределение народа. Долой противников автономного Башкирстана» [6]. Идея национальной автономии свидетельствует о желании объединить на данной платформе как можно больше сил и представить движение как общешаркирское, в пользу чего говорит и требование о возвращении членов прежнего ревкома, которые смогли бы, по мысли повстанцев, вернуть автономию и прекратить дискриминацию башкир.

Принципиально иную позицию несет в себе обращение ко «Всем гражданам Урала», исходившее из штаба «военрука Башкирии» Ф. Магасумова, возглавившего выступление в Тамьян-Катайском кантоне [7]. В качестве «защитников граждан Урала» в листовке выступали «учредилорцы». Воззвание отождествляет коммунистов и большевиков, развивая идею их богопротивности, что ранее наблюдалось в документах «Черного орла», но «учредилорцы» апеллируют только к «вере Христовой», не упоминая прочие конфессии. Объяснить это, как и провозглашение идеи Учредительного собрания, можно влиянием казачьей составляющей. Листовка наряду с прочими подписана С.А. Выдриным и Я.Г. Лукониным, лидерами оренбургских казаков-повстанцев.

Вынужденный характер повстанческого движения в Башкирии подтверждает выдержанное в спокойном тоне обращение «ко всем гражданам БАСР», с текстом соглашения между

БашЦИКом и РВС повстанцев, где признавался ряд ошибок, но вина возлагалась на отдельных лиц, «проявлявших по отношению к башкирским массам проявления шовинизма» [8].

Требования русских крестьян мало чем отличались, причины и основные цели были идентичными, но в то же время в августе 1920 г. в Кустанайском уезде произошло восстание, предложившее иную позицию. Штаб «военно-революционного отряда» выдвинул лозунг «Да здравствует Учредительное собрание». Эта идея, более характерная для казачьих выступлений, выделяет Кустанайских крестьян-повстанцев. Выступая за свержение Советской власти, они сохраняли исполкомы, возложив на них проведение мобилизации. Такое расхождение идеологии и практики уникально, особенно если учесть, что повстанцы именовали себя «Зеленой Армией» [9].

После поражения выступлений в Башкирии, повстанчество можно условно разделить на движение в форме действий мобильных отрядов, не привязанных к местности, с хорошо поставленной агитационной работой, и массовое восстание крестьян в Сибири и Зауралье (весной 1921 г.), ставшее кульминацией движения. Его особенность – множество очагов, отличавшихся идейным разнообразием. На практике восставшие в основном реализовывали лозунг «Советы без коммунистов», сохраняя исполкомы, с перевыборами сельсоветов, арестом членов РКП(б). В воззваниях обозначали свою цель как «освобождение народа от ига коммунистов». Воззвание Шмаковского штаба «Народной Армии» поясняло: «Не поднимайте руки против нашей Армии, она идет за свободу, за Власть Советов, не признает никаких партий, не хочет рабства и насилия, какое было восстановлено со стороны партии коммунистов». На контролируемой территории всем поселкам предлагалось принять специальное постановление «Задачи воли народа» – с рекомендацией избрать временный исполком, «а партийных всех арестовать». В итоге: «не отрицая Советской власти», собрание должно было «выразить протест действиям продорганов» [10]. В целом курганские повстанцы 1921 г. выступали за народную власть, хотя бы и в форме свободных от большевиков Советов. В перспективе иногда допускался созыв Учредительного собрания, но почти все отряды резко осуждали любую партийность.

Большое значение для понимания идеологии выступлений в 1920–1922 гг. имеет анализ воззваний мобильных повстанческих групп. В январе 1921 г. В. Серов и РВС «восставших войск Воли Народа» в Уральской области издают Декларацию [11]. В ней провозглашалась отмена диктатуры пролетариата, всех декретов, назначений комиссаров из центра,

недействительными и «вредными» объявлялись все партийные и профсоюзные органы, «взятые в свои руки государственные функции». Существование партий допускалось, за исключением черносотенцев, но ограничивалось рамками парламентской деятельности. Повстанцы заявляли, что «будут бороться со всеми попытками ... навязать власть Народу, которая должна быть избрана по принципу всеобщего избирательного права», а «посягательства партий на захват госвласти будут считаться узурпаторством». Закреплялся принцип самоопределения народностей и областей, с представлением права выбора форм управления и автономии этим субъектам. Свобода выбора при создании власти снизу не ограничивалась, но лозунг в поддержку Советов отсутствовал: «Принимаемая во внимание, что Коммунистическая власть своими террорами и расправами сильно запугала народ, то новая власть предлагает ... избирать власть на местах по своему усмотрению». Новое звучание получает и антикоммунистическая направленность. Вина за бедственное положение страны возлагается на РКП(б) в целом, а не на отдельных комиссаров. В декларации объявлялась борьба с «насильниками-коммунистами, спекулировавшими на коммунизме», но не со «священной» идеей коммунизма, которую «коммунистическая власть» предала и извратила. Представляется, что декларация содержала социалистическую программу, в смысле неприятия политики правящего режима, что подтверждается идеей верности революции 1917-го, принципы которой для повстанцев «служат фундаментом в строительстве России». Речь идет о «второй революции», но имеется в виду Февральская, а не Октябрьская, как считают некоторые исследователи [2, с. 143]. Руководство страной должно было перейти от РКП(б) к новому Революционному органу, представлявшему интересы народа.

Программу В. Серова частично воспроизводят и дополняют новыми сюжетами оригинальные документы «Народно-революционной армии» Охранюка-Черского, созданной из восставшей части РККА весной 1921 г. В воззвании заявлено несогласие воевать с собственным народом: «Вызывая нас, красноармейцев, из разной местности для уничтожения, как нам говорили, бандитизма ... и мы откликнулись на их зов, ... вместо бандитов мы увидели родных, отцов, матерей и детей, пухнувших от голода, когда просили свой хлеб, то их называли бандами и заставляли нас их уничтожать» [12]. Речь шла об участии кавдивизиона Охранюка в подавлении восстаний в Башкирии осенью 1920 г. Такой непосредственный контакт с повстанцами открыл глаза красноармейцам: «Мы, видя такую несправедливость, положили этому конец, порешив раз и навсегда уничтожить

всех угнетателей в корне и дать народу полную спокойную жизнь». В отличие от В. Серова, Охранюк объявил войну и коммунистам, и их идеологии: «...не допускается никакая идея коммунизма...». Предполагалось «объявить Всероссийский съезд Учредительного собрания» с основной задачей – избрать главу государства. Декларация предлагала будущий госстрой: «должна быть Республика одна, и ею будет управлять один человек» – президент, «как в Соединенных Штатах» [13]. То есть провозглашалась смешанная республика, где глава государства – президент, избираемый не всенародно, а представительным органом. Зависимость главы государства от Учредительного собрания уравнивалась самостоятельностью в управлении страной и подчиненностью автономий непосредственно президенту. Повстанцы поддерживали федеративный строй, среди будущих субъектов («княжеств») названы Башкирия, Украина, Польша. Не стоит усматривать противоречие в совмещении понятий «республика» и «княжество», – последнее понималось, как административная единица без какой-либо монархической нагрузки. Примкнувшие к Охранюку в Башкирии отряды Ф. Магасумова распространили воззвание «Ко всему честному населению, пострадавшему под гнетом насильников России, где присутствуют религиозные мотивы, антисемитские выпады, а также звучат обвинения в провокации выступлений: «Стараясь избежать кары ... народа, жида пускаются в насилие, издают наглые декреты и приказы, дабы вызвать восстание масс и использовать этот случай как повод к беспощадным расстрелам» [14].

Итак, основными постулатами повстанческой идеологии в 1920–22 гг. выступали верность революционным завоеваниям, антикоммунизм, а также религиозные мотивы, зачастую сливавшиеся с антисемитскими выпадами. В вопросах организации высшей власти повстанцы предложили три основных варианта: Советы без коммунистов, Учредительное собрание и народные комитеты. Большинство воззваний содержит идею федерализма с правом наций на самоопределение и автономию. Почти все программы носили декларативный характер в смысле политических установок, конкретные предложения встречались редко. Заметна связь идеологии с ее носителями – лидерами восстаний или движущей силой (казачество, дезертиры). Несмотря на популярность ряда заявлений, их идентичность позициям населения, политическая платформа большой роли не играла. Значительной массой восставших двигали не лозунги, а отчаяние, желание защитить себя и близких, что в конечном счете и определяло судьбу восстания. К тому же у повстанцев не было должных условий и ресурсов для

ведения информационной войны в глобальном масштабе. Платформа повстанчества не была однородной, наблюдалась прямо противоположная направленность. Пик развития идеологии не совпал с наивысшим подъемом самого повстанческого движения (Курганским восстанием в феврале-марте 1920 г.), а пришелся на выступления В. Серова и Черского (лето 1921 – весна 1922 гг.), но, несмотря на различия, повстанчество пыталось указать населению «третий путь» создания власти без диктатуры классов и политических партий.

1. Ишбулатов Ф.А. «Долой яичников и масленников!» Антисоветский мятеж в Бузулуке, 1920 год // Гостинный двор. Лит.-худ. и общ.-полит. альманах. (Оренбург), 2000 № 9.
2. Кондрашин В.В., Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. [Текст] – М., 2001.
3. Советская деревня глазами ВЧК – ГПУ – НКВД. 1918–1939 гг. [Текст] Док-ты и мат-лы в 4-х тт. Под ред. А.Береловича, В.Данилова т. 1 1918–1922 гг. М., 2000.
4. ЦГАОО РБ ФП–1832. Оп. 4. Д. 308 Л. 1.
5. ОГАЧО ФП–77 Оп. 1 Д. 127 ЛЛ. 29(Об) 30 (Об).
6. ОГАЧО ФП–77 Оп. 1 Д. 127 ЛЛ. 19, 53 (Об).
7. ЦГАОО РБ ФП–1832 Оп. 2. Д. 83 ЛЛ. 1.
8. ЦГАОО РБ ФП–1832 Оп. 2 Д. 184 ЛЛ. 1–1 (Об).
9. ОГАЧО ФП–77 Оп. 1 Д. 127 Л. 37 (Об).
10. ОГАЧО ФП–596 Оп. 1 Д. 195 ЛЛ. 19–19 (Об), 318.
11. ЦДНИОО Ф. 1. Оп. 1 Д. 360. ЛЛ. 28– 29(Об).
12. ЦДНИОО Ф. 1. Оп. 1 Д. 234. Л. 101 (Об), 102.
13. ЦГАОО РБ ФП–1832 Оп.1 Д.165 Л.2., ОГАЧО ФП–77 Оп. 1. Д.344. Л. 101.
14. ОГАЧО ФП–77 Оп. 1 Д. 344 Л. 72.

1. Ishbulatov F.A. «Doloi jaichnikov i maslennikov!» Antisovetskij mjatezh v Buzuluke, 1920 god // Gostinyj dvor. Lit.-hud. i obshh.-polit. al'manah. (Orenburg), 2000 № 9 (Russian).
2. Kondrashin V.V., Krest'janskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918–1922 gg. [Tekst]. M., 2001 (Russian).
3. Sovetskaja derevnya glazami VChK – GPU – NKVD. 1918–1939 gg. [Tekst] Dok-ty i mat-ly v 4-h tt. Pod red. A.Berelovicha, V.Danilova t.1 1918–1922 gg. M., 2000 (Russian).
4. CGAOO RB FP–1832. Op. 4. D. 308 L. 1 (Russian).
5. OGACHO FP–77 Op. 1 D. 127 LL. 29(Ob) – 30 (Ob) (Russian).
6. OGACHO FP–77 Op. 1 D. 127 LL. 19, 53 (Ob) (Russian).
7. CGAOO RB FP–1832 Op. 2. D. 83 LL. 1 (Russian).
8. CGAOO RB FP–1832 Op. 2 D. 184 LL. 1–1 (Ob) (Russian).
9. OGACHO FP–77 Op. 1 D. 127 L. 37 (Ob) (Russian).
10. OGACHO FP–596 Op. 1 D. 195 LL. 19–19 (Ob), 318 (Russian).
11. CDNIOO F. 1. Op. 1 D. 360. LL. 28–29(Ob) (Russian).
12. CDNIOO F. 1. Op. 1 D. 234. L. 101 (Ob), 102 (Russian).
13. CGAOO RB FP–1832 Op.1 D.165 L.2., OGACHO FP–77 Op. 1. D. 344. L. 101 (Russian).
14. OGACHO FP–77 Op. 1 D. 344 L.72 (Russian).

UDC 321(091); 34(091)

POLITICAL PLATFORM OF INSURGENT MOVEMENT OF THE SOUTHERN URALS IN 1920–1922

Pankin Stanislav Igorevich,

Financial University under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk Branch, Senior Teacher, Candidate of Sociological Sciences, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: pstanislav78@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of political programs of the armed performances in the region in 1920–1921. Taking into account national and social composition of participants of the movement the author reveals features of ideologies in the various centers. Development of the main ideas and rebellion postulates during the considered period is shown.

Key concepts:

insurgents, political platform, desertion, military leaders, revolts.

УДК 94(470.5)“1920/1930”+332

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ВЫЯВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОПЛИВНО-СЫРЬЕВЫХ ИСТОЧНИКОВ НА УРАЛЕ (1920–1930-е гг.)*

Родионов Николай Анатольевич,

Удмуртский институт истории,
языка и литературы
Уральского отделения
Российской академии наук,
старший научный сотрудник
отдела исторических исследований,
кандидат исторических наук,
г. Ижевск, Россия.
E-mail: tamakpi@rambler.ru

Аннотация

Рассматриваются вопросы осуществления государственной политики по созданию торфодобывающей промышленности на Урале. Раскрыта вертикаль управленческой структуры по руководству новой отраслью на центральном и региональном уровнях. Приведены итоги работы отрасли и торфяных предприятий, результаты использования торфа в промышленности и аграрном хозяйстве в 1920–1930-е гг.

Ключевые понятия:

государственная политика,
топливный голод,
торф,
индустриализация.

Одной из важных исследовательских задач сегодня является изучение исторических аспектов индустриальной модернизации и экономического развития государства. Обращение к этим проблемам тесно связано с кардинальными переменами в жизни современного общества, сменой отдельных приоритетов в экономической политике. В этой связи значительный интерес представляет анализ вопросов индустриальной модернизации, развернувшейся в 1920–1930-е гг., которая в этот период не мыслилась без создания и укрепления топливно-энергетической базы. Рассмотрение этой проблемы представляет интерес как на материалах развития базисных отраслей топливно-энергетического комплекса (ТЭК), так и новых, возникших в рассматриваемый период. В 1920–1930-е гг. отмечено тесное присутствие управленческих структур в сложных процессах экономической жизни регионов, в определении новой отраслевой и технико-технологической структуры промышленного производства, решении путей его развития. На региональном уровне шел поиск программно-целевых и рыночных механизмов управления промышленным производством и предприятиями. Осмысление и учет исторических уроков, вытекающих из анализа поднятой проблемы, крайне важен для современной практики индустриального и аграрного развития России.

Своей основной задачей автор ставит рассмотрение государственной промышленной политики в сфере поиска, выявления и освоения природных топливных ресурсов, деятельности региональной власти по созданию торфяной промышленности на Урале в 1920–1930-е гг.

Необходимость обращений к теме вызвана и тем, что в отличие от других добывающих топливно-сырьевых отраслей, история отечественного торфяного производства не получила пока должного отражения в отечественной историографии. Значительное количество исследований посвящено, прежде всего, истории нефтяной, газовой, лесозаготовительной и угледобывающей промышленности. Имеются работы и по отдельным предприятиям. Немало трудов создано по отраслевому отряду рабочих и специалистов топливно-энергетического комплекса.

Несмотря на достаточно обширную историографию по истории ведущих про-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 12-П-6-1009 «Социальная динамика российской периферии: традиции и инновации (XV–XX вв.)».

мышленных отраслей ТЭК, нельзя не отметить ее односторонность. Избирательность таких исследований не позволяет пока создать полную и комплексную картину его исторического развития. Нуждаются в дальнейшем исследовании многие аспекты возникновения, становления и развития торфодобывающей промышленности как в целом, так и вопросы создания отдельных предприятий в частности. В истории торфодобывающего производства в XIX–XX вв. одним из слабо изученных является вопрос о значении торфяной базы в укреплении топливно-сырьевого и энергетического сектора ведущих индустриальных отраслей (металлургии, металлообработки, оружейного производства, машиностроения).

История торфодобывающего производства на территории Урала берет свое начало во второй половине XIX – начале XX в., когда отмечаются первые факты добычи и использования торфа в промышленных целях. В довоенный период добыча торфа в регионе колебалась от 40 000 до 60 000 куб. саж [2, Л. 79]. Развивалась и промыслово-кустарная заготовка торфа, главным образом для отопительных целей и в качестве удобрения в крестьянских хозяйствах. В ходе Первой мировой и Гражданской войн в России разразился топливный голод, который душил государство. Ведущие отрасли экономики, связанные с обеспечением нужд фронта, особенно оружейная промышленность, предъявляли повышенные требования к производству топлива. Вопросы снабжения военными предприятиями топливно-энергетическими источниками являлись приоритетными. В условиях военного времени проблема топлива была настолько острой, что постоянно находилась в сфере внимания руководства страны, региональной власти и администрации предприятий. Она усугублялась нехваткой таких важнейших источников, как нефть, мазут и каменный уголь. Однако доставка основных топливно-энергетических ресурсов в промышленные центры Урала в этот период была чрезвычайно затруднена. Одним из путей решения насущной задачи по преодолению топливного кризиса государство видело в освоении новых природных источников, прежде всего торфа.

В 1920–1930-е гг., в связи с реализацией государственной политики по подъему индустриального хозяйства регионов, вопросы топливного обеспечения вновь приобретают особую остроту. Решением этой проблемы занимался ВСНХ. Важным событием стало образование Главторфа

и Гипроторфа с отделениями в регионах. В 1919 г. президиум Екатеринбургского губернского совета народного хозяйства постановил организовать Губторф [2, Л. 1]. Торфяной подотдел при Бюро отдела металла на Урале ВСНХ прилагает серьезные усилия по налаживанию торфяного дела в регионе. Результатом укрепления ведомственных связей региона с центром стало преобразование 20 февраля 1920 г. Торфяного подотдела в Уральский торфяной комитет, который затем был переименован в Уральское торфяное управление [2, Л. 78]. Формируются новые управленческие структуры и на периферии региона. Так, осенью 1921 г. было создано областное управление по топливу в Удмуртии (в 1920–1934 гг. Вотская (Удмуртская) автономная область). Среди других решений, связанных с деятельностью властных и управленческих структур по обеспечению условий по формированию новой топливодобывающей отрасли в регионе, стало образование в 1930 г. в Свердловске торфяного треста. В целом создание и структурирование региональных и областных органов управления по топливу и торфяной промышленности значительно ускорило процесс формирования новой добывающей отрасли на Урале.

Вплоть до середины 1920-х гг. каких-либо изыскательских работ на территории Урала не проводилось. До этого времени представления региональной власти и практиков о месторождениях торфа и об объемах торфяных ресурсов были слабыми. Предстояло прежде всего выявить, исследовать и оценить природные ресурсы, что было особенно важно для хозяйственного развития региона. Со второй половины 1920-х гг. разворачивается широкая разведочно-изыскательская деятельность на всех крупных торфяных топливно-сырьевых базах Урала.

По решению ВСНХ РСФСР и Народного комиссариата земледелия РСФСР от 18 июля 1930 г. торфяные болота из государственного лесного фонда отводятся в государственный торфяной фонд. Торфяные запасы болот передаются по заявкам промышленных и сельскохозяйственных предприятий к разработке на топливо, удобрение и другие цели [7, Л. 1].

Одной из актуальных задач в 1920–1930-е гг. становится привлечение торфяных сырьевых ресурсов Урала на нужды энергетического, металлургического и оружейного производства. Развертываются работы по строительству торфодобывающих предпри-

ятий («Басьяновское», «Лосиное», «Монетное»). Власти принимают решения и по другим важным торфяным базам. В частности, одним из крупных центров торфодобычи в регионе предполагалось сделать Удмуртию. Здесь, как и в ряде других экономических районов страны, были начаты и проведены широкие разведочные, проектно-изыскательские и научные исследования, открыты новые месторождения торфа, пригодные для промышленного освоения. Проведенный на основе поисково-разведочных работ учет запасов выявленных месторождений позволил намного увеличить торфяные ресурсы западной части Урала. Основные удмуртские торфяные центры к указанному периоду были сосредоточены в Вавожском, Глазовском, Завьяловском, Увинском и Сюмсинском районах. Для освоения торфяных залежей на территории Удмуртии были образованы соответствующие управленческие и хозяйственные структуры (Увинторфуправление и Увинторфстрой).

Индустриализация региона совпала с началом создания торфяной промышленности. В 1920–1930-е гг. на базе крупных топливных месторождений возникают первые предприятия, начинается формирование трудовых коллективов. В свою очередь, ввод новых топливных источников в эксплуатацию обеспечивал расширение и укрепление энергетической составляющей индустриального производства. Топливная база обеспечивала создание новых промышленных объектов. Жизненно важной проблемой уральской промышленности (по оценке А. В. Бакунина) являлось топливо [1, с. 64]. Вопрос о строительстве того или иного предприятия на территории Урала напрямую зависел от состояния топливных источников.

Наряду с промышленным освоением торфяных источников региональные власти решали проблему внедрения торфа в аграрное хозяйство. Первые опыты использования торфа в качестве удобрения относятся ко второй половине XIX – началу XX в. и связаны в основном с деятельностью земства [5, с. 72–77]. После 1917 г., в новых социально-экономических условиях, одной из центральных задач ставилось обеспечение повышения урожайности и доходности аграрного хозяйства. Данная проблема также решалась с широким государственным участием. Причем освоение запасов торфяных болот в интересах сельскохозяйственного производства разворачивается одновременно с добычей промышленного топлива.

В 1920–1930-е гг. принимается комплекс

мер, в том числе директивного характера, направленных на широкое использование залежей болот в качестве удобрения. Так, на территории Удмуртии в 1931 г. намечалось внедрить торфяное удобрение в объеме 21 тыс. кубометров [8, Л. 118]. Сельские специалисты, агрономы выступали в печати за использование торфа для получения компоста. В периодике тех лет отмечалось: «...сельское хозяйство Ижевского ёроса (в 1929–1934 гг. – название районной административно-территориальной единицы – Н.Р.) еще не дает высоких урожаев, удобрения применяются в ничтожных количествах, на местах же есть и торф, и известковый туф и много отбросов. Необходимо дать директиву об использовании в качестве удобрений местных ресурсов и пополнять их привозными минеральными удобрениями» [4]. На Можгинской партийной конференции, состоявшейся в конце декабря 1933 г., констатировалось: «... плохо в ёросе с введением агротехнических мероприятий, например, с торфодобычей и известкованием» [3].

Среди сельских товаропроизводителей постепенно укрепляется понимание важности применения агротехнических мероприятий, использования навоза, торфа, золы для повышения урожайности зерновых и технических культур. В рассматриваемый период хозяйства получают научно обоснованные нормы внесения органических удобрений, в том числе торфа, для различных видов почв [9, Л. 59]. Некоторые сельхозпредприятия начинают самостоятельную добычу торфа, вывозку его на поля и фермы. Так, колхозники Старозятцинского района в течение зимнего периода 1935–1936 гг. обязались доставить на поля не менее 40000 т навоза, удобрить торфом 105 гектаров пара. Социалистическими обязательствами, принятыми Сюмсинским районом на 1936 г., предусматривалось добыть 4 400 кубометров торфа для комплексного использования его с навозом, внести торф на площади 300 га, в том числе под яровые культуры на площади 225 га. Колхозники Балезинского района поставили задачу на 1936 г. вывезти 17 тыс. т торфа и 200 т минеральных удобрений. Добычей торфа в этом районе в 1937 г. предусматривалось занять 35 колхозов. Колхоз «Горд партизан» Шарканского района планировал в 1936 г. заготовить 200 т торфа, а район в целом – 20000 т [12, с. 90, 96, 122, 163, 166]. В сезон 1941 г. колхозами Больше-Учинского района планировалось добыть торфа на удобрение 25,0 т, Вавожского района –

13,3 т, Зуринского района – 12,29 т, Тыловайского района 13,4 т. В целом в 1932 г. в Удмуртии было добыто 219,7 тыс. т торфа, в 1935 г. – 366,434 т, в 1939 г. – уже 703,83 т. [10, Л. 39, 50].

Во второй половине 1930-х гг. в Удмуртии появился целый ряд колхозов, успешно освоивших агротехнику применения торфа. Под сельскохозяйственные культуры они использовали ресурсы местных болотных карьеров. Так, колхоз «Красная звезда» Сюмсинского района добычу торфа проводил с середины 1930-х гг. с Зонского болота. Добытый летом 1935 г. торф был вывезен зимой 1936 г., а весной запахан. Осенью 1936 г. уборка ржи показала существенные колебания в валовом сборе урожая с площадей, получивших торфяное удобрение, и участков полей, оставшихся без него (соответственно 110 и 91 центнер). Среди других сельхозпроизводителей в 1937 г. выделялся колхоз «Венера» Глазовского района, собравший с участка площадью 12 га, удобренного торфом, в среднем 26 центнеров ржи и 52 центнера соломы. Коллективное хозяйство «Виль уж» того же района для добычи торфа в 1936 г. использовало болото Омутница в окрестностях реки Чепца. Валовой сбор урожая достиг с 1 га в среднем 25 центнеров зерна ржи и 70 центнеров соломы. Труженики колхоза «Качкашур» Глазовского района с 10 га площади, удобренной торфом, получили 25 центнеров зерна и 70 центнеров соломы [11, Л. 35]. Ряд сельскохозяйственных коллективов в южных районах Удмуртии также добились положительных результатов [11, Л. 36].

Таким образом, государственная политика, направленная на поиск, выявление и освоение региональных топливных источников, дала положительные результаты. В военных и мирных условиях хозяйственного развития один из выходов из тупиковой ситуации (топливного голода) виделся в активизации использования местных источников топлива и сырья, прежде всего торфа.

Большая поисково-разведочная работа, развернутая на территории Урала со второй половины 1920-х гг., обнаружила богатые ресурсы торфяных болот. В связи с переходом к социалистической индустриализации, на базе открытых месторождений начинается создание торфяного производства, налаживается добыча топлива в промышленных целях. Торфяная база стала важным источником индустриализации. Возросло значение торфа в энергетическом секторе экономики.

Наряду с этим ускорилось использование местных природных источников

сельскими товаропроизводителями. Торф применялся в разных секторах аграрного производства: для получения удобрений в виде торфяных смесей, в качестве подстилки в животноводстве и т.д. В сельской местности стали создаваться подсобные производства по добыче торфа.

Однако торфяные сырьевые ресурсы региона в рассматриваемый период удалось использовать не в полной мере. Основными причинами такого положения были следующие: трудности начального периода становления новой отрасли; слабое техническое обеспечение торфяного производства; сезонность и трудоемкость добычи торфа; нехватка рабочих и технических кадров. Тяжелые условия труда на подготовке торфяных участков, добыче и уборке торфа, слабое материальное обеспечение, бытовая неустроенность и другие деструктивные факторы не стимулировали работников, особенно среди местного сельского населения, пополнить ряды тружеников новой отрасли.

По мере изменений в технической оснащенности нового индустриального производства, прежде всего обеспечение его современными машинами, оборудованием и механизмами, увеличивались объемы добычи и использования торфа в качестве промышленного топлива, и как удобрения в сельском хозяйстве. Выявленные запасы торфа открыли дополнительные возможности для дальнейшего расширения торфодобычи в интересах укрепления топливной базы экономики Урала и его территориальных субъектов. В целом по региону добыча торфа увеличилась с 1145,3 тыс. т в 1937 г. до 2086 тыс. т в 1940 г. [6, с. 170].

Полностью была доказана эффективность применения торфяной продукции в аграрном хозяйстве. Использование торфяного и животного удобрения, торфяной мульчи и компостов, как показала практика хозяйствования отдельных сельхозпредприятий, существенно увеличивало сборы урожая. Производство и использование различных видов торфяной подстилочной продукции способствовало улучшению условий труда, повышению культуры содержания скота и т.д.

Растущие потребности индустриального производства Урала в топливных источниках, с одной стороны, и аграрного хозяйства в удобрении полей – с другой, стали одним из важных факторов возникновения и развития в регионе государственной торфяной промышленности. Ценный исторический опыт, накопленный в 1920–1930-е гг. по ра-

циональному использованию местных природных ресурсов, получил широкое распространение во второй половине XX в.

1. Бакунин А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Свердловск, 1968.

2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р–11. Оп. 1. Д. 1.

3. Ижевская правда. 1933. 30 декабря.

4. Кай. Вопросы, требующие быстрее разрешения // Ижевская правда. 1933. 29 декабря.

5. Родионов Н.А. Роль земства Вятской губернии в поиске, выявлении и использовании торфяных топливно-сырьевых ресурсов (конец XX – начало XX в.) [Текст] / Н.А. Родионов // Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии. Киров, 2007.

6. Ученые записки кафедры истории КПСС. / Пермский государственный университет им. А.М. Горького. № 133. Пермь, 1965.

7. ЦГА УР. Ф. Р–1087. Оп. 1. Д. 2.

8. ЦГА УР. Ф. Р–195. Оп. 1. Д. 712.

9. ЦГА УР. Ф. Р–1087. Оп. 1. Д. 6.

10. ЦГА УР. Ф. Р–1087. Оп. 1. Д. 20. Примечание: имеются за отдельные годы и другие объемные цифры, например, по 1939 г. – 733,000 т. (ЦГА УР. Ф. Р–1087. Оп. 1. Д. 20).

11. ЦГА УР. Ф. Р–1087. Оп. 1. Д. 14.

12. Юбилейная сессия Центрального исполнительного комитета Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики. 31 декабря 1935 года – 3 января 1936 года. Стенографический отчет. Ижевск, 1936.

1. Bakunin A.V. Bor'ba bol'shevikov za industrializaciju Urala vo vtoroj pjatiletke (1933–1937 gg.). Sverdlovsk, 1968 (Russian).

2. Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti (GASO). F. R–11. Op. 1. D. 1 (Russian).

3. Izhevskaja pravda. 1933. 30 dekabnja (Russian).

4. Kaj. Voprosy, trebujushhie bystrejshego razreshenija // Izhevskaja pravda. 1933. 29 dekabnja (Russian).

5. Rodionov N.A. Rol' zemstva Vjatskoj gubernii v poiske, vyjavlenii i ispol'zovanii torfjanyh toplivno-syr'evykh resursov (konec XX – nachalo XX v.) [Tekst] / N.A. Rodionov // Zemskie uchrezhdenija: organizacija, dejatel'nost', personalii. Kirov, 2007 (Russian).

6. Uchenye zapiski kafedry istorii KPSS. / Permskij gosudarstvennyj universitet im. A. M. Gor'kogo. № 133. Perm', 1965 (Russian).

7. CGA UR. F. R–1087. Op. 1. D. 2 (Russian).

8. CGA UR. F. R–195. Op. 1. D. 712 (Russian).

9. CGA UR. F. R–1087. Op. 1. D. 6 (Russian).

10. CGA UR. F. R–1087. Op. 1. D. 20. Primechanie: imejutsja za otdel'nye gody i drugie ob'emnye cifry, naprimer, po 1939 g. – 733,000 t. (CGA UR. F. R–1087. Op. 1. D. 20 (Russian)).

11. CGA UR. F. R–1087. Op. 1. D. 14 (Russian).

12. Jubilejnaja sessija Central'nogo ispolnitel'nogo komiteta Udmurtskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki. 31 dekabnja 1935 goda – 3 janvarja 1936 goda. Stenograficheskij otchet. Izhevsk, 1936 (Russian).

UDC 94(470.5)“1920/1930“+332

GOVERNMENT AND REGIONAL POLICY TOWARDS THE EXPLOITATION AND USE OF THE SOURCES OF FUEL AND RAW MATERIALS IN THE 1920-s—1930-s

Rodionov Nikolai Anatolyevich,

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Associate of the Department of Historical Researches, candidate of Historical Sciences, Izhevsk, Russia.
E-mail: tamakpi@rambler.ru

Annotation

The article describes the government's strategy in the organization of peat industry in the Urals, explains what government organizations in regions and in Moscow have been established to run the new industry, informs about the work of the peat extraction plants and the use of peat in industry and agriculture in the 1920-s–1930-s.

Key concepts:

government policy,
fuel shortage,
peat,
industrialization.

УДК 17.022

СОВРЕМЕННОСТЬ И КРИТИКА

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация

Статья является ответом на критику и подведением итогов дискуссии по поводу публикации автора на тему «Современность и субъективность». Уточняется методология философских исследований современности и предлагается ее формула.

Ключевые понятия:

современность,
субъективность,
гуманитарная методология,
интерпретация,
понимание,
предметность гуманитарного познания.

«Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут».

М.А. Булгаков

1.

Ученый-гуманитарий, особенно работающий в области философии, должен быть слегка мазохистом. Ему должно нравиться, когда его критикуют, и чем острее и аргументированней, тем лучше. Если критикуют, значит, читали и вникли, одно это уже заслуживает искренней благодарности. Для того и фальсификация Поппера-Лакатоса, чтобы по итогам дискуссии в груди замечаний и возражений прозвучали ноты: «Я с вами не согласен, но в каком-то смысле... в данном узком аспекте... где-то иногда кажется... что отчасти... ну, может быть».

Я рад и выражению дружеских чувств А.С. Чупрова, и статье С.В. Борисова, и отклику Г.Л. Тульчинского, и прямоте заведующего кафедрой, профессора Ю.Г. Ершова. Но хотел бы прояснить некоторые моменты.

Вопрос о современности должен быть поставлен не из абстрактно-аналитических соображений, а именно из-за своей конкретной субъективности. И его следует заострять, прежде всего, для нашей страны, слишком долго, больше четырех столетий зажатой самодержавием и крепостничеством и искусственно направляемой волей самодержцев. Надо, в конце концов, понять, что означает для нас человеческая жизнь, и как это – «жить по-человечески».

Современность, как верно подчеркивает Ю.Г. Ершов [2, с. 131], всегда имеет аксиологический характер и означает выбор целей и идеалов, и продолжает далее: «Быть современным – значит, уметь выходить за пределы наличного бытия, предвидя негативные последствия жизни по инерции, в колее сложившихся условий и факторов, выступающих в качестве «непреодолимой силы». Способность человека осознанно определять свое отношение к определенным ценностям и на основе этого выбора выстраивать свою жизненную стратегию, поведение, служит залогом его свободы. Происходит это всегда в определенном контексте места и времени, в результате определенных обстоятельств, создается определенными действующими лицами» [2, с. 133]. И это по меньшей мере означает, что современность по происхождению субъективна, а исследование

современности – это исследование субъективности.

Предметно же субъективность существует на индивидуальном уровне и безусловно связана с моральным самоопределением, мировоззренческим выбором и т.д. И в этом нет никакой подмены тезиса, как Ю.Г. Ершов опасается, это – одно предметное поле, содержащее целую сеть взаимосвязанных проблем: зацепишься за одну, а она тянет за собою все остальные. Ю.Г. Ершов полагает, что исследование индивидуального уровня невозможно, и «поэтому необходим переход на уровень рассмотрения типа сообщества, культуры и субкультур, захваченных проблемой Современности и требующих интеграции в единое целое» [2, с. 134]. Но ведь исследование конкретной культуры или субкультуры – тоже индивидуальный для них уровень, да еще и оставляющий открытым вопрос, как они вообще образуются. Не является ли то, что мы привычно называем «культурой», всего лишь мистификацией? Не зря же у нее тысячи разноречивых дефиниций, еще больше, чем А.С. Чупров насчитал для современности. А ответить на этот вопрос без обращения к человечески-индивидуальному качеству невозможно, потому что культура возникает в ходе взаимодействия именно человеческих индивидов и существует только в их сознании, за пределами которого, в объективной реальности природы, даже великие живописные полотна не более чем холсты, измазанные краской.

И современность, и субъективность гуманитарны по существу и ставят перед нами задачу изучения сущности самого такого познания и возможности гуманитарных наук в сегодняшней России: гуманитарны ли они на самом деле и что это означает для науки, быть гуманитарной?

Прежде всего, стоит заметить, что современность все-таки вне субъективного времени, и уж тем более вне времени природных процессов. И хотя осознание временности своего существования имеет к ней какое-то отношение, но это осознание тоже вне времени, оно скорее понимание ограниченности своей жизни внешними условиями. И поэтому «моя» встроенность в современность осуществляется не столько через осознание себя во времени, как полагает С.В. Борисов [1, с. 124], сколько через осознание себя в пространстве. Современность, думаю, родственна средневековым взглядам на мгновение и вечность.

Она, конечно, имеет отношение к развитию, куда ее стремится вывести и Ю.Г. Ершов, но лишь потому, что скрывает в себе потенциал изменения пространственных отношений и этим рождает время, всякий раз – разное. Современность напрямую показывает, что время – это динамичность пространства, оно возникает и существует в этой динамичности и само, в свою очередь, пространство создает.

Если изучение современности обращает нас к субъективности, пусть к социальной, на какой акцентирует внимание Ю.Г. Ершов, то оно обязано относиться к философской или научной гуманитаристике уже по той причине, что субъективность в естественнонаучном смысле не объективна, чувственно-эмпирически не дана, математически не просчитываема, естественнонаучному эксперименту недоступна и, например, физике или химии неподвластна. Как же можно ее изучать?

А.С. Чупров полагает, что методология, положенная в основу моего представления о современности, – это «постмодернизм вкупе с рудиментами экзистенциализма» [5, с. 129]. Ну, есть много разных постмодернизмов и экзистенциализмов, и я не вижу в них ничего плохого или устаревшего и уже давно в нашей стране «преодоленного», скорее, мы только начинаем созреть до таких концепций.

Он продолжает далее: «Редко встретишь работу, где бы одному и тому же понятию было бы дано столь много и столь разноплановых дефиниций. Я насчитал не менее двадцати таких определений» [5, с. 129]. И резюмирует: «Как говорили классики, богатство явления обуславливает богатство его определений. Здесь же все с точностью до наоборот: богатство определений призвано обогатить явление» [5, с. 130]. Тем не менее явление это – явление сущности; проявлением какой сущности выступает современность? Вероятно, проявлением прошлого, итогом и концентратом предыдущего развития? Это опять возвращает нас к вопросу о времени, об истории и историзме, к которым современность имеет малое отношение.

Не стоит применять классического Гегеля и советскую диалектико-материалистическую логику к предметности, для которой они не разрабатывались. У них в основе классический историзм, который, (при всех отечественных разработках понятия «конкретно-исторического») остается способом изучения предмета как продукта его исто-

рии. Средствами такого историзма вопрос о современности не может быть даже поставлен, ее нет, есть «явление прошлого в новых условиях», своеобразное позднее Просвещение XVIII и начала XIX века в условиях века двадцать первого.

Причем я не утверждаю, что классический историзм ошибочен и от него надо отказаться, ни в коем случае. Я думаю, что он всего лишь методологически непригоден для исследования современности в ее самостоятельном существе и всего того, что из нее следует. Любой методологический подход работоспособен лишь для своей проблематики и предметности. Применять к современности историзм означает искать причины ее появления и внутренние механизмы ее завершения. Как будто ее когда-то вообще не было и потом опять не будет. Размышления по поводу методологической значимости классического историзма, к счастью, уже идут [3, с. 163].

Потому-то я и замечал в обсуждаемых «Очерках», что в СССР современности не было, а за его пределами она вполне была, да и в самом СССР ее не было только в рамках идеологически выстроенного организма. А там, где реальное общество жило не по искусственно внедренным законам историко-материалистической теории, а за ними, современность вполне существовала. Она была в человеческой проблематике, обуславливавшей теневую экономику, политику, андеграунд в литературе и искусстве, она существовала в оценочной сети, обуславливавшей моральную легитимность фактической частной собственности на средства производства и структур госпредприятий, предназначенных для их функционирования в поле теневой экономики, например снабженческих, и т.д. Она-то и вынуждала официальные органы СССР смотреть сквозь пальцы на шалости народа и госпредприятий и за один и тот же поступок в одном регионе давать звание Героя Социалистического Труда, а в другом (для примера) отдавать под суд.

Если для современности и пригоден какой-то историзм, то лишь историзм дисконтинуитета М. Фуко, и то отчасти, так как современность не имеет разрыва в пространстве или с прошлым. Поскольку современность возникает в живой Я-субъективности, а не в абстрактной, а ей неотъемлемо присуща воля, то она хочет – устраивает разрывы, а хочет – устанавливает связи. Она попросту не считается ни с разрывами, ни с прошлым как с

непреложными предписаниями, и в начале XX века из одного материала экономики, политики, культуры и социальных отношений Российской империи пробует сделать и еще более прочное самодержавие, и конституционную монархию, и буржуазно-демократическую республику, и советский социализм. А после смерти Л.И. Брежнева уже СССР, когда наконец современность начинает проникать и в официальный организм Советского Союза, он пробует и еще более отделиться от мира, и открыть для него свое пространство.

В связи с множеством определений, Г.Л. Тульчинский верно замечает: «У современности много характеристик, претендующих на определение ее специфики: постмодерн, постиндустриальное информационное общество, общество массового потребления, проектно-сетевой социум... 3. Бауман сравнивал современность с жидкой средой... Ф. Фукуяма еще недавно говорил о конце истории, а теперь пишет о постчеловеческом будущем... И все характеристики применимы. Но не дают некоего целостного представления. ... Это серьезный вызов философии»[4, с. 116].

2.

Однако вопрос о классическом историзме и методологии современности прозвучал и требует какого-то разъяснения.

Методология обуславливается проблематикой и предметной областью, для каких она разрабатывается и сама их определяет. Отсюда, в частности, и запрет на расширительное и произвольное применение методов. Проблематика же гуманитарного познания по преимуществу состоит в позитивной констатации фактов и в их ценностно-смысловой интерпретации. Что же до предметности, то она в гуманитарном познании совсем не такая, как в естественнонаучном. Если, скажем, в физике исследование заканчивается получением новой информации, то в гуманитаристике оно с этого только начинается, потому что за констатацией факта следует его *интерпретация и понимание*. Так, мало, собрав множество свидетельств очевидцев и архивных материалов узнать, что взятие Зимнего Дворца в октябре 1917 г. было малозначимым эпизодом городского бунта в Петрограде и совсем не имело того символического значения, какое ему позднее приписывалось. Мало знать, что «паке Молотова-Риббен-

тропа» – правда, но еще и важно понять, для кого и что все это означает.

Естественнонаучная предметность двуслойна, она состоит из информации и ее интерпретации средствами теорий, только после интерпретации и образуются «факт» и «знание». У нее имеется объективно-реальное содержание, которое продолжает существовать независимо ни от наличия или отсутствия интерпретации, ни от ее правильности-ошибочности. Гуманитарный же предмет трехслоен. Сама по себе информация физического значения почти не имеет и является не более чем знаком, или символом, самым поверхностным слоем. За ним начинается область культурно-исторических значений, нуждающихся в герменевтической интерпретации и отвечающих, что этот символ означает для того или иного социокультурного субъекта: группы, слоя, класса и т.д. Здесь тоже функционируют теории, появляются гуманитарный факт и знание. И именно здесь, через анализ предпосылок становится возможным подключение историзма, *только через предпосылки, которые в значительной степени подбираются субъектом исследования, а не через объективную предопределенность.*

Но даже после теоретической интерпретации гуманитарные факты еще не понятны, не имеют личного смысла, а их понимание требует еще одной интерпретации – осмысления, редукции полученного факта к экзистенциальному опыту исследователя. Без осмысления гуманитарный факт был и остается по-человечески непонятным, а значит, и прагматически бессмысленным. Предмет гуманитарной науки по существу не объективен, а субъективен.

Исторически сложилось, что гуманитарные исследования опираются на научную традицию и культурный контекст. Упрощенно говоря, на основе научного творчества какого-либо великого предшественника складывается и легитимируется базовая теория, а все последователи попросту проводят свои исследования, стараясь удерживаться в ее рамках. Они рефлексируют эту теорию, постепенно доводя до уровня отточенных методологических схем, и распространяют на новую предметность, доказывая ее применимость для все более широкого круга случаев и обосновывая ее проблематику как всеобщую.

Если это так, то какая традиция, какая базовая теория может лежать в основе гуманитарных исследований в России в

конце XX – начале XXI века, на что может опираться сегодняшний исследователь? Очевидно, у него остается два варианта: это, упрощенно говоря, традиции российской науки и науки Запада.

Что представляет собою традиция российской науки? – Тривиально, что это марксизм-ленинизм, даже не марксизм в смысле XIX века, а тем более самого К. Маркса. Это философия и методологическая база, вполне постпозитивистски ставшая в 20-е гг. XX в. программой социального строительства в нашей стране. На его основе были созданы и политические, и экономические институты, и развернуты в характерную систему практик и общественных отношений. Он лежал в основе целенаправленного конструирования социальной структуры, даже принудительная коллективизация в конце 20-х и 30-е гг., даже всем известный механизм репрессий и ГУЛАГ были развернуты не из-за природной «злобности» большевиков, а с целью ликвидации политико-экономической основы досоветских и несветских социальных отношений. А что до последствий, то какую они могут играть роль для теории и практики, где человек – не более чем «рабочая сила», пусть даже это главный элемент производительных сил, необходимых для строительства социалистического государства. «Лес рубят – щепки летят», крепостничество всегда было самым «эффективным менеджментом», правда и «производительность» у него невелика.

«Советский марксизм» напрямую или косвенно стал источником системы ценностей общественной культуры: трудового и воинского героизма, коллективизма, социального равенства и т.п. И все это явилось причиной, по которой именно он оказался в основе всей социальной и гуманитарной науки. Даже такие великие фигуры, как М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, М.К. Мамардашвили и др., были вынуждены либо сами вносить «советско-марксистские» коррективы в свои концепции, либо их последователи интерпретировали эти концепции под соответствующим углом.

«Советский марксизм» – безусловно, большое явление. Но он появился во второй половине XIX – начале XX века, и продуцируемая им практика оказалась практикой столетней давности (с ее главными ценностями государственного и национального строительства). Его диалектико-материалистическая философия прекрасно работает как методология классического

естествознания, но для гуманитарной науки просто непригодна, там даже сознание «материально по происхождению и содержанию», и только по способу существования даже не духовно, а абстрактно-идеально. Там любая попытка рассмотреть индивидуальность в контексте самобытности конкретного человека квалифицируется как изначально порочный «буржуазный индивидуализм», а таких понятий, как «дух», «душа», «Я», без которых непредставимы ни свобода, ни творчество человека, ни его обязательность, ни выбор, просто нет. Там мораль – только абстрактное содержание марксистской этической теории, а реальная нравственность существует помимо нее. Здесь не может быть поставлена проблема современности как самостоятельного качества человеческого бытия.

Сова Минервы все-таки в вечерние сумерки тоже вылетает. Наша страна поставила ценности государственного и национального строительства во главу угла и целенаправленно приступила к их практическому воплощению в условиях, когда уже начался всемирный процесс практической интернационализации. Но главное не в этом, главное в том, что «советский марксизм», став идеологией и системой целей практического управления страной, врос в самое тело Советского Союза и им воспроизводился, а с распадом СССР, с во многом спровоцированной самим «советским марксизмом» революцией 1991 года, он автоматически потерял легитимность для большинства ученых. У него, я думаю, есть перспектива, но теперь ему предстоит стать одной из многих научных традиций в ряду других, где каждая, в том числе и «советский марксизм», не сможет задавать тон всей науке и окажется нуждающейся в дальнейшем и очень глубоко развитии и переработке, в «ревизии», так сказать, если пользоваться его же терминологией.

Сфера влияния «советского марксизма» сократилась в десятки раз. Он разрабатывался как философия революции, неизбежной как действие закона природы, и утверждал, что в недрах любого общественного строя лежат причины, непременно ведущие его к гибели. И он был по-своему прав, но помимо революционного преобразования общества существует еще и длительный период, когда оно не преобразуется, а просто стабильно функционирует, и если историзм хорошо работает с развитием, то функционирование он не может анализировать иначе, кроме как

ориентируя его на революционный процесс. Убрать историзм нельзя, это значит столь же искусственно прекратить социальное творчество и преобразования, его надо развивать, но его надо и дополнять альтернативными подходами.

Так являются ли сторонники альтернативных подходов априорно не учеными, как это считалось в годы СССР? – Нет, не обязательно, они просто разрабатывают проблематику и предметность, упущенные «советским марксизмом», а эта область – огромна. Какая же методология им остается? Досоветские научные и философские взгляды России? К сожалению, они не сложились в традиции и были пресечены или подчинены «советскому марксизму». Органично вошли в ткань западных научных традиций П. Сорокин, И. Бодуэн, А. Кожев (Кожевников), А. Койре (Койранский), отчасти П. Милюков и Н. Бердяев и др., и к нам возвращаются именно с Запада.

Что касается самих западных научных традиций, которые мы уже веками с удовольствием изучаем, *то предмет гуманитарного познания – субъективность человека – находится в контексте создаваемой ею субъективности культуры. Методология разрабатывается для своей предметной области, и для каждого случая расширительного использования или переноса ее применимость должна доказываться.* Западная философия и наука сложились в условиях западной культуры и эффективны для нее. Применимость же таких теорий к новой предметности, к позднесоветской и нынешней российской культуре, думается, на сегодня обоснована неудовлетворительно. К нашим условиям западные теории не адаптированы потому, что все предыдущие десятилетия либо изучались апологетически, либо отвергались с порога. Прямое же применение их методологии и неизбежно следующей из нее практики приводит именно к тем искажениям в общественной жизни, из-за которых и либерализм, и прагматизм, и креационизм, и индивидуализм, и мн. др. в России вместо предмета научной полемики неожиданно стали простыми ругательствами.

Что же остается сегодняшнему гуманитарии в России? Ему остается *распад традиционных советских коммуникаций, социальных отношений, делегитимация советских ценностей и нелегитимность западных*, то есть, персонификация (думаю, этот термин корректней атомизации) индивидов, в том числе и самого российского

гуманитария. И остается практическое *отсутствие* самостоятельных российских научных традиций хоть немного связанных с практикой общественной жизни.

И это значит, что ему приходится возвращаться к единственному, что продолжает существовать, – к собственному экзистенциальному опыту смысловорчества и смыслопереживания, и к кружащемуся вокруг него огромному рою неинтерпретированной символики. Г.Л. Тульчинский очень верно назвал целый раздел своей интересной статьи «Субъективность и запрос на трансцендентное» [4, с. 119]. И опираясь на эти две точки, на неинтерпретированную символику чувственно или умозрительно воспринимаемой общественной жизни и культуры и на экзистенциальный смысл человека, приходится разрабатывать то, что не было сделано в XX веке, – оригинальные российские индивидуалистические, экзистенциалистские, феноменологические, герменевтические, постмодернистские и пр. позиции, и не просто разрабатывать, но и хоть в малой степени вводить их в ткань современной российской культуры. И лишь тогда, в полемическом диалоге с обломками досоветской науки, с остаточным «советским марксизмом» и с западными взглядами, можно надеяться, что с течением времени из этой полемики вырастет группа новых российских философий, научных теорий и методологических подходов и традиций.

Задача моих статей про современность лишь в том, чтобы спровоцировать наш интеллектуальный поворот именно в этом направлении.

Современность – безусловно, оценочная координатная сеть, иначе она не может играть ту роль, какую справедливо отводит ей и Ю.Г. Ершов: помочь человеку осознанно определять свое отношение к ценностям, вырабатывать жизненную стратегию и т.д. И она, как я убежден, по происхождению восходит к каждому человеческому индивиду, находящемуся вместе с другими в определенном пространстве, именно человеку решать, что для него современно, а что – нет. Непрерывные «вбросы» в оценочную сеть множества индивидуальных «энергий» и делают современность чрезвычайно гибкой, динамичной, а то и зыбкой.

Но ведь полагать в пределе, что современен только «Я», а все остальные – несовременны, было бы сумасшествием. *Современность является интегрированной сетью, возникающей в ходе взаимодействия*

множества индивидуальных оценок. Такая сеть объективирована и, возникнув, закрепляется формальными коммуникациями. На основе коммуникаций складываются институты, занятые регулировкой этой сети. У институтов и коммуникаций – своя судьба, но в моменты их массовой легитимности они тоже, как и индивиды, относятся к пространству современности.

Поэтому ***общая «формула» современности включает в себя «Я», проблемы, связь в смысле экзистенциального диалога и формальных коммуникаций, оценочную координатную сеть, легитимную институцию и легитимную же социокультурную субъективность.*** Это – ее положительное определение, а «несовременность» выступает лишь негативным определением, методологически необходимым только для начала разговора о ней.

3.

Ю.Г. Ершов указывает: «Вне и помимо глубинной связи с историей, с единством ее цикличности и поступательного хода, проблемы современности просто не существует. Ведь возникновение эпохи Модерна, соответственно – идеи современности – неразрывно связано с формированием идеи прогресса, а в научном плане – с концептуализацией категории развития и с разработкой различного рода эволюционных теорий» [2, с. 133].

И тут я бы не согласился, на мой взгляд, здесь – подмена тезиса, вызванная терминологическими причинами. Я пишу о современности в смысле «контемпоральности», и думаю, что соотносимость Модерна с контемпоральностью – очень неразработанная у нас область. В моменты зарождения любая эпоха, будь то Модерн, будь то Средние века, ставят вопрос о своей контемпоральности с преодолеваемой эпохой. Но в случае победы и утверждения эпохи, эта проблема оказывается решенной, и Модерн после выполнения своей программы буржуазных революций, национального самоопределения и политического оформления наций становится современностью лишь по названию. А проблема контемпоральности созревает в нем как альтернатива Модерну, теряющему легитимность. По отношению к истории современность – альтернативна и внеисторична, история для нее не более

чем «прошлое» как материальная основа, вроде бильярдного стола, по которому мечутся шары, а будущее – неопределенность грядущего, выражаемая быстро меняющимися тенденциями.

Ю.Г. Ершов верно отмечает мое стремление придать «определяющую роль в конструировании современности опыту индивидуального человеческого самобытия, отличающегося способностью к рационально-методологической рефлексии» [2, с. 133–134], и указывает, что «апелляция к рациональности сталкивается с общеизвестным аргументом о различном культурно-историческом содержании рациональности» [2, с. 134]. В свою очередь замечу, что, если не считать самых абстрактных размышлений о рациональности, раскрывающих ее метафизическую сущность, то в практике она имеет не только различное содержание, но и форму, та ее онтология, о которой вообще мы можем говорить, – социально-практическая. Поэтому, верно, «современное общественное развитие катаклизмами последних лет рушит один незыблемый стандарт рациональности за другим. Рациональность норм и институтов, рациональность индивидуального поведения, надежность государственных органов и доверие к экспертам сплошь и рядом обнаруживают свою несостоятельность» [2, с. 134]. Верно, но это еще ничего для современности не означает.

Рациональность – социальный стандарт общественной жизни людей, закрепленный в формальных коммуникациях и институтах, и в их ожиданиях, нацеленных на индивидов. С рациональностью связаны нормы, методы, технологии, традиции, эталоны, значимые фигуры и символы, всё то, что побуждает индивидов к «социально-нормальному» мышлению, поведению и действию. Источник же этого стандарта скрыт в индивидуальных разумах людей, в их способности в своем полилоге интегрироваться, создавать этот стандарт и усваивать его.

Живой же человеческий разум не только рационален, но и вне-рационален, поскольку скрывает в себе интуицию, «Я», свободу, творчество, ответственность, обязательность, выбор, возможность интенции и т.д. Индивидуальным же источником рациональности, скрытым в живом частном разуме, на мой взгляд, является способность *о-сознанию человеком своей внеположенности* по отношению к осознаваемому, к дистанцированности

от осознаваемого предмета и в конечном счете к тому «отделению» от природы, от культуры, от цивилизации, от Другого, что и рождает как разум, так и рациональность. Осознание и скрывает упомянутую выше возможность «индивидуальной рационально-методологической рефлексии». Современность же – качество не столько рациональности, сколько разума, отсюда и неотрывная от нее проблемность, и цикл легитимации-делегитимации, и стремление к интеграции с другими разумными людьми. Как говорил древний мудрец, любовь и вражда правят миром.

......*

А что до стилистических разногласий [2, с. 135–136], то будланутому бокру хотелось бы заметить гложкой куздре, что эта замечательная фраза была придумана Л.В. Щербой как демонстрация устойчивости грамматики по отношению к лексике, т.е. в нашем контексте – устойчивости формы, сравнительно с содержанием, рациональности с разумом, и социальных стандартов с современностью. Отдельный разговор о традиции и современности действительно необходим.

И эта фраза может использоваться как иллюстрация способности языка создавать свои собственные смыслы. Всем известно, что куздра тощая, колючая и очень ехидная, а бокр – эдакий наивный и добродушный увалень. И она его – будланула!..

Ю.Г. Ершов проделывает незамысловатую операцию подмены термина, и я ему очень благодарен, он за меня выполнил мою работу, содержательно расшифровал «субъективность» и «современность». Я не сделал этого же в предыдущих статьях исключительно из-за ограниченности места и подписываюсь под обоими его примерами. И свобода, и творчество – качества именно человеческого «Я», а следовательно, и его субъективности, и его разума, и его современности. Значит, сказанное о современности распространяется и на них. Вот если бы Ю.Г. Ершов попробовал заменить современность на что-нибудь внекультурное, например на «электрон», или на что-нибудь, абсолютно лишенное субъективности, например на «рабство», «диктатуру», «рутину», «архетип», «бессознательное», или на что-нибудь нейтральное (например, «ассимиляция», «цивилизация», «традиция»)! Фразы, типа «каждый субъект

традиционен сам по себе», «бессознателен самому себе», «раб самому себе», или «ассимилируется с самим собой», получают тоже неплохо, но загадочной глубиной «живой» мысли уже не притягивают.

1. Борисов, С.В. Что значит быть современным (в контексте статьи А.В. Павлова «Заметки о современности и субъективности») [Текст] / С.В. Борисов // Социум и власть. 2013. № 3. С. 123–126.

2. Ершов, Ю.Г. Современность как проблема [Текст] / Ю.Г. Ершов // Социум и власть. 2013. № 5. С. 131–136.

3. Ларин, Ю.В. Проблемы культурологического образования [Текст] / Ю.В. Ларин // Культура и глобальные вызовы мирового развития: V Международные Лихачевские научные чтения, 19–20 мая 2005 г. СПб.: 2005. С. 162–163.

4. Тульчинский, Г.Л. Современность и субъективность [Текст] / Г.Л. Тульчинский // Социум и власть. 2013. № 3. С. 116–122.

5. Чупров, А.С. Современность постмодерниста, или «Некуда бежать» [Текст] / А.С. Чупров // Социум и власть. 2013. № 2. С. 129–131.

1. Borisov, S.V. Chto znachit byt' sovremennym (v kontekste stat'i A.V. Pavlova «Zametki o sovremennosti i sub#ektivnosti») [Tekst] / S.V. Borisov // Socium i vlast'. 2013. № 3. S. 123–126 (Russian).

2. Ershov, Ju.G. Sovremennost' kak problema [Tekst] / Ju.G. Ershov // Socium i vlast'. 2013. № 5. S. 131–136 (Russian).

3. Larin, Ju.V. Problemy kul'turologicheskogo obrazovanija [Tekst] / Ju.V. Larin // Kul'tura i global'nye vyzovy mirovogo razvitija: V Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija, 19–20 maja 2005 g. SPb.: 2005. S. 162–163 (Russian).

4. Tul'chinskij, G.L. Sovremennost' i sub#ektivnost' [Tekst] / G.L. Tul'chinskij // Socium i vlast'. 2013. № 3. S. 116–122 (Russian).

5. Chuprov, A.S. Sovremennost' postmodernista, ili «nekuda bezhat'» [Tekst] / A.S. Chuprov // Socium i vlast'. 2013. № 2. S. 129–131 (Russian).

UDC 17.022

MODERN TIMES AND CRITICISM

Pavlov Alexander Valentinovich,

Tyumen State University, Professor of the Chair of Philosophy, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,

Tyumen, Russia.

E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation

The article is the answer to the criticism and summarizes the results of the discussion of the author's publication "Modern times and subjectivity". The author specifies the methodology of philosophical researches of modern times and he suggests its formula.

Key concepts:

Modern times, subjectivity, humanitarian methodology, interpretation, understanding, humanitarian cognition.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ» В 2013 ГОДУ

СОЦИУМ

- Антипова Е.И.* Личность специалиста социальной работы как важнейший ресурс профессиональной деятельности. **№ 5.**
- Борисов С.В.* Гуманизм и Просвещение: обретение гармонии или углубление конфликта? **№ 1.**
- Грабельных Т.И., Лесниковская Е.В.* Интеграционные изменения гражданского общества как доминанта регионального развития. **№ 1.**
- Жилина В.А.* Трансформация устоев российской цивилизации. **№ 1.**
- Зьонг Куок Куан.* Право и мораль в конфуцианском управлении обществом феодального Вьетнама. **№ 5.**
- Зырянов С.Г., Лесняк В.И.* Современный российский патриотизм: основные подходы к интерпретации. **№ 2.**
- Иванов О.П., Зырянов С.Г.* Новый социальный заказ к системе высшего профессионального образования. **№ 6.**
- Иванова О.Э.* Е-смысл и образование «третьей волны»: истинность и трансформация. **№ 1.**
- Истамгалин Р.С., Исеев Д.Р.* Социальный идеал как отражение противоречий большевистской модернизации российской государственности. **№ 2.**
- Каширина М.В.* Фальсеоинтеракция как особая форма социального взаимодействия. **№ 6.**
- Киселев В.Н.* Факторы формирования трудовых ценностей молодых рабочих в современных условиях. **№ 3.**
- Киселева Е.С.* «Онтологический ракурс» философских концепций С.Л. Франка и М. Хайдеггера. **№ 4.**
- Киселева Н.В.* Роль когнитивных факторов и установок в социологической оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления. **№ 6.**
- Костина Н.Б., Власова О.И.* Молодое поколение об устойчивости и изменчивости трудовой деятельности: опыт эмпирического исследования. **№ 6.**
- Костина Н.Б., Попов Д.П.* Социальные оценки реформирования высшего профессионального образования: показатели для измерения. **№ 3.**
- Кривова Д.А.* Значение социальной инфраструктуры для социально-экономического развития малых городов. **№ 2.**
- Лаамарти Ю.А.* Социальные последствия наркотизации в Орловском регионе. **№ 4.**
- Нехамкин В.А.* Балканизация как социальный процесс: прошлое и будущее. **№ 1.**
- Осипов О.В.* Возможна ли общенациональная религиозная идея в современной России? **№ 5.**
- Павлов А.В.* Заметки о современности и субъективности. Критерий современности. **№ 1.**
- Павлов А.В.* Полифакторная социология современности. **№ 4.**
- Павлов Б.С.* Деструкция семейных отношений в зеркале социологического анализа. **№ 5.**
- Павлов Б.С.* К вопросу об эколого-валеологической памяти населения на уральских территориях радиоактивного загрязнения. **№ 2.**
- Парамонова С.П.* Отношение молодежи Пермского края к проблемам освоения космоса (данные опроса студентов и их суждения). **№ 4.**
- Савченков А.В.* Прологомены к феноменологии путешествия. **№ 4.**
- Тарасова О.А.* Анализ брачно-семейных стереотипов современного российского студенчества. **№ 6.**
- Тует Ле Тхи.* Особенности формирования философии во Вьетнаме. **№ 4.**
- Усов В.Н.* Роль философии в стратегическом предопределении образования. **№ 1.**
- Файзуллин Ф.С.* Сущность этнического самосознания и факторы его формирования. **№ 4.**
- Чепрас Н.Г., Костина Н.Б.* Оценка системы управления в туристской отрасли потребителями туристских услуг (на материалах Свердловской области и Пермского края). **№ 2.**
- Чернова Э.Г.* Потенциал мировоззренческих дисциплин в системе высшего профессионального образования. **№ 1.**

ВЛАСТЬ

- Алдошенко Е.В.* Трансформация общественно-политических институтов в информационном обществе. **№ 5.**
- Василенко Ю.В.* *Андрес Борреро* – консервативный идеолог политического центра. **№ 4.**
- Дуран Т.В., Костин В.А.* Информационно-проектная концепция политики. **№ 4.**
- Дьякова Е.Г.* Переход к электронному правительству и национальная специфика: чему учит опыт Китая? **№ 3.**
- Ершов Ю.Г.* Проблемы конституционализма в современной России. **№ 6.**
- Зайцев А.В.* Интеракция власти и общества как переговорный процесс: лингвополитологический аспект. **№ 1.**
- Зекрист Р.И.* Типология концепций власти: философский анализ. **№ 2.**
- Зырянов С.Г.* Институционализация демократических выборов в России: уроки первого единого дня голосования. **№ 5.**
- Зырянов С.Г.* 20 лет формирования политической и социальной базы Конституции России – предварительные итоги. **№ 6.**
- Ильченко М.С.* Инерция в развитии российской политической системы: подходы к анализу. **№ 3.**
- Киричек Ю.А.* Структуры повседневности и политическая наука: особенности обыденного познания. **№ 1.**
- Коган Е.В.* Диалог как принцип организации коммуникативной деятельности субъектов политического поля Челябинской области. **№ 1.**
- Коряковцев А.А.* Революционность рабочего класса: марксистская теория и современная реальность. **№ 4.**
- Косов Г.В., Станкевич Г.В.* Религиозный фактор в политическом процессе: опыт восточных политий (исламская проекция). **№ 6.**
- Лобовиков В.О.* Исторический материализм в «цифровом формате» (сравнительный анализ интеллектуальных концепций и трендов социально-политических наук в связи с попытками осмысления модернизационных тенденций). **№ 3.**
- Нехамкин В.А.* Альтернативы российской монархии в 1917 г.: опыт философско-исторического анализа. **№ 6.**
- Новокрещёнов А.В.* Централизация власти и будущее России (анализ результатов опроса жителей Новосибирской агломерации). **№ 4.**
- Подорова-Аникина О.Н.* Политические коммуникации и информационное поле сети Интернет. **№ 2.**
- Русакова О.Ф., Ковалева Д.М.* «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ. **№ 3.**

Рыжий Д.С. Сетевые структуры и политические организации. № 3.
Саймонс Грегори. Национальный брендинг и внешняя политика России. № 6.
Сергеева З.Н. Политическая элита как социальная база субъектов манипулирования. № 5.
Сулакшин С.С. Институт государства в мегаистории: современное состояние и перспективы развития. № 1.
Сунгуров А.Ю. Общественные советы как институты мониторинговой демократии? Опыт Краснодарского края. № 6.
Трубицын А.В. Модели муниципального управления: особенности взаимодействия государства и институтов муниципальной власти. № 5.
Трусов М.А. Бельгийские политические партии как фактор влияния на взаимоотношения субъектов Федерации. № 3.
Фадеева М.А. Полиэтническое общество и стратегии этнической политики государственной власти. № 2.
Фан И.Б. Политико-правовой статус личности эпохи Московского царства: архаика или современность? № 3.
Хмелинин А.А. Особенности и дискурс российского неоллиберализма: становление «гибридной» модели. № 4.
Швец М.В. Квазигендерные группы в лиминальных политических процессах. № 5.
Шишков В.В. Доктринальные основы имперской политики США. № 2.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Бехтерев С.Л. Трудовые коллективы в системе советского хозяйствования: историко-правовой аспект. № 4.
Васильев В.А. Некоторые вопросы конституционно-правового регулирования представительства в сфере труда: исторический опыт и современное видение. № 3.
Воропанов В.А. Развитие системы отбора и подготовки кадров государственной гражданской службы в Российской империи в первой половине XIX в. № 6.
Дацко Н.П. Сокращение страхового случая как основание снижения гарантий работнику по страховому обеспечению. № 2.
Дубровин О.В. Правовые основы и административные барьеры при формировании рынка доступного жилья. № 5.
Елфимова Е.В. Совершенствование соотношения чинов, званий и рангов в системе государственной службы Российской Федерации. № 3.
Курятников В.В. Общность функций органов конституционной юстиции как системообразующий признак. № 4.
Магденко А.Д. Международно-правовые стандарты как эталон деятельности правоохранительных органов. № 2.
Магденко А.Д., Алимов А.А. Мировое сообщество: конституционный статус России и вопросы международно-правовой защиты. № 6.
Натура Д.А. К вопросу о классификации криминалистически значимой информации. № 5.
Никулочкин Е.О., Сергеев А.Б. Нормативно-правовая база и судебная практика в обеспечении гражданско-правовыми средствами конфискации имущества в уголовном судопроизводстве. № 5.
Никулочкин Е.О., Сергеев К.А., Сергеев А.Б. Конфискация имущества: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. № 3.
Савоськин А.В., Литвинова А.В. Институт обращений депутатов в конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации нуждается в совершенствовании. № 3.
Сергеев А.Б. Особое мнение судьи в системе отправления правосудия в уголовном судопроизводстве. № 1.
Федотова А.С. Понятие «территория порта» по законодательству Украины. № 1.
Эмих В.В. Омбудсмены, содействующие защите прав предпринимателей: тенденции и перспективы развития. № 3.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Банникова Л.Н., Шолова И.И. Проблемы формирования инженерной элиты индустриального региона. № 5.
Белкин В.А. Космические факторы экономических циклов. № 2.
Головихин С.А. О новой концепции базовых свойств конкурентоспособности и Региональном рейтинге конкурентоспособности. № 2.
Дубынина А.В. Проблемы инновационного развития экономики на региональном уровне. № 4.
Жундубаев М.К. Современная практика приграничного сотрудничества российских и казахстанских регионов в экономической сфере (на примере Костанайской и Челябинской областей). № 2.
Коблова Ю.А. Динамика транзакционных параметров информационно-сетевой экономики. № 6.
Коротина Н.Ю. Бюджетный механизм финансирования и стимулирования инновационного развития экономики страны. № 5.
Коротина Н.Ю. Возможности роста доходов муниципальных образований в Российской Федерации. № 1.
Костин В.А., Костина Н.Б. Коммуникация как сервисно-управленческая функция. № 1.
Неживенко Е.А., Новикова И.А. Исследование эффективности субсидируемой деятельности региональных сельскохозяйственных производителей. № 4.
Орехов А.М., Ахмедов Ф.Н. Экономическая идеология: опыт интерпретации. № 6.
Парасоцкая В.Г. Каскадный подход в подготовке кадров для муниципальной службы. № 4.
Пиньковецкая Ю.С. Анализ уровня предпринимательской активности в регионах. № 3.
Федоров Д.В. Развитие энергетического сектора в федеральных округах Российской Федерации: детерминация и оценка факторов. № 4.
Якушев А.А. Эконометрическая модель прогнозирования предпринимательской деятельности торговой организации. № 2, 3.

КУЛЬТУРА

Баркова В.В. Философский лик метафоры «экология души». № 5.
Богданова В.О. Конструктивистский взгляд на социальное бытие и сознание в свете онтологических проблем реализма и антиреализма. № 5.
Грунт Е.В., Хрущев К.В. Сексуальная культура российских студентов в современных условиях. № 2.
Добрикова К.А. Реализация ценностей американской культуры в языковой картине мира (на материале речей президента США Б. Обамы). № 4.
Жукова Е.Д. Культурологические аспекты современных проблем системы образования в России. № 4.

Загребин С.С. «Мы живём в ошибочном мире». Андрей Тарковский о духовном кризисе современной цивилизации. № 4.
Зелезинская Л.А., Чупров А.С. Проданный смех. № 6.
Иванова Е.А. Сартрианские истоки концепции политической субъектности Фредрика Джеймисона. № 3.
Кислов А.Г. Культура интеллектуального досуга: к стратегии edutainment. № 1.
Курбан Е.Н., Кривошлыкова М.В. Межкультурное взаимодействие и межкультурная коммуникация: к определению аспектов. № 1.
Лукин А.Н. Интенция сознания и духовная жизнь личности. № 2.
Попов В.Д. Культура и экономика: потребность в духовно-информационном детерминизме. № 1.
Рымарович С.Н. Генезис и смысловая детерминация феномена дома. № 6.
Чернов Г.Ю. Проблема экспликации понятия социальной массы. № 2.
Шафиков М.Т. К вопросу о принципах и законах развития науки в новой России. № 1.
Яркова Е.Н. Ценностно-смысловые аспекты инновационной деятельности: к проблеме методологии изучения. № 5.

ИСТОРИЯ

Абрамовский А.А., Абрамовский А.П. Формирование и деятельность органов охраны правопорядка в первый год пролетарской диктатуры: Красная гвардия Челябинска. № 1.
Авдашкин А.А. Диаспора: происхождение и развитие понятия. № 2.
Агапов М.Г. Деятельность советской разведки в еврейско-палестинском сообществе (1920-е гг.). № 5.
Аржаных Т.Ф. Власть и образованное общество в России 1830–1850-х годов: литературный фарватер взаимоотношений. № 5.
Данненберг А.Н. Католицизм на Кубе в условиях революционных преобразований (1959 г.). № 4.
Данненберг А.Н. Католическая церковь и власть на Кубе (к пятидесятилетию визита папы римского Иоанна Павла II). № 2.
Дмитриев Н.В. Религиозная составляющая деятельности воинских частей и подразделений Русской императорской армии на Дальневосточном театре военных действий в начале XX века. № 4.
Задворнова Е.Е., Караблин В.В. Политика государства и организация учебной работы в железнодорожных училищах дореволюционной России. № 2.
Ильин А.Н. Сфальсифицированная история одного конфликта. № 2.
Карипов Б.Н. Интерпретация либеральными мыслителями и учеными принципа разделения властей в России второй половины XIX – начала XX вв. № 3.
Мишина М.А. Социальное обеспечение семей военнослужащих в 1920-е гг. на территории Южного Урала. № 3.
Новоселов В.Н. Становление радиоизотопной промышленности на ПО «Маяк» (1948–1965 гг.). № 5.
Панькин И.Д. Историки о становлении танкового производства на Урале в годы третьей пятилетки (1938 – июнь 1941 гг.). № 1.
Панькин И.Д. Отечественные исследователи о последствиях создания Урало-Кузнецкого комбината. № 5.
Панькин С.И. Политическая платформа повстанческого движения на Южном Урале в 1920–1922 гг. № 6.
Пискунов С.А. Правовая основа политики сельскохозяйственного переселения на территории РСФСР (середина 40-х – 80-е гг. XX века). № 2.
Подмаричкин А.Г. Уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви при СНК/СМ СССР по Куйбышевской области в 1943–1965 годах. № 3.
Родионов Н.А. Государственная политика в сфере выявления и использования топливно-сырьевых источников на Урале (1920–1930-е гг.). № 6.
Смирнов Г.С. Врачебно-трудовая экспертиза в системе социальной защиты населения (на материалах Южного Урала). № 6.
Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Система социальной реабилитации инвалидов на Южном Урале в условиях «монетизации льгот» (2004–2010). № 1.
Тышета Е.В. Эволюция законодательной работы регионального парламента в 1990–2000-е годы (на примере Республики Хакасия) № 3.
Чупров А.С. Еще раз о так называемой новой хронологии. № 3.

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Борисов С.В. Что значит быть современным (в контексте статьи А.В. Павлова «Заметки о современности и субъективности») № 3.
Ершов Ю.Г. Современность как проблема. № 5.
Павлов А.В. Современность и критика. № 6.
Тульчинский Г.Л. Современность и субъективность. № 3.
Чупров А.С. Современность постмодерниста, или «Некуда бежать». № 2.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

X Международный конгресс этнографов и антропологов России «Современный город и социально-культурная модернизация России». № 5.
Академической политической науке на Урале 25 лет. № 3.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Кабачков А.Н., Лейбович О.Л. В эпоху информатизации, медиатизации и мягких технологий властвования... О книге О.Ф. Русаковой «Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс». № 4.
Макарова Н.Н. К вопросу о системе личных связей в Советской России. № 1.
Фадеечева М.А. Центр и регионы: историко-теоретический анализ нового российского имперского порядка. № 3.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30.

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the "Antiplagiat" system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the "SOCIMUM AND POWER" journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.

Tel. 7 (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.